

Михаил Кречмар

Книга путешественника, *или Дзэн-туризм*

Для тех,
кто стремится
избежать приключений

Михаил Кречмар

**Книга путешественника,
или Дзэн-туризм**

ИД «Бухгалтерия и банки»

2016

УДК 338.484-14-42(181.7)-51:796.5:910.4
ББК 68.9

Кречмар М. А.

Книга путешественника, или Дзэн-туризм / М. А. Кречмар — ИД
«Бухгалтерия и банки», 2016

ISBN 978-5-902479-03-1

Российская Федерация – самая огромная и наименее освоенная страна мира. Бескрайняя сибирская тайга, тундра Заполярья, уссурийские широколиственные леса – вот та грандиозная сцена, где разворачивается действие турпоходов, геологических экспедиций или экстремальных и охотничьих туров. «Книга путешественника» посвящена раскрытию «технологии странствия». Она о том, как человек может преодолевать невероятные на первый взгляд препятствия и путешествовать в самых суровых условиях, имея главным своим снаряжением ум, смекалку и внутреннее спокойствие. Автор, Михаил Кречмар, исследователь и путешественник, с четырнадцати лет участвовал в экспедиционных работах на Крайнем Севере, а позднее стал организатором съёмочных и коммерческих экспедиций «хоть на край Земли, хоть за край». За тридцать лет походной жизни ему пришлось пережить массу невероятных приключений, выбираться из самых запутанных ситуаций и на гребной лодке, в вездеходе и просто пешком преодолевать огромные пространства. В этой книге он суммировал свой опыт и опыт своих коллег, товарищей, спутников, а также аборигенов Севера – чукчей, эскимосов, эвенов и удэгейцев, с которыми ему пришлось много общаться в своих странствиях. Однако рекомендации автора рассчитаны не только на любителей экстремальных ситуаций. Основная их цель заключается в другом – показать, как этих ситуаций по возможности не допустить, применив минимальную смекалку. «Книга путешественника» рассказывает именно о «точках приложения» здравого смысла в дикой природе. А потому эта книга скорее не для искателей экстремальных приключений, а для тех, кто стремится в своих путешествиях их избежать. Для широкого круга читателей.

УДК 338.484-14-42(181.7)-51:796.5:910.4

ББК 68.9

ISBN 978-5-902479-03-1

© Кречмар М. А., 2016

© ИД «Бухгалтерия и банки», 2016

Содержание

Введение	11
Часть I	16
Глава 1	16
Тёмное время	18
Вода и обувь	18
Осенний лёд	18
Шуга	20
Стоянки	20
Погода	21
Глава 2	23
Не везёт	23
«Вроде бы» и «может быть»	24
Самый опасный зверь Севера	25
Мокрый снег	26
Стоять или идти?	28
Полиэтилен, брезент и тенты	28
Костёр	29
Шапка и рукавицы	30
Никогда не сдавайся!	30
Глава 3	31
Снег-обманщик	31
Снег, мешающий движению	33
Избегая снега	34
Снег и жилища	35
Снег как укрытие	36
Снег как утеплитель	37
Глава 4	42
Пурги Аляски	42
Пурги морских побережий	42
Синдром ожидания	43
Наперекор приметам	45
Переживание пурги	45
Что делать?	47
Позёмка	48
Чинук	49
Глава 5	51
Игры с температурами	51
Что делать?	53
Русский традиционный подход	53
Современный стиль – «хай-тек»	54
Традиционный северный подход	54
Морозные хитрости	55
Морозная мгла	56
Глава 6	57
Наледи в тайге	57
Речные наледи	59

Многолетние наледи	60
Надлёдная вода	61
Глава 7	63
Распутица	63
Наст и ночные заморозки	64
Полная распутица	66
Гребни и бровки	66
Собственно ледоход	67
Ледовые заторы	68
Паводок	69
Подъём воды в летнее время	71
Глава 8	76
Укрытие	78
Палатка и ветер	79
Жилища аборигенов	80
Ветер и мороз	80
Работа в ветровых зонах	80
Глава 9	82
Дождь и одежда	84
Дождь и палатка	85
Дождь и укрытие	86
Дождь и обувь	87
Дождь и костёр	87
Дождь и потоп	88
Глава 10	90
Мир тумана	90
Что есть туман	91
Видимость	92
Звуки	92
Влажность и холод	93
Настроение	93
Туман и огонь	94
Что делать?	94
Глава 11	97
Что такое накат?	97
Высадка и посадка	98
Одежда и упаковка	99
Приливы и отливы	101
Прижимы и непропуски	103
Лагуны и эстуарии	104
Глава 12	107
Галечные и каменистые пляжи	108
Равнинная тундра	109
Озёрные низменности	110
Болота и низины	110
Горы востока России	114
Подъёмы и остановки	114
Вертикали и горизонталы	116
Тропы	117

Хребты и перевалы	117
Осыпи и курумы	118
Обрывы и скальники	121
Кустарники разных видов	122
Кедровый стланик	123
Ольшаник	124
Болотный ивняк	125
Кустарниковая берёзка, или берёзка Миддендорфа	125
Леспедеца	126
Северное тундролесье	126
Еловые леса	128
Гари и мари	129
Буреломы	130
Кедрачи и сосняки	132
Поймы рек	133
Глава 13	134
Пожары	134
Землетрясения	136
Оползни и сели	136
Камнепады	138
Лавины	140
Цунами	142
Часть II	143
Глава 14	143
Рюкзак – всему голова	143
Первые мешки	144
Солдатские ранцы	146
Рюкзаки и кустарники	146
«Обычные» рюкзаки	147
Каркасные рюкзаки	148
Анатомические рюкзаки с внутренней рамой и мягкой подвеской	149
Отечественное или импортное?	150
Карманы	151
На что стоит обращать внимание при выборе рюкзака?	151
Рюкзаки и оружие	154
Лучшие рюкзаки	155
Личные предпочтения	156
Армейский рюкзак лёгкой пехоты США	156
Швейцарский армейский ранец	159
Рюкзак «Алтай»	159
Мой старый рюкзак без имени	161
Глава 15	163
«Пионерский» рюкзак	163
Малый каркасный рюкзак	164
Рюкзаки побольше	164
И вновь о карманах	165
Рюкзаки «городские» и «школьные»	165
«Рабочие» рюкзаки	166

Глава 16	168
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Михаил Кречмар

Книга путешественника, или Дзэн-туризм. Для тех, кто стремится избежать приключений

В книгу включены фотографии, выполненные автором, а также Арсением Кречмаром, Евгением Крокуновым, Татьяной Крокуновой, Ольгой Мочаловой, Василием Солкиным, Антоном Левманом, Юрием Коцюбой, Игорем Бугаевым, Александром Томиловым, Элизабет Миллер, Дмитрием Плотниковым, Юрием Шариковым, Виктором Савицким, О Мен Хи, Владимиром Бухониным, Дмитрием Чеховым, Александром Тулягановым, Русланом Кастоевым, Сергеем Мартыновым, Владимиром Дукачёвым, Адриано Сильвестри, Владимиром Бревновым, Анатолием Петровым, Еленой Гончаровой, Олегом Гончаровым, Роном Тарреллом, Павлом Гончаром, Леонидом Беленьким

Посвящается памяти Евгения Крокунова, человека, который стремился увидеть весь мир

Введение

Мы не викинги, и нечего выпячивать челюсть. Мы азиаты и здесь живём. Высшая добродетель в тундре – терпение и осторожность. Высшая дурость – лезть напролом. Огибай, выжидай, терпи. Только тогда ты тундровик.

О. Куваев. Территория

Эта книга – для человека, которого манит дорога, кто хочет испытать на своих плечах тяжесть маршрутного рюкзака и увидеть, как меняются пейзажи перед глазами в результате простого перебирания ногами по поверхности планеты Земля.

Она – не для спецназа, не для покорителей Эвереста и даже не для великих путешественников.

На тропе.

Она для тех, кто выбрал или выбирает себе работу лесника, охотника, охотоведа, геолога – в общем, работу, которая предполагает и длительные пешие переходы, и ночёвки под чистым небом, и высадки с катера прямо в накат на побережье дальневосточных морей, и сплавы по длинным, как жизнь *скудного* городского человека, северным рекам.

Автор этой книги более двадцати лет путешествовал по Дальнему Востоку, преимущественно «по казённой надобности». Будучи полевым зоологом, он изучал диких северных оленей и снежных баранов, гигантских лосей и амурских тигров, дальневосточных леопардов и бурых медведей. Впоследствии ему пришлось стать проводником охотничьих туров и организатором экспедиций.

Дальний Восток не зря считается самой непредсказуемой территорией России. Весна на его севере начинается в июне, а на юге – в начале марта. Охотское море гораздо суровее Баренцева, полоса тундры вдоль его берегов протянулась почти до широты Киева. Японское море хотя и лежит на широте моря Чёрного, но ледовые поля и метели зимой обрамляют его побе-

режье мрачными белыми фламандскими кружевами. Катастрофические паводки и коварные наледи, ураганный ветер и сводящий с *ума* гнус, метели и ливни – всем этим сполна богата дальневосточная природа. Иначе, в конце концов, какого чёрта нам бы платили пресловутые «северные» и «дальневосточные» надбавки?

Я хотел назвать эту книгу «Никогда не сдавайся», но впоследствии отказался от этой мысли, решив окрестить её так: «Дзэн-туризм». Она – о том, как человек может преодолевать невероятные на первый взгляд препятствия и путешествовать по планете в самых суровых условиях, имея главным своим снаряжением ум, смекалку и внутреннее спокойствие. Внутреннее спокойствие и уверенность в себе делают просто странствующего человека путешественником. Так рукопись обрела своё окончательное название – «Книга путешественника, или Дзэн-туризм».

Мир путешественника.

В этой книге не рассказывается о том, как штурмовать восьмитысячники или идти по тундре и плавучим льдам, побивая некие рекорды. В ней нет ничего такого, что было бы не под силу человеку обычной профессии – менеджеру или программисту, кассиру или продавцу мороженого, служащему банка или бизнесмену, – прошедшему все тридцать пять лет из своих тридцати пяти внутри Московской кольцевой автодороги. Но всё это окажется ему по силам при одном условии – если он не будет бороться с природой, а примет её всю с философским спокойствием и осознанием её дуализма – незыблемости и изменяемости – что, собственно говоря, и является основополагающим принципом дзэн.

«Мы не викинги, и нечего выпячивать челюсть. Мы азиаты и здесь живём. Высшая добродетель в тундре – терпение и осторожность. Высшая дурость – лезть напролом. Огибай, выжидай, терпи. Только тогда ты тундровик».

О. Куваев. Территория

Именно принципам выживания, огибания и терпения, с неизменным достижением цели в финале, и посвящена эта книга.

В ней я постараюсь рассказать, как избежать капризов погоды, остаться в живых при нападении хищного зверя, выжить в буран и не потерять голову, заблудившись в тумане. Но самый главный совет я даю сразу, и он будет рефреном сопровождать почти каждую главу – **НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ!**

В эту книгу также вошли многочисленные рекомендации и остроумные решения по выходу из сомнительных ситуаций, почерпнутые автором из самых различных книг. Должен сказать, что, несмотря на то, что книг о путешествиях и путешественниках в мире написано превеликое множество, литературы, которая бы давала подсказку, как вести себя в том или ином случае, удручающе мало. По крайней мере, такой литературы, которую бы мог прочитать «средний человек» лично для себя без напряжения и даже получить от этого некоторое удовольствие.

Одну такую книгу мы все знаем со школьной скамьи – это замечательный роман В. Арсеньева «Дерсу Узала». Но на самом деле в российской литературе есть немало столь же полезных для странника произведений, которые просто не на слуху у массового читателя.

Во время моей экспедиционной практики я с удивлением обнаружил, что очень многие приёмы и описания действий в тех или иных природных условиях, известные из приключенческой и авантюрной беллетристики, – на самом деле работают! (Дело в том, что среди таёжной и туристской братии принято несколько высокомерное отношение к жанрам так называемой лёгкой литературы.) Размышлял над этим я недолго – очевидно, что находчивость героев вестерна или «африканского» романа находится в прямой зависимости от интеллекта автора и накопленного им жизненного опыта. Банально, но – дураки интересных книг не пишут!

В конце концов путешественник «растворяется» в пространстве. Так выглядит могила оленевода в тундре.

Я взял на себя смелость включить в эту книгу много таких рекомендаций в виде прямых цитат. Опыт классиков-путешественников зачастую отличается от того, что приходилось наблюдать и делать мне, но ведь мир чертовски разнообразен, не правда ли? Прямая речь этих авторов, надеюсь, поможет вам ещё шире представить действительность.

Я намеренно не включаю сюда рекомендации на тему «спецназ ест всё», потому что, во-первых, всё ест не только спецназ, во-вторых, – я ещё раз повторяю – мои рекомендации не рассчитаны на любителей экстремальных ситуаций. Основная их цель заключается в том, как по возможности избежать этих ситуаций. Кроме того, подавляющее большинство рекомендаций, предназначенных для «экстремалов-выживальщиков», рассчитано на очень узкий спектр ситуаций. И таких приключений любой здравомыслящий человек избежит на 99,9 процента, применив минимальную смекалку. Эта книга как раз и рассказывает о «точках приложения» здравого смысла в дикой природе.

Я также не могу назвать свои заметки «школой выживания» – здесь скорее речь идёт о «вживании» в лесную, тундровую, горную реальность, с тем чтобы с наибольшим комфортом провести в этой реальности длительное время.

Некоторым сторонникам современных экологических учений покажется, что эта книга не содержит обязательных в наше время природоохранных акафистов. Да, это на самом деле так. Во-первых, значительная часть рекомендаций выработана на основе экспедиционного опыта шестидесятых-восьмидесятых годов, когда новомодные западные веяния ещё не протоптали себе тропинку в умы наших соотечественников. А во-вторых – эти рекомендации адресованы людям, для которых природа ни в коем случае не является «окружающей средой» и для которых щадящее отношение к ней – обязательный элемент жизни, например как питание или сон. С другой стороны, люди, ведущие такой образ жизни, существуют в условиях «избытка» природных ресурсов, поэтому иногда позволяют себе вырубить некоторое количество кедрового лапника для своей постели или молодых деревьев – на стойки палатки.

Когда мы говорим о воплощении в жизнь принципов дзэн, то прежде всего имеем в виду некое «состояние духа». Но состояние духа не очень хорошо помогает без определённой материальной поддержки. Каков бы ни был ваш кураж, но если вы при сорокаградусном морозе упали в воду и не имеете чем развести огонь, то вы, прошу прощения, – покойник. Поэтому я считаю, что надо говорить ещё и о тех многочисленных вещах, которые помогают нам «никогда не сдаваться». Иначе говоря – о снаряжении.

По ходу замечу – сегодня в мире выпускается огромное количество материалов, основанных на высоких технологиях, и некоторые из них обладают поистине замечательными свойствами. О таких материалах я скажу не очень много – гораздо меньше того объёма, в котором они представлены сегодня в рекламных проспектах или журналах. И дело не только в том, что самое современное снаряжение не будет таскать за вас рюкзаки или выбирать дорогу – то есть ни в коем случае не явится заменителем физической силы и здравого смысла. Речь будет идти в основном о снаряжении, с которым Пётр Иванович Кузнецов, инженер с зарплатой в 300 у. е., собирается во время отпуска на рыбалку, пушной промысел или в турпоход. Естественно, это не значит, что разговор ограничится толковищем о сравнительном достоинстве кожаных и кирзовых сапог и преимуществе брезентухи перед хлопчатобумажной тканью. Мы будем говорить и о гортексе, и о кордуре, и о полартеке, но прежде всего мы обсудим основные принципы подбора снаряжения для севера и востока России.

В дополнение скажу, что каждый из нас – людей, не один десяток лет проходивших в походы или экспедиции, – знает всё лучше всех. И то, что показалось удачным решением для меня, может у того же Петра Ивановича вызвать недоумение. Поэтому я изначально расставляю точки над *i*: большая часть моих рекомендаций ориентирована на человека, который соби-

рается провести на природе дней пять или более и пройти пешком по стране леса и камня километров сто, не менее.

А если Пётр Иванович сочтёт, что я что-то позабыл, о чём-то не написал или неправильно расставил акценты, – пусть самостоятельно изложит свои мысли.

Порой вас будет удивлять, что я часто пишу о совершенно очевидных вещах. Но именно из этих очевидных вещей и состоит премудрость жизни в простых суровых условиях. Точнее, из правильной последовательности применения простых вещей на практике.

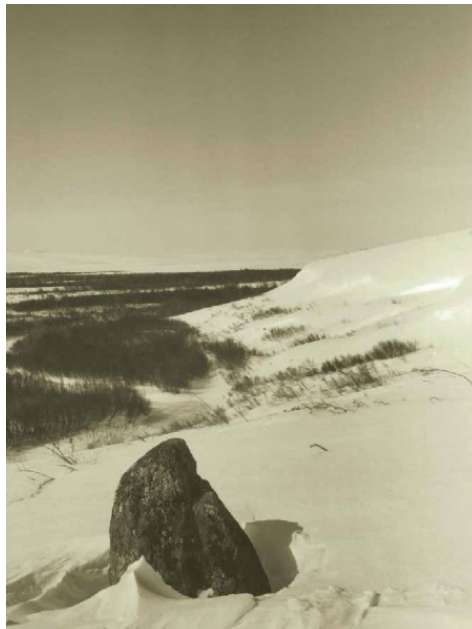
Эта книга – не для искателей приключений. Она для тех, кто стремится их в своей жизни избежать.

Благодарю всех, кто был моими наставниками и спутниками в страннической жизни на севере и востоке Сибири: моего отца, *Арсения Васильевича Кречмара*; *Владимира Викторовича Аксёнова*, моего первого начальника отряда и одного из последних пеших геодезистов Советского Союза; *Василия Феофановича Белого*, показавшего специфику геологических полевых работ на Центральной Чукотке; *Ивана Михайловича Субботина*, главного редактора газеты «Колымский тракт», где впервые увидели свет некоторые главы этой книги; *Алексея Вайсмана*, предоставившего мне справочную информацию из своей библиотеки; *Евгения и Татьяну Крокуновых*, *Василия Солкина*, *Антонина Левмана*, *Ольгу Мочалову*, предоставивших для этой книги множество фотографий; *Славу Загоскина*, человека, благодаря которому мне удалось вернуться на Чукотку.

Михаил Кречмар

Часть I Стихии Земли

Глава 1 Предзимье

Медвежий след бороздой поднимался на перевал. Когда я толком это рассмотрел, горизонт начало заливать фиолетовыми закатными красками. Я поглядел вверх, туда, где пологие гребни сопок переливались всеми оттенками синего цвета под свежими снежными наносами, вниз – там чернела решётка лиственничного леса, и прямо перед собой, где начиналась припорошенная снегом каменная осыпь.

Предстояло где-то ночевать.

Первый снег.

Через два часа, сидя возле большого костра, я попытался спланировать для себя завтрашний день. Где-то недалеко (по моим представлениям) в тесной и тёплой берлоге, под самыми гребнями скал, ворочался большой медведь, поудобнее устраиваясь на зиму. Эту берлогу он вырыл давно, где-нибудь в сентябре, затем спустился обратно к реке, после чего ещё почти месяц вылавливал с нерестилищ кижучей, закусывая их кедровым стлаником. Это был большой, настоящий медведь, не чета тем «щенкам», которые почти ежедневно встречаются на маршрутах. Лапа у него была около семнадцати сантиметров шириной¹, и оставлял он по снегу широкую, будто прокопанную бульдозером, колею. Весить он мог, по моим опять же прикидкам, около двухсот пятидесяти килограммов. Был он хитёр и умён, и именно эти качества позволили ему дожить до своих лет (я подозревал, что ему лет этих не меньше восьми – по человеческим меркам около тридцати). Для полной опасностей медвежьей жизни возраст этот уже весьма и весьма зрелый. Я видел только следы этого зверя, но в мечтах своих предполагал, что шкура у него тёмного, почти чёрного цвета с проседью.

Зверь, достигший в лесу среди «зверских» лесных порядков такого солидного возраста, укладываясь на зиму, должен предусматривать очень многое. Тем более что зимний сон – самое «тонкое» время его существования. Ничто и никто не должны его побеспокоить в длинной и узкой земляной дыре под скалой – там он будет совершенно беспомощен все семь месяцев нашей приполярной зимы. Инстинкт и опыт должны ему подсказать все варианты различных неприятностей.

Все, кроме меня.

С такими мыслями я продремал ночь возле костра и, как водится, приуспел, где-то после четырёх часов утра. Потому и не увидел, как погасли звёзды. А когда проснулся, то чистое ещё вчера небо было подёрнуто лёгкой дымкой и с него медленно сыпался мелкий осенний снежок.

Теперь неприятности были уже у *меня*.

¹ Автор большую часть своей жизни изучал бурых медведей как зоолог-исследователь и потому носит в кармане мерную ленту. Несколько специальных промеров следов позволяют довольно точно определять размеры зверя.

Как ни странно, ни о чём, вопреки выработавшемуся обычаю, я долго задумываться не стал. Если сказать честно – вообще не стал задумываться. Не стал задумываться о том, что снег этот может прекратиться через полтора часа, что медвежья берлога может быть в полукилометре от моего ночлега, что, может, я больше никогда не попаду на хороший осенний след в таких удобных местах. Не стал задумываться о шкуре, жире и желчи, а также о том, что описание берлоги представляет собой интереснейший научный материал. И даже не стал задумываться о том, что коту под хвост уйдёт полтора дня кропотливого распутывания осеннего следа.

Я встал, тщательно отряхнулся, попил чаю, без спешки, но довольно шустро собрал рюкзак и зашагал обратно к Колымской трассе.

Каждый сезон на Севере неизбежно несёт свою долю неприятностей. Весной это паводки и распутица, зимой – мороз, наледи и пурги, летом – комары и плохие дороги, осенью – дожди и снегопады. Но вот есть период, который вобрал в себя очень-очень много самых разнообразных проблем, – это предзимье.

Тёмное время

Один из самых неприятных признаков предзимья – каждый день хотя и не намного, но становится короче. Это не особенно заметно, если вы находитесь на тропе дня два-три, но уже через неделю вы понимаете, что ставить лагерь вам надо почти на час раньше. Причём это время начинает увеличиваться по мере приближения к 21 декабря – дате самой длинной ночи в Северном полушарии.

Но даже если вы живёте в стационарном лагере, то постоянно укорачивающийся день просто действует на нервы. У Джона Ле Карре мне приходилось встречать такое выражение, как «синдром переживания октября», и это говорилось о столичном городе Лондоне, а не о жизни в заброшенной охотничьей избушке где-нибудь в верховьях реки Алой.

Вода и обувь

Другая неприятность заключается в том, что в понижениях рельефа повсеместно мороз начинает выдавливать воду. Идёте вы по такой заснеженной полянке, на которой летом отродясь капли воды не лежало, – и вдруг оказываетесь в воде почти по щиколотку. Это ещё не наледи, это просто первые признаки их появления, но от них тоже можно потерпеть немало. К тому же если дни становятся всё короче и короче, то ночи – всё холоднее и холоднее. Поэтому ночёвка не просто в мокрой, но даже и просто в сырой одежде возле костра становится довольно проблематичной.

В качестве обуви для предзимья лучше всего подходят милицейские кожаные сапоги на меху с застёжкой (с моей точки зрения, конечно). Резины лучше избегать, личная практика доказывает, что, сколько бы ни наматывать портянок на ногу под болотный сапог, всё равно при морозе за десять градусов нога на остановках мёрзнет до деревянного состояния.

Осенний лёд

Ещё одна особенность данного сезона – не до конца замёрзшие реки. Реки северо-востока обычно перехватываются на медленных плёсах, где самые глубокие ямы. Двигаться по этим «перехватам» надо очень и очень осторожно, простукивая лёд палкой. Если вы идёте не один, то следите, чтобы ваш напарник шёл подальше от вас, метрах в десяти-пятнадцати. Это даёт некоторую гарантию, что он не провалится вместе с вами, если лёд неожиданно треснет под тяжестью одного человека.

Справедливости ради надо сказать, что осенний лёд гораздо крепче весеннего, и не зря про него сложена поговорка «Осенний лёд – свищу да пропушу, весенний лёд – молчу да опушу». Хотя «свист» льда – очень характерный звук, с которым лёд трескается, – сам по себе есть не очень хороший признак, и ваш покорный слуга, услышав его, обычно поворачивает обратно.

Вообще, замерзание рек – процесс длительный и сложный. Ледостав происходит в течение нескольких дней, причём раньше всего замерзают озёра, потом тихие, спокойные долинные реки, а уж затем – быстрые реки горных долин.

Уход от нависших над рекой обрывов.

О том, что замёрзли озёра, вы узнаете по уткам. Огромное количество нырковых уток – турпанов, чернетей, синьги – строят свои гнёзда уже после половодья, то есть очень поздно по птичьим северным меркам.

И отлетают они на юг не в едином порыве, как благородные утки, а тянут с началом отлёта до самого предела. Этот предел как раз и наступает при замерзании озёр, на которых и держатся семьи нырковых уток. Тогда они все внезапно появляются на, казалось бы, уже вымершей реке и улетают в течение двух-трёх дней.

Реки замерзают как минимум через неделю после того, как температура воздуха упадёт до минус двадцати градусов. А крупные быстрые реки даже в сорокаградусные морозы могут не замёрзнуть даже до середины декабря. В принципе здесь работает одно правило – чем больше масса воды, тем медленнее она замерзает.

Замерзает река начинает с заливов, которые на северо-востоке называются «култуками». Река ещё течёт, когда лёд на этих култуках становится таким прочным, что выдерживает тяжесть человека. Затем, во всяких затишьях, за мысами, корягами и просто на тихих плёсах, образуются забереги – примёрзшие к берегу куски льда толщиной в оконное стекло и такой же прозрачности. Далее ситуация вновь стабилизируется, всё так же давит мороз, всё так же светит бледное зимнее солнце, всё так же земля наливается зимним холодом... И наконец, по реке начинает плыть шуга.

Шуга

Шуга – это лёд, который образуется прямо на поверхности воды, кристаллизуясь иголочками, и плывёт вниз по течению, сбиваясь в небольшие, а позже – и в крупные островки. На поворотах и перекатах они цепляются друг за друга и, смерзаясь воедино, постепенно образуют ледяные мосты поперёк реки – так называемые перехваты. Затем эти перехваты смерзаются между собой и река «встаёт». Есть шуга, которая всплывает со дна реки, – это донный лёд, который образуется на перекатах, где морозный воздух охлаждает дно реки под перекатом через тонкую плёнку воды до отрицательной температуры, в то время как сама бегущая по перекату вода имеет температуру плюс четыре градуса, и на дне начинает вырастать тот самый лёд, который стал причиной едва не состоявшейся дуэли между старожилами в знаменитом рассказе Джека Лондона.

Так начинается снег...

Появление шуги знаменует собой тот факт, что в ближайшие дни река замёрзнет на большем своём протяжении и путешественник может попробовать найти место для перехода.

Стоянки

Рассчитывать маршруты в предзимнее время надо таким образом, чтобы успеть попасть под крышу как минимум часа за полтора до наступления темноты. А если вы такой энтузиаст, что путешествуете с ночёвками под открытым небом, то имейте в виду – осенью для приготовления ночлега вам потребуется больше времени, чем летом и даже зимой. Дело в том, что зимой вы можете использовать снег в качестве строительного материала и вообще для очень многих целей. В нём можно рыть ямы, нагреть его защитными стенками, в него можно на худой конец просто закопаться. А в предзимье снега нет, но холодно, особенно ночью. Так что

осенью всё приходится мастерить самому: городить временные крыши, рубить много лапника на постель и балаганы, валить деревья на ноды².

Погода

Первый снег в России характерен тем, что рано или поздно, но он всё равно пойдёт. Поэтому где-то с середины сентября к снегу надо быть готовым в любой момент. Если вы находитесь на зимовье, то помните – у снега существует противное свойство засыпать все предметы. Причём далеко не все они после его таяния могут обнаружиться весной. Особенно это относится к топорам. Кроме того, ежели снегом что-нибудь замело, то найти это «что-то» прямо сейчас становится очень и очень проблематично. Поэтому в ожидании выпадения снега желательно всё снаряжение или прятать под крышу, или закрывать тентами или ящиками.

Поиски места для лагеря.

Вообще, в предзимнее время погода не очень устойчива. То есть неустойчива совершенно. Краткосрочные прогнозы здесь не работают совсем. Помнится, в 1983 году на реке Убиенке, притоке Анадыря, в октябре прошла шуга, плёсы перехватило льдом, который держал человека, мы вытащили лодки на берег, а через два дня потеплело, пошёл дождь, и мы катались на моторках по реке ещё почти неделю.

Так что поздней осенью можно быть уверенным по большому счёту лишь в одном – в конце концов выпадет снег и ударят морозы.

А вообще, все погодные изменения поздней осенью толкуются, как принято говорить у юристов, в пользу сомнения. Так что если вы осенью на маршруте видите, что погода начинает... даже нет, не курвиться, а так, чуть-чуть вызывать сомнения в своей стабильности, – лучше не думайте. Поднимайтесь и идите домой.

«Арктическая осень вовсе не такое неприятное время года, как многие думают. Незаметно скользишь ей навстречу из живой страны детства, видишь природу, застывшую от холода, но и не думаешь со страхом о мраке, ждущем впереди, или о бурях и выюгах, сквозь которые придётся пробиваться. Напротив! Над всеми чувствами господствует чувство надежды,

² Охлаждающая сила ветра, воздействующая на ткани организма, как эквивалент температуры.

связанной с первым снегом, с первым льдом. Зима ведь не враг, она великая помощница, перекидывающая мосты через моря, прикрывающая голые камни гор и сглаживающая расселины. И как только санный путь сделает поездку возможной, тебя неудержимо тянет вдаль, рождаются новые планы, и ты только и ждёшь с нетерпением, чтобы мороз покрепчал».

К. Расмуссен. Великий санный путь

Глава 2

Мокрый снег

Что-то всё шло наперекосяк на этой охоте. Знаете, как бывает, – достаточно чему-то одному не заладиться сначала, и хорошо уже не выходит до самого конца. Или, как утверждает один мой приятель, большой реалист и знаток жизни, – «если начало предприятия хреновое, то конец будет вообще хуже некуда».

Не везёт

Дело было в середине сентября не помню какого года.

Сперва обалдуй-организатор забросил нас. трофейных охотников на снежного барана, группками по двое в места, где этот баран если и жил, то преимущественно в теории. Следы были старые, их было мало, и было не вполне понятно, оставили их звери год назад или три. Сразу после заброски полил дождь, и лил не переставая три дня. После этого дождя мелкие речки «переплюйки», которые обычно можно было переходить в коротких сапогах, превратились в пенистые потоки, вода по которым неслась белая, как хорошо взболтанное шампанское. Каждый переход через такой ручей превращался в отдельное мероприятие, которое порой занимало по полдня. А речек таких на десять километров пути попадалось штуки по три.

Потом дождь стих, но радости нам это уже не прибавило: мой товарищ промахнулся по большому медведю. Медведь был большой по-настоящему, килограммов на триста пятьдесят – четыреста, и такой трофей вполне мог примирить нас с некоторыми бытовыми неудобствами. Но большой медведь – видимо, не впервые за свою жизнь – доказал, что он не просто так достиг своего возраста и размеров. Почувствовав опасность для своей шкуры, он удрал по заросшему кедровым стлаником логу, так что хорошо рассмотреть мы его смогли только метров за шесть-сот, то есть за пределом реального прицельного выстрела.

После снегопада.

В довершение наших неприятностей в тот самый день, когда нас на хребте должен был забрать вертолёт, этот самый хребет затянуло туманом, да так, что в тридцати метрах нельзя было отличить валун размером с дачный домик от кошкиной бабушки. А когда туман наконец рассосался, мы пришли к выводу, что необходимо как можно скорее двигаться в сторону ближайшего жилья с твёрдой крышей над головой, баней и электричеством – рыбацкой базе, которая находилась в двадцати двух километрах от места, где мы ожидали наш злосчастный борт.

«Вроде бы» и «может быть»

Утром обычно даже самые отпетые реалисты становятся оптимистами хотя бы на полчаса, и то утро не являлось исключением. Окаянный туман растворился в воздухе, небо на восходе солнца пополнилось тем сиреневым цветом, который обычно предшествует ясному дню, и только на северо-востоке, возле скалистого морского мыса, носящего ныне имя лейтенанта русской картографической службы Евреинова, клубились безобидные барашки кучевых облачков.

Может быть – безобидные. В наших краях, если говоришь о погоде, никогда не будешь вполне точен, если не употребишь выражения «может быть» и «вроде бы». Кстати, это относится к большинству природных явлений.

Ну так вот, маршрут наш был хорош, но не очень (в том смысле, что на Охотском берегу есть много мест похуже), через стланик напрямую лезть надо было не очень часто, валуны тоже составляли не больше одной десятой пути. До устья реки с рыббазой было семь сопочек, и все их предстояло преодолеть по гребню – именно вдоль гребней обычно идут магистральные медвежьи тропы.

И когда мы поднялись на гребень второго холма и присели передохнуть, находя укрытие от ветра среди огромных камней, похожих на развалины крепостной стены, я посмотрел назад, на мыс Евреинова.

Посмотрел и понял, что акцент в выражении «может быть – безобидные» резко покатился в сторону отрицания: «а может, и нет». В том месте, где к берегу вплотную подходит горная гряда, клубилось свинцовое шаровое облако и под ним опускалась сизая завеса.

Самый опасный зверь Севера

– Чёрт, опять, что ли, туман ползёт. – хмуро выругался компаньон.

Я прикинул расстояние до пелены, а затем – до устья Сиглана. Самым разумным сейчас было немедленно раскинуть палатку и собрать дрова для огромного костра – благо прямо под нами находился обширный горе льник. Но лежать опять придётся в сырых спальниках, в запотевшей палатке, ютиться у огня, когда с одного бока тебя сушит, а с другого – поливает... А с другой стороны – бревенчатый дом. бензиновая электростанция, и как следствие её наличия – «лампочка Ильича» под потолком, каменная печка, и баня, о боги – баня! И всё это – уже в семнадцати километрах, семнадцати километрах не очень плохой дороги, а на часах – всего десять утра! А решение – за мной, мой гость приехал в Магаданскую область только на охоту и знает об этих местах меньше, чем я о пустыне Наска в Южной Америке.

Мокрый снег

Начинаешь думать: продукты на исходе – облепляет всё на свете... мы уже неделю в горах: спальники отсырели, ночевать в них уже рискованно, можно и простыть: по утрам морозит, легко схватить даже воспаление лёгких. К тому же компаньон мой непривычен к большим переходам – давеча восемь километров прошёл и посчитал это подвигом – дескать, сам он бизнесмен и не привык выходить из автомобиля. Подвиг не подвиг, но ведь он взрослый мужчина пятидесяти лет, держится молодцом, да и вообще я искренне убеждён, что практически любой человек по большинству дорог способен держать скорость минимум два километра в час – а значит, за десять часов пройти двадцать кэмэ. Конечно, пройти с остановками, может, с чаёвкой, упасть под конец пути – но пройти. И вообще, за три километра до финиша домики будут видны с сопки, тут у него ещё сил прибавится... Дорога эта мне знакома, я уже раза три здесь ходил, местность себе представляю хорошо. Непромокаемых курток у нас, правда, нет, зато есть рукавицы... Бельё на нас шерстяное, оно греет даже мокрое. Ещё один комплект одежды, относительно сухой, с собой в рюкзаках. А там печка, лампочка, баня...

И я принимаю решение, довольно рискованное, основанное на знании местности, оценке сил компаньона, а также понимании опасности, которая ползёт на нас с северо-востока.

– Пошли, – говорю, – Иосиф. Но сначала посмотри на самого опасного зверя Севера. Его не убьёшь из карабина и не заманишь в петлю. Сам он похоронил людей в наших краях больше, чем все медведи, вместе взятые, и меньше только, чем люди сами себя. Видишь плену на нашем старом лагере? Это не туман. Это мокрый снег.

Мокрый снег

Мокрый снег по праву считается одной из самых больших опасностей, которые могут прихватить путника на тропе. Во-первых, он обладает способностью очень быстро напитывать водой любую одежду – он прилипает к ней. а потом тает, в то время как капли воды во время обычного дождя первое время стряхиваются с ткани. Нейлон и болонья от снега не промокают, но они действуют изнутри как баня, поэтому если вы двигаетесь, то скоро вымокнете от пота. То же самое касается палаток. Снег в состоянии абсолютно промочить классическую плащ-палаточную ткань, удержать его могут только тяжёлый брезент, полиэтилен и современные непромокаемые ткани, идущие на большинство маршрутных палаток. Но и для них мокрый снег представляет значительную опасность, потому что во время снегопадов его идёт много, и он вполне способен прогнуть и даже сломать отечественные дуги из не вполне качественного российского алюминия или китайского полифайбера. Но, во-вторых, в-третьих и в-последних, мокрый снег опасен тем, что он тает на одежде, на руках, на лице и забирает тепло, а значит – высасывает жизнь. Он не стряхивается с одежды, подобно зимнему снегу, он прилипает ко всему, всё обволакивает, и это всё в итоге катастрофически остывает и становится пропитанным водой. Поэтому во время снегопада так трудно разжечь костёр.

Ко всему, если снегопад за ночь проходит и к утру устанавливается ясная погода, то она приносит заморозок и свежавыпавший снег схватывается ледяной коркой.

Мокрый снег бывает двух видов – весенний и осенний. С первым ещё можно кое-как мириться, хотя весенние снегопады, как правило, обильнее. Дело просто в том, что весной каждый день становится длиннее и – теплее. То есть, переживая снегопад, вы практически уверены в том, что вскоре установится хорошая погода, которая будет вам на руку, и вы, не делая резких и необдуманных движений, придёте к жилью.

Иное дело – осень, особенно в континентальных сибирских районах. Во-первых, всегда есть вероятность, что именно этот снег может лечь уже на всю зиму. И выпасть его может так много, что он серьёзно затруднит ваше передвижение, особенно в незнакомой местности. Во-вторых, изо дня в день осенью становится холоднее и холоднее, морозы уже даже в конце сентября где-нибудь на Омолоне или Коркодоне запросто двинут за двадцатиградусную отметку.

Мокрый снег опасен не только для людей, но и для палаток.

И если вас перед этим хорошенько вымочил снег, то вам приходится быть предельно осторожным. Кроме того, каждый день осени у вас ворует по полчаса светлого времени, то есть если вам особенно не повезло и вы где-то пережидали непогоду дня три, то вам нужно при расчёте вашего обратного пути вычесть почти полтора часа ежедневного хода. А в случае, когда вы или попали в неприятную ситуацию, или обстановка начинает резко ухудшаться, совершенно нельзя торопиться. Буквально каждый ваш шаг должен быть взвешен и обдуман.

Стоять или идти?

Вы помните, как нам приходилось принимать решение – останавливаться или двигаться к жилью? Очень многое зависит от вашего самочувствия – нельзя идти по тайге через силу. Вы должны быть уверены, что вам хватит сил не только на оставшиеся до укрытия километры, но и на какую-нибудь неприятность по дороге. А неприятности имеют свойство накладываться друг на друга (см. начало моего рассказа).

Однако, когда вы движетесь, вы согреваете себя сами, даже несмотря на мокрую одежду. Здесь только надо очень хорошо рассчитать время остановок для отдыха – и замерзнуть на привале в мокрой одежде никак нельзя, и передохнуть нужно как можно более полно. Выход один – золотая середина.

Выбирая стоянку, вам надо очень точно определить, как долго вы сможете пережить непогоду. Вам потребуется время на выбор правильного места и ещё некоторое время на подготовку стоянки. Хорошо, если у вас переносная палатка, но может случиться так, что вы путешествуете вообще налегке – от избушки к избушке, что вообще для Севера России дело обычное.

Полиэтилен, брезент и тенты

Что же делать, если вам пришлось пережить мокрый снег в лесу?

Прежде всего найдите надёжное убежище от ветра. Мокрый снег опасен сам по себе, в сочетании же с ветром он опасен вдвойне.

Лично я всегда в своём походном рюкзаке таскаю кусок полиэтилена где-то метра два на три или такой же кусок лёгкого брезента. Им всегда можно заслониться от снега с наветренной стороны. Конечно, сегодня есть масса более лёгких водостойких материалов, но вам придётся спасаться от снега не только заслонкой, но и огнём – а все эти нейлоны, капроны и прочие «... оны» гораздо огнеопаснее. Брезент лучше полиэтилена, но тяжелее. Хотя многие современные путешественники предпочитают брезенту современные синтетические тенты с пробитыми по краям люверсами. Тенты эти недорого стоят, весят около полукилограмма и занимают очень мало места в рюкзаке. Такие предпочтения оказываются в конце концов делом привычки.

Существует много вариантов укрытий из подручных материалов. Чаще всего это односкатные шалаши и балаганы, их сооружение требует много времени, и желательно иметь топор, на худой конец – большой нож. Балаган кроется стланиковым лапником или древесным корьём. На устройство примитивного балагана уходит часа два. с хорошим костром – три. но если у вас есть подозрение, что бедовать придётся долго, оно того стоит.

Костёр

Другой ваш союзник – костёр. Поэтому, найдя затишок от ветра, вам предстоит позаботиться о дровах.

АКСИОМА: ДРОВ МНОГО НЕ ВВІВАЕТ!

Так что предстоит вам развести большой костёр и поддерживать его. Маленький костёр не годится: во-первых, мокрый снег с лёгкостью погасит его, во-вторых, вам костёр нужен для обогрева. Тепло – это жизнь, и тепла должно быть много!

Мокрый снег весной особенно опасен для путников.

Способов разжигания костра в сырую погоду довольно много, и подробно я расскажу о них позже. Основа рецепта же чаще всего одна – много растопки, правильно сложенный

костёр, сильный и долговременный источник огня. В качестве последнего может фигурировать и свечка, и маленькая термитная шашка (очень хорошо, рекомендую), и фальшфейер (тяжеловат, но многофункционален, с его помощью можно и вертолёт посадить, и медведя пугнуть). Я даже знавал охотника, который таскал с собой плотно завинченный пластиковый пузырёк с керосином. Всякие чудо-спички типа «спичек охотника» или «ветровых» хороши, но не универсальны – горят быстро, и ими надо уметь пользоваться.

Для тепла же вам надо понемногу всё время двигаться. Нельзя давать сну одолевать себя – собирайте сучья, поддерживайте огонь, пейте чай. Чай с сахаром. Его тоже должно быть много.

Шапка и рукавицы

Если вам доведётся путешествовать в местах, где вас может неожиданно прихватить мокрый снег, следует позаботиться об удобной, а главное, тёплой одежде. Прежде всего, у вас должны быть шапка и перчатки. Тепло из тела чаще всего уходит через руки и ноги, так что совершенно обязателен дополнительный комплект шерстяных носков в непромокаемой упаковке. У костра желательно сидеть всё равно в перчатках – снег падает на руки всё время, а каждая калория, уходящая из тела, не возвращается туда обратно!

Никогда не сдавайся!

Когда мы с Иосифом пили чай под бревенчатой крышей, за стеной трещала электростанция, а в соседнем строении топилась баня, он, подмигнув мне, неожиданно сказал:

– Михаил, согласишься, было опасно? Мы могли замёрзнуть по дороге и даже погибнуть?

– Мы? Ни в коем случае!

– Почему?

– Потому что этого делать нельзя. Нельзя даже думать об этом, мысли такой допускать. Если ты не сдаёшься, то можешь выкрутиться из любой пакости, в которую тебя втравит природа. Так что выход всегда есть – никогда не сдавайся!

Глава 3

Просто снег

*Снег, снег, снег, снег,
Снег над палаткой кружится.
Вот и кончается наш
Краткий ночлег.
Снег, снег, снег, снег
Тихо на тундру ложится.
По берегам замерзающих рек —
Снег, снег, снег.*

А. Городницкий

Снег – это явление, которое определяет жизнь на большей части территории России, где снежный покров держится в течение почти полугода. Он оказывает огромное влияние на модели одежды, конструкции автомобилей, строительство городов, расписание автотранспорта и множество других вещей, которые для нас с вами, людей, живущих в стране снега, настолько очевидны, что мы даже не обращаем на них внимания. Но неизмеримо больше снег значит для существования любого живого существа непосредственно в природе. Более того, почти всё существование людей в тайге и тундре проходит под знаками снега и холода.

Снег скрывает рельеф, снег затрудняет движение, снег остужает тело, от него промокает одежда и обувь, снег оседает на деревьях и сыплется за воротник, снег обрушивается с гребней гор ужасающими лавинами, снег замечает следы и закупоривает жилища... При этом снег может быть укрытием и утеплителем, снег указывает следы, снег помогает найти жильё, снег способствует преодолению огромных расстояний, связывает берега и закрывает овраги. В лесах и на равнинах России зимой без ежеминутной поддержки цивилизации выживает лишь тот, кто может в снеге найти союзника.

А снег может быть союзником. В отличие от мороза. Но сперва мы рассмотрим его в качестве противника.

Снег-обманщик

Наша экспедиция сплавлялась по реке Анадырь в её верхнем течении. Лодки шли хорошо. мы покрывали по шестьдесят километров в сутки. Но такого результата мы достигали только за счёт того, что не разбивали собственных лагерей, а ночевали в избах охотников. лагерьях лесорубов и прочих таёжных постройках. если нам удавалось их найти. Этим мы ежедневно экономили как минимум два часа времени на сплаве – того, что обычно уходило на постановку палаток. Вот и сегодня нашей задачей было добраться до лагеря геологов на реке Бараньей. Устье Бараньей было перед нами, но вот места, где мог стоять лагерь, мы никак не видели. Перед нами располагалась лесотундровая грива, вся в кочках и поросшая корявой полярной берёзкой. На таком взлобке не расположился бы даже самый пьяный и невзыскательный абориген. Тем не менее мы, взглядевшись, различили в полукилометре от нас белые купола палаток.

– Всё ясно. – ехидно хихикнул Володя Аксёнов, начальник отряда. – Лагерь по снегу разбивали...

– Ага. – мрачно подтвердил завхоз партии. – В марте нашли это место на самолёте. Решили – место высокое, навёрное, сухое, привезли сюда палатки, поставили базу.

Два года планируем ведь работать. А тут начал снег таять – его здесь полтора метра было, всё из-под него и полезло. Сперва кусты, потом кочки, потом захлюпало болото между кочек...

Установленная в толще снега палатка становится теплее.

Историй, подобной этой, довольно много. Неквалифицированный выбор места для лагеря или избушки в зимнее время, по снегу, способен надолго предопределить жизнь его обитателей.

Должен сказать, что господа геологи отделались тогда ещё лёгким испугом. Другая партия, которая разбрасывала зимой железные бочки-лабазы с консервами, сигаретами, мукой, сухарями и маслом для того, чтобы их могли использовать летние маршрутные группы, сбросила такую «бочку снабжения» прямо посреди единственного на всё плато озера диаметром всего в десять метров и потому не попавшего в масштаб карты-километровки.

«Снег, снег, снег, снег... Снег над палаткой кружится...

Поэтому, если вы выбираете место для стоянки по снегу зимой и хотите использовать её и летом, – постарайтесь как можно дотошнее узнать, что представляет здесь собой земля в тёплое время года.

Выкопать яму не всегда бывает возможно – глубина снега с подветренных склонов сопки может превышать два метра, и по одному пробному прокопу не определишь характер местности целиком.

Иногда можно выбрать для лагеря обдутую до земли кромку берега – но это будет автоматически означать, что здесь всё время будет хотя бы небольшой ветерок.

Кстати, уж очень глубокий снег на понравившемся месте может означать также, что летом на этом участке будет небольшая болотина.

Снег никогда не подскажет вам, что находится под ним. Для того чтобы это узнать, надо применить много настойчивости и умения.

Снег, мешающий движению

Снег задерживает движение – особенно если человек не готов к движению по снегу. То есть нет у него ни лыж, ни снегоступов, ни даже обуви подходящей. Ну, очевидно, вся жизненная стратегия в такой момент должна подчиняться тому, чтобы выйти к какому-нибудь убежищу и постараться привести себя и своё снаряжение в соответствие с ситуацией.

Само собой разумеется, вы этот снегопад переждали у костра и дождались, когда совпадут два момента. Во-первых, снегопад должен прекратиться совсем. Сколько людей погибло, приняв перерыв между снежными зарядами за конец снегопада и покинув стоянку! Во-вторых, погода должна проясниться до того состояния, когда можно осмотреться на местности и определить направление движения.

Прежде всего прикиньте, есть ли на вашем пути реки, ручьи или протоки и в каких местах вы будете их преодолевать.

Дело в том, что вода под снегом – один из самых опасных врагов. Выпавший снег глубиной с полметра просто закрывает воду как одеялом, и лёд на этой воде образуется не сразу. Таким образом, двигаясь по свежевывавшему снегу, можно провалиться и в яму на реке, и просто в глубокую лужу. Таким образом, вы намокнете и этим увеличатся шансы замёрзнуть на тропе.

Снег обволакивает все предметы, как одеяло...

Свежевывавший снег, как правило, рыхлый, как пух. Существует иллюзия, что он не сильно задерживает движение, потому что его сопротивление преодолевается легко. Но это – на первый взгляд. Так или иначе он тормозит и связывает движения ног, скрывает как незамерзшую воду, так и упавшие деревья, ямы, промоины и всякие разнообразные препятствия на вашем пути. Кроме того, он очень сильно искажает рельеф местности – двухметровый овраг может выглядеть как незначительная складка в полметра.

Кроме того, снег на камнях может заставить вас поскользнуться – и это тоже ни к чему хорошему не приведёт. Для того чтобы свести к минимуму неприятности, которые доставляет снег на тропе, я рекомендую вырезать дорожный посох и проверять им все сомнительные места – ямы, в которых может скрываться вода, ложбины, которые грозят оказаться без дна, надувы, в которых можно провалиться по шею... Кроме того... ладно, про посох поговорим отдельно.

В первую очередь снег мочит и холодит ноги, тем самым охлаждая всё тело. Поэтому, если ваша обувь и не совсем подходит для движения по снегу, лучше выпустить брюки наружу, чтобы снег не так насыпался в ботинки, и перевязать их у подъёма стопы каким-нибудь шнуром или бечёвкой.

Двигаясь по свежевывавшему снегу, лучше останавливаться в безветренных местах, присаживаясь на стволы деревьев, предварительно их очистив. Ноги при этом лучше поднимать из сугроба и тоже устраивать им отдых на стволе.

Избегая снега

Выбираясь откуда-либо по снегу без лыж, надо примерно прикидывать, где этого самого снега будет меньше или не окажется вообще. Такими местами обычно бывают самые бровки речных и морских берегов, наветренные склоны гребней сопки, вершины возвышенностей.

Напротив, больше всего снега скапливается в низинах, поросших кустарником, и под гребнями гор с подветренной стороны. Через такие места ни в коем случае нельзя лезть напролом. Словом, всё, как всегда: хочешь передвигаться спокойно и с комфортом – огибай, выжидай, терпи.

Снег и жилища

Снег засыпает всё. Человеческие жилища тоже не являются исключением. В многоснежных районах избышки изначально строят так, чтобы дверь открывалась толчком внутрь. Это делается для того, чтобы, как бы ни было замечено снегом жильё, обессиленный человек всегда мог в него попасть.

Ещё одно таёжное правило – лопата всегда кладётся на крышу, прямо над дверью, так, чтобы ручка её торчала наружу сантиметров на тридцать – поворошив в сугробе, нависшем над дверью, вы нащупаете этот самый необходимый в снежных краях предмет.

Для того чтобы как можно меньше снега попадало непосредственно в жилище, к избам пристраивают сени. В сенях люди отряхиваются и оставляют набитую снегом одежду.

В предчувствии снегопада.

Кроме того, если вы обращали внимание, то, наверное, заметили, что в самих зимовьях вокруг печки в стены и потолок вбито огромное количество гвоздей.

На эти гвозди вешаются после каждого выхода на улицу многочисленные отсыревшие вещи – таким образом, чтобы сухая и тёплая смена полного комплекта одежды всегда была наготове.

Ведь нет ничего приятнее, чем под весёлое потрескивание огня в печи полностью скинуть тяжёлые мокрые валенки, присыпанный снегом полушубок, влажный свитер, пропитанные снегом брюки и натянуть на себя сухое и тёплое бельё.

При этом надо помнить, что в краях обильных снегопадов снег может оказаться той силой, которая способна всерьёз повредить ваше жилище. Снег способен просто раздавить оставленную на зиму палатку, искорёжить избушку и просто разрушить наскоро построенный балаган.

В первую очередь это касается крыши. Поэтому в строительстве крыш в многоснежных районах преобладают две тенденции. Их строят или с крутым скатом – с тем чтобы снег как бы стекал с крыши, и наоборот – почти плоской – чтобы ветер с неё снег сдувал. Естественно, первый тип строится в тихих местах, второй – на берегах рек, морей и прочих ветродуях.

Снег как укрытие

Снег может быть и укрытием – температура под снегом значительно выше, чем на его поверхности. Переживание пурги в норе, которая выкапывается в снеговой толще, – отнюдь не фигура речи для красного словца. Кроме того, очень многие российские детишки строили в детстве настоящие снежные дома в сугробах и, возможно, помнят, насколько в них было спокойно и уютно.

Стенки из снега – прекрасные убежища от ветра и пурги.

Во время ночёвок зимой под открытым небом в зимнее время вы в первую очередь выбираете тихое безветренное место с большим сугробом. Именно этот сугроб будет служить вам экраном для огня. Ногами или лыжами вы скапываете часть его (причём выброшенный снег складываете сверху, как бы надстраивая снежную горку), так, чтобы сугроб стал вертикальной стенкой, нависающей над вашим временным биваком. Свой скарб – лыжи, рюкзак, коврик, спальный мешок и прочее – вы укладываете у его подножия, а в полутора-двух метрах от его основания укладываете долгоиграющий костёр – нодью. Сугроб отражает тепло и свет от огня, и между ним и костром образуется вполне приемлемый микроклимат.

Снег как утеплитель

Снег помогает утеплять как временные убежища – палатки, навесы, так и постоянные – избушки, балаганы, зимовья. Сразу после доброго снегопада таёжные жители нагребают сугробы вокруг своих домиков и подновляют их регулярно. Снегом засыпают борта палаток, в снег вкапывают временные палаточные лагеря – потому что именно толща снега удерживает тепло за тонким брезентом временных человеческих убежищ в этих чертовски негостеприимных условиях.

Существует ещё один способ использования снега в качестве убежища путешественников. Этот метод многократно повторяется в самой разнообразной литературе и с таким количеством противоречивых подробностей, что кажется почти мифологическим. Это строительство снежных хижин, или иглу.

Судя по литературе, иглу некоторой части канадских и гренландских эскимосов были не столько убежищами, сколько настоящими домами этих людей. Кстати, эскимосы азиатского материка жили не в иглу, а в крытых звериными шкурами полуземлянках – нынлю.

Описание строительства иглу приводится в подавляющем большинстве пособий по выживанию. Лично мне ни разу не приходилось строить иглу в его, так сказать, чистом виде. Но вот различных снежных убежищ мне довелось построить не так уж мало.

Поэтому то, что я расскажу ниже, будет являться смесью рассказов опытных «иглу-строителей» с моими личными наблюдениями в этой области.

Строительство иглу является поистине гениальным манёвром, обращающим врага в друга: и манёвр этот мог родиться только в головах людей, никогда не представлявших себе иного места обитания, чем безлесная кромка полярных льдов.

Снег засыпает дома под самую крышу

Основными предпосылками постройки таких домов являются две вещи:

- во-первых, плотный снег удерживает тепло благодаря заключённому в его структуре воздуху – как это делает такой общеизвестный, используемый в строительстве материал, как пенопласт;
- во-вторых, в построенном снежном домике удерживается тепловой баланс между отрицательной температурой снаружи и небольшой положительной температурой внутри, благодаря чему незначительный источник тепла, которым отапливаются иглу, не в состоянии разрушить его изнутри.

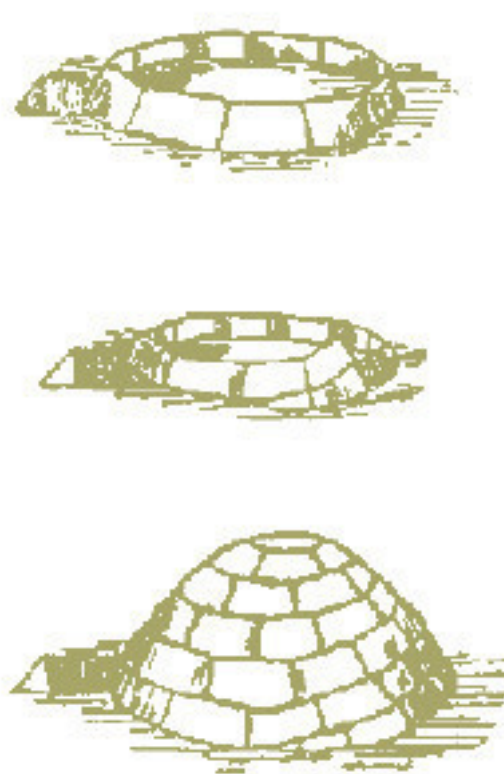

Схема постройки снежной хижины – иглу. По книге «Справочник путешественника и краеведа»

Особенности национального эскимосского строительства таковы.

Выбирается ровная площадка с глубоким удутым снегом, на которой можно как поставить хижину, так и нарезать потребное количество снежных кирпичей.

На площадке очерчивается круг, равный диаметру будущего жилища. Для группы в три человека диаметр иглу, считает С. Обручев, должен быть три метра, на четырёх человек – чуть больше трёх с половиной (3.6 м).

В качестве строительного материала используются снежные блоки, нарезаемые с поверхности снега. У разных авторов их размеры колеблются в пределах 10–15 × 60–100 × 40–60 сантиметров. Блоки эти устанавливаются внутрь стороной, покрытой настом, во всяком случае – той стороной, что была на поверхности снега при изготовлении блоков.

Строительство иглу ведётся по спирали. Для этого первый уровень блоков, который, собственно говоря, и будет составлять фундамент хижины, делается из самых крупных кусков: эти куски, уже будучи установленными по кругу, срезаются под наклоном к земле так, чтобы все следующие укладывались по спирали. Каждый следующий слой блоков устанавливается с уклоном в пять градусов внутрь по отношению к предыдущему, чтобы блоки в конечном итоге образовывали свод. При этом строители не обращают внимания на изобилие щелей в стенах. По сути, блоки, которые устанавливаются наклонно, являются только базисом купола, все отверстия в котором впоследствии «замазываются» снегом.

Верх хижины закрывается одним или двумя плоскими снежными блоками.

Под готовый купол иглу с подветренной стороны прорывается лаз-тоннель, который должен находиться ниже уровня пола. В качестве «двери» в хижину вырезается отдельный большой снежный блок.

В описаниях строительства оригинальных иглу эскимосами постоянно упоминается такой инструмент, как снеговой нож. Наша же практика строительства снежных убежищ доказывает, что в этом качестве отлично подходит длинная пила-ножовка.

Как можно понять из вышесказанного, строительство иглу – дело довольно муторное. Содержит большое количество очень важных деталей и требует значительной тренировки. Европейцы довольно долго не могли научиться строить иглу и даже утверждали, что искусство их возведения доступно лишь эскимосам с их иррационально развитым «чувством снега».

Первым преуспел в этом деле самый универсальный полярник всех времён и народов Р. Амундсен. Он же потом рассказывал, что для того, чтобы построить более или менее нормальную хижину, ему пришлось сложить как минимум шесть домиков.

Строительство убежищ из снега – иглу – традиционный элемент выживания в стране снегов.

Снежные убежища, которые мне приходилось многократно строить во время странствий в северном Приохотье, были на уровень более примитивны. Чаще всего это были выкопанные в высоком сугробе снеговые пещеры около двух-трёх метров длиной и полутора метров высотой, у входа в которые горел костёр. Иногда это были заслоны из пресловутых снежных кирпичей, которые также использовались прежде всего в качестве экрана для костра.

А почему мне ни разу не приходила мысль построить иглу в какой-нибудь нейтральной ситуации, для обеспечения себя каким-либо кровом. – может спросить читатель.

Так выглядит снежная хижина в законченном виде

А вот почему. В своих собственных путешествиях я всегда старался двигаться тайгой. в крайнем случае лесотундрой – то есть в условиях избытка горючего материала. А при таком раскладе мощная энергосберегающая система, которой и является иглу с точки зрения чистой термодинамики, не нужна!

«Нечто столь будничное, как постройка снежной хижины, что мы делали сами сотни раз, оказалось здесь настоящим чудом. В жизни не видывали мы, чтобы хижина выростала из снежных сугробов с такой быстротой. Среди обитателей мыса Йорк это считается работой, требующей двоих людей: один вырезает снежные пласты и передаёт другому, а тот складывает из них хижину. Тут же один человек сначала только делал надрезы на снежных сугробах того участка, который казался ему подходящим для кладки хижины, а затем вырезал пласты и сразу складывал из них хижину. И всё это делалось с такой быстротой, что мы онемели. Жена человека тем временем взяла большую оригинальную снеговую лопату, имевшую не только обычную рукоятку, но ещё и ручку, приделанную к самой лопасти, и стала огребать [так! – М.К.] осыпающийся со стен снег и оглаживать самые стены по мере того, как они росли. Таким образом, забиваются все скважины между пластами кладки, и в хижине бывает тепло в любую погоду.

Меньше чем в три четверти часа были сложены три большие хижины, а почти одновременно с тем, как была готова в хижине и снежная лежанка, на ней зажглась жировая лампа, распространяя тепло в жилье».

К. Расмуссен. Великий санный путь

А ещё снег может помочь преодолеть пешком огромные расстояния.

Ну. не совсем пешком. А на лыжах.

Глава 4

Феномен пурги

Кто скажет, сколько поколений юных романтиков выросло на книгах Жюль Верна, Луи Буссенара и Джека Лондона? Мужественные арктические первопроходцы «Смока Беллью», «Ледяного ада» и «Капитана Гаттераса» преодолевали заснеженные равнины, терпели невероятные лишения, замерзали едва ли не насмерть (а иногда – и насмерть) и подвергались самым невообразимым опасностям. Но... среди всех вообразимых и невообразимых напастей в этих текстах напрочь отсутствовало одно природное явление, знакомое практически каждому северянину. Это явление – пурга.

Я не раз задавался вопросом, почему понятие пурги почти полностью отсутствует в западной приключенческой литературе. Причём, если несуществующий «ледяной плевок» уверенно кочует из романа в роман, а знакомство с абсолютным сибирским холодом грозит самыми невероятными пакостями даже со страниц вполне серьёзных изданий, то пургу граждане романисты упорно обходили стороной.

Ну ладно там – Жюль Верн, который никогда на своей яхте не поднимался выше Фарерского архипелага! А тот же Лондон – онто, по крайней мере, на Севере побывал!

Здесь существует только одно объяснение. Пурга – одновременное сочетание ураганного ветра, сплошного снегопада и мороза настолько ужасно для человека западной культуры, что кажется невероятным даже для полуфантастической прозы. К слову сказать, мороз при пурге обычно немного отпускает – самые сильные холода характерны преимущественно для районов с неподвижным воздухом.

Пурги Аляски

Известно, что Джек Лондон прожил на Аляске всего одно лето в качестве корреспондента, и этого оказалось достаточно, чтобы он в своём воображении (а впоследствии и на бумаге) создал целый мир со своей природой, географией, людьми. Основное действие его аляскинских рассказов развивалось в таёжной зоне, где лес мешает разогнаться ветру до приличных скоростей. Мне самому пришлось провести зиму в центральных районах Аляски, и действительно – стылый замороженный воздух там настолько неподвижен, что кажется – его можно резать ножом. Пурги – это отличительная черта открытых равнин и морских побережий. Но уже где-нибудь на Алеутах или мысе Барроу пурги случаются такие – ещё Чукотка позавидует!

Пурги морских побережий

Всё северное побережье Тихого океана исчерчено бесчисленными шрамами пург. Полоса тундры, протянувшаяся от полуострова Тайгонос почти до самого устья Амура, есть не что иное, как следствие действия сильного морозного ветра, смешанного с мелким секущим снегом. Почти без преувеличения можно сказать – пурги определили лицо ландшафта тихоокеанского побережья России. На морских побережьях есть места, где сильные ветра возникают не только во время циклонов. Сопки и заливы образуют рельеф, с уступов которого срываются мощнейшие воздушные потоки, образующие настоящие локальные ураганы, такие как южак или бора.

Пурга – одно из самых страшных явлений на Севере.

Порой пурги являются неотъемлемой частью погоды на сложных горных участках. Эти районы летом легко узнать по безлесью, по угнетённой растительности, по голым пятнам земли, с которой содран прикипевший к ней лишайник; зимой они узнаются по твёрдым надувам и застругам, которые даже не ухватишь лопатой.

Синдром ожидания

Когда работаешь зимой в удалённых районах или на Севере, то рано или поздно сталкиваешься с настоящей пургой.

Перед пургой.

Основной способ переживания пурги – это не встретить её в дороге. Зная об этом, путешественник всячески старается избегать столкновения с ней в пути. Он начинает коллекционировать народные приметы, пытается развивать собственное шестое чувство. Обращается за советами ко всевозможнейшим знатокам и шаманам. Обычно такой синдром ожидания проявляется после того, как человек пережил в четырёх стенах какой-нибудь хороший добрый многодневный буран.

Но тем не менее значительная часть людей, проводящих много времени в разъездах, так или иначе сталкивалась с ней лицом к лицу.

Однажды и мне довелось повстречать её на тропе.

Наперекор приметам

Дело было весной. На Первое мая. Каюсь, я пренебрёг народной приметой, очень популярной у одного моего приятеля-охотоведа. Примета эта гласила: «Гневается боженька на большевиков. Ни один из майских праздников без пурги не проходил!».

Даже деревьям приходится несладко в пургу...

Да и утро не особо располагало к поездке – небо хмурилось, потеплело. Должен, кстати, сказать, что потепление – один из наиболее безошибочных признаков ухудшения погоды. «Да ладно, ерунда. На снегоходе пятьдесят километров – это час хода. Успею вернуться», – подумал я и, посадив на нарты приятеля-охотника, двинул к подножию горы Эгуйя – самой высокой вершины Кони-Пьягинского полуострова. Но уже практически возле цели нас на горах застал... дождь, снег начал раскисать, и волей-неволей я был вынужден искать место для стоянки. Пока я присматривался к редким островкам леса на склонах гор, ветер усилился, дождь превратился в снегопад и начался настоящий буран.

Переживание пурги

Место для бивака я определил возле двух крупных сухих деревьев. Никакого убежища от ветра поблизости не было, но у меня имелся один план. Отправив компаньона валить деревья, сам я вооружился ножовкой, которую всегда имею в «бардачке» снегохода. Судя по ветвям на стволах деревьев, высота снега здесь была не меньше полутора метров.

Пурга начинается...

Пришло время проверить на практике знание, почерпнутое из книг, о том, как надо строить заслоны из твёрдого снега. Слава богу, снегоход позволяет возить довольно большой НЗ, куда входит и изрядный кусок брезента, и ручная пила, и несколько мотков верёвки, и настоящий, серьёзный топор, и довольно много всего другого, столь же полезного.

Пилой я выпиливал из твёрдого снега кирпичи, из которых складывал высокую стенку, одновременно углубляясь в сугроб. Ветер усиливался. Я подтащил снегоходом к яме два ствола, сваленных моим приятелем. Наконец, убедившись в том, что «Буран» мне пока больше не нужен, я поставил его боком к ветру, используя снегоход как дополнительный от него заслон.

Выкопав яму глубиной в метр, длиной метра в три и столько же шириной, я решил, что пора успокоиться. Мы уложили брёвна вдоль ямы, сделали ложе из нарт и двух пар лыж, заваляли его стлаником, выкопанным из-под снега. Брезент размером три на три метра я использую с фланга моей импровизированной стенки высотой около ста двадцати сантиметров – чтобы не задувало. Игорь, мой приятель, разжигает костёр. Благо, наличие в баке снегохода бензина снимает любые проблемы с этим делом. И мы в полудрёме коротаем ночь в клубах дыма.

Наутро пурга стихает. Подмораживает, и я слышу гул снегохода. Подъезжает охотовед Володя – тот самый автор приметы о боженке и большевиках.

Снегоход в плохую погоду.

– Во, надо же! Я раньше только картинки про снежные крепости видел, а теперь приходится на самом деле на это поглядеть!

– Крепость крепостью, зато пургу пересидели.

– А не ездили бы по «первым маям», так и сидеть бы не пришлось! Отлично бы на избе чаю попили.

Что делать?

Что же рекомендуют бывалые люди попавшим в пургу путешественникам?

Прежде всего – не паниковать. Так как видимость в пургу сразу падает, надо твердо решить, как продолжать движение и продолжать ли его вообще. Сразу же надо отметить для себя ориентиры, промахнуться мимо которых нельзя, в которые можно только упереться. Это может быть горный склон, ручей, морской берег. Надо постоянно вглядываться в белёсую мглу – пурга почти наверняка идёт порывами, в какой-то момент пелена чуть порвётся – и из снежной круговерти выступят очертания сопков, скал, деревьев. Ловите этот момент!

По большому счёту – если вы двигаетесь по незнакомым местам или у вас есть какие-то сомнения в направлении движения – сидите на месте, закопайтесь в снег, палите костёр. Ничто не вечно, и пурга тоже. Но возможен вариант, что она затянется на несколько дней.

Если вы всё-таки решили двигаться, очень чётко определите, куда вы идёте. Направление ветра можно использовать в качестве ориентира, но с очень большой осторожностью. Во-первых, ветер может сам по себе менять своё направление, во-вторых, вы, огибая склоны сопков или опускаясь в лощины, можете ловить разные его потоки. Ни в коем случае нельзя срезать утлы! Без постоянных ориентиров вы рискуете уйти в самом неожиданном направлении!

Лагерь в пургу.

Помните, что в самом начале я писал о синдроме ожидания пурги у путешественников? Он проходит после того, как вы повстречаете её лицом к лицу. Но такая встреча закончится для вас благополучно, только если вы в своей жизни руководствуетесь принципом «Никогда не сдавайся!».

Позёмка

Сродни пурге такое явление, как позёмка.

Не будучи пургой, позёмка также способна причинить массу беспокойства бродяжему люду.

Позёмку вызывает сильный ветер, срывающий снег с вершушек застрогов и сугробов. Порой это явление может принимать такой масштаб, что кажется – поднимается настоящая снежная буря. Причём такая позёмка может быть гораздо хуже настоящей пурги – хотя бы потому, что позёмка не всегда сопровождается потеплением. А пронзительный ветер метров тридцати в секунду вкупе с тридцатиградусным морозцем – погодка нисколько не приятная для лыжных прогулок по пустынным нагорьям!

К тому же такой ветерок может подняться буквально за считанные минуты – и посреди ясного солнечного дня!

Это является следствием неравномерного нагрева воздуха в горах и контраста температур между тёплым воздухом наверху и холодным в низинах. А продлиться такой ветерок может несколько часов – вплоть до суток. Поэтому, если он внезапно ловит вас на маршруте, а вы одеты, что говорится, «не по случаю», то выход один – уходить вниз, с открытых пространств в лес. И идти тайгой до ближайшего зимовья.

Чинук

В зимних горах существует ещё один температурный феномен. Согласно законам физики, тёплый воздух поднимается наверх, холодный – скатывается вниз, поэтому традиционно считается, что наверху теплее. Но наверху почти всегда дует ветер, и поэтому воздух там за ночь охлаждается, а утром этот охлаждённый воздух скатывается вниз, в низины. Иногда такой утренний ветер бывает довольно сильным и поднимает очень сильную позёмку. Длится он, как правило, где-то до полудня. У метеорологов это явление называется «чинук». С ним часто сталкиваешься весной, когда земля ещё одета снегом, днём довольно тепло, но ночами ещё ощущается сильный мороз.

В пургу замирает всякая жизнь...

Порой это явление доставляет много неприятностей путникам, задерживая их в дороге и заметая следы.

Выход здесь, как всегда, только один – ждать.

Глава 5

«Генерал Мороз»

Если феномен пурги, как ни странно, практически не знаком западному читателю, то этого ни в коем случае нельзя сказать о морозе. Слово «мороз» западные беллетристы предпочитают писать с большой буквы, а особо продвинутые зовут его «Генерал Мороз». По мнению этих же беллетристов, вышеупомянутый «генерал» выиграл для России две Отечественные войны (1812 и 1941 гг.), не пустил вглубь страны англо-французов в 1854 году и совершил ещё бесчисленное множество гораздо менее известных, но от этого не менее славных подвигов. Упомянутые беллетристы обычно забывают, что в 1940 году «Генерал Мороз» оказался на стороне финнов, а в 1812 и в 1941 годах количество погибших от холода было примерно одинаковым с обеих сторон.

Мороз на самом деле не делает различий между своими и несвоими. Точнее, «своих» для мороза не существует.

Царство мороза и снега представляет собой весь Север России на протяжении почти шести месяцев в году.

Вопрос, с какой точки заканчивается вполне комфортный холод и начинается лютый мороз, относится к одному из самых субъективных для человечества в целом. Есть, правда, некоторые общие закономерности, относимые к области физиологии, – женщины гораздо больше чувствительны к холоду, чем мужчины, голодный человек замерзает быстрее, основная теплоотдача идёт через голову и конечности.

Игры с температурами

Существует две пороговые температуры, которые определяются, так сказать, на ощупь: это минус двадцать и минус сорок градусов по Цельсию. Первый порог можно условно опреде-

лить как рубеж, за которым для среднего человека становится, по ощущениям, холодно. Второй же рубеж обычно обозначает общее замедление ритма жизни, которая начинает тянуться как патока, как жидкий мёд, как тягучие нити теста из квашни. Сорок градусов – это, как принято говорить на Севере, «серьёзный минус», с ним считаются вне зависимости от привычки к холоду и стажа жизни в полярных странах. Кроме общего ощущения холода этот рубеж порождает ещё много всяких противных бытовых неудобств. Очки заиндевают, ни к какому металлическому предмету нельзя прикоснуться обнажённым пальцем. Трудно прицельно стрелять, трудно делать что-либо, связанное с быстротой и ловкостью. Мало того что на вас обычно довольно много всего надето, так ещё и реакция в этих условиях замедляется. Ходишь медленно, не торопясь, иначе очень трудно дышать. Уши и нос то и дело норовят отмёрзнуть. Провести несколько часов на таком морозе сродни тяжёлой работе. При температурах ниже сорока люди предпочитают отсиживаться дома, а не ходить по охотничьим путикам или валить лес. Кроме того, за этим рубежом понижение на каждый градус рассматривается как очень большой температурный скачок, субъективно сравнимый с понижением от минус тридцати до минус тридцати пяти.

Иней на лице – верный признак мороза за минус двадцать пять.

Надо отметить ещё один курьёз – когда температура неожиданно поднимается с минус сорока одного до минус двадцати пяти, то это воспринимается как реальное и очень серьёзное потепление. Идёшь весело, размашисто, полушубок полуразстёгнут – почти жарко!

Такой вот температурный феномен...

Что делать?

Дурацкий вопрос «Почему сибиряки холода не боятся?» имеет не менее дурацкий ответ «Потому что одеваются тепло». Ответ этот обычно сопровождается идиотским хохотом.

Несмотря на общую глупость ситуации, ответ-то абсолютно правильный! Насколько я понимаю, специальными биологическими адаптациями к холоду из человеческих существ обладают только эскимосы. И то эти адаптации имеют очень и очень ограниченное значение. По крайней мере, искупавшийся в холодном море Эскимос без огня всё равно замерзает.

Выходя на холод, необходимо, кроме очевидных вещей (тёплая куртка, шапка, свитер с отворотом или шарф, рукавицы, тёплая обувь), надевать тёплые подштанники, причём особенно беспокоиться надо о согревании промежности. Ягодицы и передняя часть бёдер на сильном морозе и тем более ветре замерзают очень сильно. В этом случае помогают вязанные шерстяные колготки или рейтузы, а также двухслойные штаны.

Вообще, при одевании на морозе необходимо строго придерживаться одного из двух подходов: или русский традиционный «а-ля натюрель», или современный «хай-тек». Тот и другой подходы имеют ярко выраженные преимущества и недостатки.

Русский традиционный подход

Это, прежде всего, меховая шапка-ушанка, вязаный шерстяной свитер (поверх свитера можно надеть хлопчатобумажную «энцефалитку» – очень способствует удержанию тепла). На голое тело надевается хлопчатобумажная тельняшка, потом – рубаха. Никакой синтетики, только шерсть или х/б! Вязанные рейтузы, на них – штаны из тонкого войлока. На ноги – естественно, тёплые шерстяные носки и валенки или унты. На руки – тёплые свободные меховые рукавицы.

Ну и сверху – свободный, не стесняющий движений, спускающийся ниже колена овчинный полушубок.

Одежда в мороз.

К плюсам этой манеры одеваться относится возможность находиться на морозе неопределённо долгое время. Сухая тёплая шерсть создаёт ни с чем не сравнимое ощущение комфорта и уюта.

К минусам надо отнести то обстоятельство, что одежда эта продувается, легко отсыревает и много весит. Движения в ней довольно стеснены, двигаться в ней быстро и ловко для непривычного человека затруднительно.

Современный стиль – «хай-тек»

«Хай-тек» стиль одевания на морозе полностью опирается на использование современных материалов. Из несинтетики здесь может идти в ход разве что гагачий пух.

Такой комплект включает в себя термобельё и современные комбинированные носки, полартековый свитер, стёганные на холлоу-файбере штаны и приталенную комбинированную двухслойную куртку. Первый слой делается из гагачьего пуха, второй – простёгивается из того же самого холлоуфайбера.

Подробнее о холлоуфайбере: это очень интересный вариант синтепона, где каждое волокно сделано по принципу волоса северного оленя – оно пустотелое. Имеющий такое строение мех (а у животных он встречается кроме северного оленя ещё и у снежного барана) заслуженно считается лучшим теплоизолирующим материалом. Слой пустотелых волокон держит тепло так, как, наверное, ни одно другое волокно в мире.

Ноги в таком «западном» варианте защищаются ботинками Sorel – вариантом бахил с подшитыми галошами и вкладышем из войлока или того же прессованного синтетика. На голове – стёганая синтепоновая шапка с полумаской для облегчения дыхания. На руках – лыжные рукавицы.

К плюсам этой экипировки относится малый вес, удобство, лёгкость в пользовании – удобно как одеваться, так и раздеваться.

К минусам – как бы ни была хорошо сконструирована одежда из синтетики, всё равно дышит она на морозе с трудом. Соответственно очень долго на морозе в таком обмундировании находиться нельзя.

И ещё один камешек в хайтековский огород. Как правило, производители, указывая морозостойкость своих материалов, несколько её... м-м-м... завышают. На практике она несколько меньше, нежели указано на этикетке. И чем менее «брендовый» у неё производитель, тем больше эта разница между заявленным и реальным.

Традиционный северный подход

Традиционный северный подход включает в себя одежду, пошитую из шкур северного оленя. В первую очередь это, конечно, кухлянка, или камлейка. – сшитая колоколом куртка с капюшоном, надевающаяся через голову. Куртка эта двухсторонняя – мех на ней с обеих сторон, снаружи и внутри. Сверху она затягивается дважды: на шее – через шнурки, вокруг лица – капюшоном. Кухлянка в классическом исполнении надевается прямо на голое тело – жарко в ней невероятно даже в самый лютый мороз.

Штаны шьются из пыжика, на ноги надеваются торбаса, изготовленные из камуса – шкуры, снятой с голени того же оленя. Рукавицы делаются традиционно из шкуры неблюя – неродившегося оленёнка.

Одежда северных аборигенов практична, удобна, но легко отсыревает, на мой взгляд, излишне тепла. Что ж – это дело вкуса, как принято говорить на Колыме. – ошпаренных на свете гораздо меньше, чем обмороженных.

«Невозможно удержаться от похвальной оды оленьей меховой одежде. Но прежде несколько слов о строении волосяного покрова северного оленя. Оно уникально. Длинные остевые волосы состоят из клеток, наполненных воздухом, что придаёт им особую термостойкость, обеспечивая защиту от сильных морозов. Тонкий подшёрсток не даёт сваливаться остевым волосам. Оленья кожа очень гигроскопична, что немаловажно при носке меховой одежды. Надеваешь меховую одежду, как бы врастаешь в шкуру северного оленя и начинаешь чувствовать и вести себя, как это уникальное животное.

Но уход за меховой одеждой требует знания множества секретов. У каждого пастуха, если даже у него нет жены, есть женщина, которая шьёт ему одежду и ухаживает за ней. У меня, зоотехника-оленовода, такой женщины не было, и приходилось самому приглядывать за своей меховой одеждой. Вернувшись с дежурства из оленьего стада, где набегался до седьмого пота, выворачивал кухлянку кожей наружу и запотевшую намокшую кожу растирал руками до тех пор, пока она не станет сухой. Потом кухлянку можно повесить на жёрдочку в яранге для просушки теплом и дымом. Кстати, дымление (а в яранге – открытый костёр, и дым, выходя через небольшое верхнее отверстие, всё же держится на высоте полутора метров) укрепляет оленью кожу. Лучшими считаются хорошо продымлённые чижи. Не дай бог повесить их на просушку мокрыми. К утру они затвердеют так, что потратишь и час и два, чтобы размять.

А бросишь кухлянку мокрой, кожа может и расползтись, и тогда распрощаешься с теплом.

Зимой требуется запасной комплект меховой одежды. Ярангу с собой не возмёшь, поэтому поступают так: мокрую от пота кухлянку бросают на снег, чтобы она замёрзла, потом хорошенько выбивают палкой. И кухлянка снова суха. Кстати, без снеговывивалки никто никуда не ездит и не ходит. Обычно её, изготовленную из толстого крепкого оленьего рога, носят, подвесив к поясному ремню.

О торбасах. Летом для подстилки в торбаса заготавливается крупностеблевая солома. Зимой без таких стелек не отправляются в дальний путь.

А когда просушиваешь вывернутые торбаса, сшитые из оленьих камусов, не зевай: перекалишь – кожа свернётся, задубеет и крошится».

В. Задорин, оленевод и путешественник, доктор биологических наук

Морозные хитрости

Когда долгое время находишься в зоне низких температур, естественно, придумываешь какие-то мелочи, которые помогают это дело пережить. Всё-таки не стоит забывать, что комфортная температура для примата *Homo sapiens* колеблется от восемнадцати до двадцати шести градусов по Цельсию. Выше нуля, естественно. То есть на морозе человек жить, по идее, не должен. Не должен, но живёт.

Один из вариантов – мазать салом (обязательно несолёным!) или растительным маслом нос, щёки и уши. Защищает от обморожения!

При движении на морозе важно правильно дышать: нельзя хватать воздух ртом – можно запыхаться и быстро устать.

Старайтесь как можно меньше выходить на улицу, если сильный мороз сочетается хотя бы со слабым ветром.

На ветру обморожение происходит мгновенно.

Морозная мгла

Морозная мгла – очень специфическое образование, которое способно сильно осложнить жизнь человеку в условиях низких температур. Обычно она собирается в низинах, где находятся деревни, городки, стойбища и прочие населённые пункты. Морозная мгла образуется от микроскопической изморози, которая накапливается на частицах сажи из труб или пыли от предприятий, концентрируется она, как правило, в низинах, и для того, чтобы выйти из неё, достаточно просто подняться по склону.

Морозная дымка.

Вообще-то, мороз – это одна из личин вселенского холода, в океане которого плавает наша планета, согреваемая лучами соседней звезды. И именно за морозом, точнее за холодом, останется последнее слово в противоборстве жизни и смерти. В конце концов энтропия побеждает всё.

Глава 6

Наледи

Декабрь на Охотском побережье, как, собственно, и везде в Северном полушарии, – самый негостеприимный месяц. Два снегохода с научными сотрудниками выехали с базы ТИНРО в среднем течении реки Чёломджа, что впадает в Охотское море. Стоял жуткий мороз – по словам очевидцев, зашкаливало за сорок пять градусов. Владимир Вовченко, ехавший позади, чуть замешкался и потерял своего напарника, Володю Иванова, из виду. А когда выехал из-за поворота, то обомлел: снегоход Володи стоял на лыжне, рядом с ним кипела бьющая из-под снега вода, а сам Володя сидел на краю полыньи, свесив ноги в воду. Услышав подъезжающий «Буран», он повернулся и как ни в чём не бывало спросил:

«Ну как?»

Автомобиль в наледи.

Наледь зимой – один из самых страшных врагов человека на белой тропе. На первый взгляд её существование противоречит законам природы. Откуда ни возьмись на сорокаградусном морозе вдруг из-под снега начинает течь живая вода. Причём порой эта картина настолько живописна, что просто потрясает воображение даже многие испытавших людей.

Собственно говоря, сам мороз и вызывает наледи к жизни.

Возникновение наледей, вообще-то, напрямую связано с одним из чудес природы, которое я, впрочем, не до конца понимаю. – тем, что реки продолжают течь зимой даже в краю вечной мерзлоты, там, где толщина мёрзлого грунта больше, чем двести метров. Живая вода, непрерывно текущая откуда-то из земных недр, вступает в непримиримое противоборство с холодом, царящим на поверхности суши, – тогда и образуются наледи.

Наледи в тайге

Есть два варианта происхождения наледи в период сильных морозов. Наледи первого вида образуются в тайге – там холод замораживает поверхность земли, через которую вода

постоянно сочится, она пробивает себе какой-то один, определённый путь, и вместо нескольких десятков квадратных метров влажной земли мы получаем небольшую ямку с водой. Время наиболее активного появления этих заполненных водой впадин – первая половина зимы, обычно – до нового года. Потом мороз полностью закрывает доступ наружу таким небольшим, микроскопическим родничкам. Однако эти ямки и ложбинки, наполненные водой, которую нельзя заметить под снегом, – едва ли не самый опасный вид наледей на Севере. Дело в том, что, в отличие от речных наледей и наледей на ручьях, они практически непредсказуемы. Шагает человек в валенках по замороженной, недавно присыпанной снегом тайге. Мороз давит уже за тридцать пять, светлого времени пути до избушки осталось где-то часа три – не много, но и не мало, и тут – ступает он в сугроб, а под ногами – хлоп... Шагнул вправо, влево – хлоп да хлоп...

И человек с ужасом понимает, что обувь его промокла насквозь. К сожалению, в такой ситуации единственно верный вариант – срочно разводить огромный костёр, сушиться у него всю ночь и продолжать движение поутру. Потому что во вторую половину дня мороз не отпустит, а будет только крепчать, ноги в мокрых валенках схватятся мёртвыми морожеными колодками и... Дальше можно не продолжать. Минимум, чем это может обернуться. – обмороженные ноги. И в принципе в этой ситуации гораздо легче не дойти до избушки, чем дойти.

Собственно говоря, этим и объясняется на первый взгляд более чем парадоксальное поведение Володи Иванова, которое описано в начале главы. Он на снегоходе заехал глубоко в наледь, мгновенно понял, что ноги промочил насквозь, и резонно сообразил, что температура воды в промоине в любом случае выше температуры воздуха. Зная, что сзади едет ещё один снегоход, а до тёплой избушки не более пяти километров, он просто сунул ноги в воду и подождал напарника.

Если вам повезло и вы мгновенно выдернули ноги из воды, то поверхность вашей обуви может только схватиться ледяной коркой, которая не даст воде проникнуть дальше внутрь. Это самый предпочтительный вариант, который практически безопасен для вашего здоровья.

Самый верный способ избежать неприятностей, связанных с наледью зимой, – это пользоваться водонепроницаемой, но очень тёплой обувью. К сожалению, эти качества плохо совместимы в одном изделии, однако же...

Сегодня в продаже много видов обуви, на этикетках которой написано достаточно всяких приятных вещей. Здесь и «водонепроницаемость» – Waterproof, и впечатляющая морозостойкость – Below -68° in Celsius scale. Впрочем, если честно, то я бы с очень большой осторожностью вверял своё здоровье этим надписям.

В принципе существует на свете очень удачный вариант зимней обуви, сочетающий в себе войлочный чулок, резиновую галошу и бахилы, – канадская обувь Sorel. По отзывам, они на самом деле греют ноги при очень низких температурах и в нижней своей части не промокают. А если у вас нет возможности обзавестись такими всепогодными сапогами, то испытанный и надёжный рецепт – валенки с галошами и надетыми поверху брезентовыми бахилами. В случае если погода не очень холодная (до минус двадцати – двадцати пяти), можно использовать яловые сапоги на меху, пропитанные смазкой или жиром.

Самый верный способ не попасть в такие рассыпанные по тайге микроналеды – это всячески избегать низин и мест, которые с виду напоминают болота – россыпью ли кочек, пятном снега, напоминающим бочажину, мелким корявым листовенничником. Кроме того, можно посохом прощупывать сомнительные места впереди себя – на конец палки налипает мокрый снег (хотя далеко не всегда), а также внимательно смотреть на собственные следы позади – часто наледы не начинаются «вдруг», и вы увидите, как в ваших следах появится первая вода. Тогда – немедленно давайте задний ход и ищите окольные пути.

Речные наледы

Наледи на реках образуются, когда на мелководье русло промерзает насквозь, перекрывая ледяной плотиной течение воды. Тогда вода просачивается на поверхность по каким-нибудь трещинам и бежит поверх льда, пока не уходит снова вниз или не промывает собственных путей. Иногда такое перемерзание случается на боковой протоке, а иногда – на основном русле. Эти прорывы живой воды поверх льда в сильные морозы иногда выглядят впечатляюще. Поверх льда, плавая снег, течёт зеленоватый (текущая по льду вода всегда кажется зеленоватой) поток, который кажется вязким из-за плывущей снеговой каши, а ещё и из-за того, что на поверхности воды почти моментально образуются микроскопические иголочки льда. От этого потока вверх поднимается облако пара – тем гуще, чем сильнее мороз. Откуда-нибудь с горы «живые» наледы легко заметны именно благодаря стоящим над ними столбам тёмного пара. Этот пар оседает изморозью на прибрежных деревьях, и они приобретают совершенно фантастические, сказочные очертания – как будто побывали в руках лишённого чувства меры декоратора.

Такие речные наледы представляют опасность в нескольких случаях – когда вода только начинает просачиваться под снег и ещё не промочила его насквозь; когда она «выбежала» в пойменный лес, на Несколько десятков метров от основного русла (иногда – на несколько сотен), и продолжает прятаться под снегом: когда вода в наледи прибывает стремительно, а у вас в ней застрял снегоход или трактор. К слову, стремительный подъём воды в речной наледи – случай вполне заурядный, я наблюдал, как за три часа на льду реки Чёломджи намёрзла наледь высотой в полтора метра – почти в человеческий рост!

Застрявшие в таких наледях снегоходы потом выпиливают из льда бензопилой, ставят этот монолит на нарты и везут в какое-нибудь тёплое место – гараж или баню, где уже и ремонтируют.

Наледи, подобные описанным, могут распространяться на обширные пространства – в несколько квадратных километров, они заливают даже стоящие высоко над рекой (метра на два) избы и постройки. Движение большой речной наледи на реке – серьёзное событие, и, если оно происходит неподалёку от вашего лагеря, к нему есть смысл отнестись очень внимательно.

Утешает одно – любой наледи суждена очень недолгая жизнь. Через день-два, максимум через три, это будет просто большой кусок льда. Главное, чтобы вы не оказались в него впаяны.

Многолетние наледи

Кроме зимних наледей бывают ещё и летние. Точнее – это те же зимние наледи, но не успевшие растаять к середине лета. Иногда они не тают полностью до следующей зимы – тогда они становятся наледями многолетними. Многолетние наледи особенно распространены в Якутии, где носят гордое название *тарынов*. Самая большая многолетняя наледь, длиной более сорока километров, лежит на притоке Индигирки реке Моме и звучно зовётся Улахан Тарын, что попросту значит – Большая Наледь. Такие наледи имеют значение, прежде всего, для тех, кто передвигается сплавом по этим рекам. Дело в том, что в первую половину лета эти наледи зачастую являются непроходимыми. Вода прорезает в них множество мелких тоннелей, которые сверху прикрыты бело-голубым панцирем. Обычно они имеют форму овала, вытянутого вдоль русла реки, длиной в один-два километра, так что не составляет труда обнести весь груз и сами лодки по краю этой ледяной линзы.

Панцирь нетающего льда (Амгуэмская наледь).

Ближе к осени каналы в наледях протаивают насквозь, и становится возможным преодолеть их на лодках. Это несложно, но единственная проблема заключается в том, что река под наледью обычно разбивается на несколько десятков протоков, и все они – мелкие. Угадать

среди них основную протоку (даже если она есть, а это далеко не всегда так) очень нелегко, поэтому преодоление наледи зачастую выливается в постоянную разгрузку лодки и перетаскивание снаряжения от одного рукава, в котором вода полностью ушла в гальку, до другого – в котором её неожиданно прибыло. Лодочные караваны с большим количеством снаряжения преодолевают обширные наледи где-то за день.

Место, где существует такая постоянная наледь, очень легко угадать, даже если к моменту вашего появления эта наледь уже совсем растаяла. На месте многолетней наледи, естественно, ничего не растёт – это просто кусок галечной или песчаной пустыни, по которой во всех направлениях бежит вода, эдакий феномен – пустыня с водой. Растить там ничего не может по определению, ибо это место десять месяцев в году сковано панцирем льда. Перед собой вы видите открытое пространство, круглую площадь радиусом в несколько километров, на которой река выглядит, как хаотично расплетённая верёвка, волокна которой пересекаются во всех направлениях и вновь сходятся на другой стороне этой марсианской пустыни с водой, там, где вновь начинается стена тайги. И река вновь обретает своё русло.

Надлёдная вода

Весной наступает момент, когда двухметровый лёд на реках и озёрах ещё стоит «неколебимо, как Россия», но снег уже начинает потихоньку таять, на бровках берегов, на припекаемых солнцем вершинах сопков и холмов, в лесу и на поле. Талая вода потихоньку опускается до земли и сочится под сугробами вниз по склону, пока не достигает какой-нибудь впадины – оврага, озера или замёрзшей реки. Здесь вода потихоньку начинает скапливаться под снегом, пропитывая всю его толщу. Попасть в такую наледь лыжнику, пешеходу или снегоходчику в это время года почти никогда не означает возможную гибель, но неприятностей можно хлебнуть сполна. Наледи, особенно расположенные под бровками берега, могут оказаться очень глубокими – до полутора метров. Дело в том, что лёд на реке в течение зимы испытывает деформацию и к весне выглядит следующим образом – возле берегов он слегка опущен, а посередине приподнят, как мостик. Это происходит оттого, что края ледяного панциря примёрзли к берегам, а середина уже приподнялась под напором едва заметно прибывающей воды. В этих впадинах под берегами, где при этом лежат самые мощные сугробы, и скапливается основная надлёдная вода.

Весенняя наледь.

Но эта же надлёдная вода может уже равномерным слоем разлиться под снежным одеялом по всей поверхности льда, закрывающего реку или озеро. Такое открытие особенно неприятно для снегоходчика, который на полном газу вдруг опускается посреди белоснежного поля радиусом в три-четыре километра в водяную кашу, соскакивает с подножек и вдруг понимает, что эта каша, по сути, простирается от берега до берега и только сверху закамуфлирована не успевшим набраться воды снежком.

Такие скопления надлёдной воды можно обнаружить по неестественно синеватому тону снега. Но это можно сделать далеко не всегда, поэтому лучший способ избежать купания в весенней наледи остаётся прежним – объезжать или обходить все низины стороной.

Огибать, выжидать и терпеть, как советует классик северной литературы...

Глава 7

Распутица. Ледоход. Паводки и наводнения

Среди всех титанических сил природы, с которыми путешественнику приходится сталкиваться на Севере, первенство принадлежит, без сомнения, ледоходу.

В процессе ледохода объединяются несколько основополагающих физических сил, помноженных на мощь катящейся вниз к морю речной воды. Посудите сами: толщина льда на какой-нибудь большой приполярной реке вроде Колымы в момент начала его движения составляет около метра. Сколько весит такой толщины ледовое поле длиной в пятьдесят метров и шириной в двадцать, если вес кубометра льда равен девятистам килограммам?

Подсказываю – девятьсот тонн. И это вполне рядовое поле, каких в конце ледохода по реке идут десятки. А что вы скажете о гигантах длиной в двести метров и шириной в сто?

И эти гигантские белые корабли плавно двигаются вниз по течению, иногда наталкиваясь друг на друга или врезаясь в берега, где тут же с грохотом валятся деревья, вырываются с корнем кусты и, будто вздыбленные исполинским плугом, переворачиваются кубометры земли.

Ледоход.

Ледоход – это отнюдь не непрерывный процесс. Более того, на равнинных реках, где это явление приобретает поистине вселенский характер, он начинается далеко не вдруг.

Всё начинается с очень простого и знакомого всем нам явления – распутицы.

Распутица

Считается, что говорить о распутице путешественнику не имеет особого смысла. Распутица – она и есть распутица. Если она поймала тебя на тропе – сиди и жди. пока всё не растает. Ползти куда бы то ни было по раскисшему, глубокому снегу, мокрым ниже пояса от сне-

говой каши, а выше – от пота, выбиваясь из сил, рискуя всё время провалиться в полынью или забереги, – чертовски рискованно. Тут уж проще найти или соорудить себе долговременное убежище и переждать.

Но на Севере процесс таяния снега может затянуться – порой на месяц, а то и на полтора. Причём в разгар наступившей весны может нагрянуть многодневный буран, который «исправит» всё, что натворило перед этим безудержное весеннее солнце. И не у многих из нас есть возможность пережить распутицу в какой-нибудь самодельной хижине из жердей и полиэтилена. Кроме того, надо помнить, что вслед за ней последует паводок со всеми вытекающими отсюда последствиями. Паводок, с его быстрым течением в реках горных и широким разливом в реках равнинных, с его непроходимыми ручьями и пронзительно ледяной водой.

Тающий снег приобретает рассыпчатую структуру.

Но распутица не может полностью исключить возможность передвижения. Об этом – о способах движения во время самого тяжёлого для путешественника периода – мы и поговорим.

Наст и ночные заморозки

Снег начинает таять с поверхности. Причём, что особенно интересно, он сперва даже не столько тает, сколько возгоняется в пар под неистовыми лучами весеннего солнца. Его поверхность выглядит, как иглистая рубашка какого-нибудь невиданного инопланетного зверька. Приобретает снег такую структуру потому, что мельчайшие частицы песка или пыли (а их полно в атмосфере Земли даже в самой заполярной Арктике) в толще снега начинают нагреваться под палящими лучами солнца. Каждая такая пылинка является своеобразным аккумулятором тепла, и она начинает прорезать в снежной толще канал, который постепенно приобретает вид расширяющейся кверху воронки. Вот множество таких снежных воронок-каналов и создают на поверхности снега характерную «иглистую» структуру.

Тающий лёд: причудливые, практически воздушные формы.

Первым начинает раскисать снег на южных склонах холмов, сопок, берегов рек, а также на пространствах, по которым зимой ветер нёс пыль от каких-нибудь дюн или песчаных кос. Но раскисает он постепенно – ночью стоит устойчивый минус, и эти перепады температур способствуют образованию ледяной корки – наста. Наст иногда выдерживает даже человека без лыж, а уж лыжника-то он удержит всегда. Период настообразования чётко подсказывает путнику, что пора валить к ближайшему жилью – на реализацию этой идеи остаются считанные дни, может быть, один-два.

Поверхность тающего снега даже в морозные ночи начинает полноценно подмерзать где-то глубоко за полночь. Поэтому люди, застигнутые распутицей «на тропе», предпочитают отсыпаться днём где-нибудь на солнцепёке, потом дожидаться мороза и двинуться в путь около трёх часов ночи. Так они используют по максимуму все предоставляемые настом возможности. Тем более что наст начинает «обваливаться» где-то около одиннадцати утра. Так что в распоряжении ходока около шести-восьми часов полноценного времени лыжного хода. Кстати, в раннюю распутицу вполне эффективными оказываются и пресловутые канадские снегоступы.

В горах тает снег...

Но ночные заморозки в этот период недолги. так как из-за больших объёмов испаряющейся с поверхности снега воды на смену им приходит пасмурная погода.

Тут-то всё и раскисает окончательно.

Полная распутица

Полная распутица характеризуется тем, что снег превращается в пропитанную водой кашу, которая не держит человека вообще – ни на своей поверхности, ни даже своей вязкостью. Мне пришлось видеть, как человек ушёл в раскисший сугроб буквально «по брови» и так, «по брови», и двигался в его толще, пока не вышел на место, где толщина снега была «всего лишь» по пояс. Естественно, передвигаться в такой «кислятине» попросту нельзя – человек выбивается из сил метров за двести пути; да ещё и одежда его промокает насквозь. А ведь температура воздуха в это время держится вокруг нулевой отметки, да и сам мокрый снег имеет именно ноль градусов по Цельсию. Однако даже здесь возможны некоторые варианты движения в нужном вам направлении – просто надо найти оттаявшие участки земли. А это не так уж трудно.

Гребни и бровки

В этот наиболее катастрофический для ходока период даже в сплошь заполненных снегом долинах рек оттаивают уже довольно большие пространства. Как правило, это береговые бровки и пляжи. Передвигаясь только лишь по ним, вы можете уйти довольно далеко – даже в то время, когда ночные заморозки сходят на нет и возможности двигаться по насту не остаётся. Правда, в данном случае «довольно далеко» – это не более чем пять-шесть километров для молодого, жилистого, хорошо подготовленного человека. Ситуация усугубляется ещё и тем, что по реке и речному всплывшему льду идти уже практически нельзя.

Ловушка в раскисшем снегу.

С другой стороны, снеготаяние продолжается, лето приближается неумолимо, и с каждым даже не днём, а часом от снега освобождаются всё новые и новые участки земли.

Не надо быть особо сообразительным, чтобы понять – распутица не самое удачное время для путешествий...

Собственно ледоход

В начале снеготаяния вода, которая собирается с огромных площадей, скапливается на поверхности рек. Сперва она заливает лёд сверху – это происходит потому, что ледяной панцирь реки приморожен к берегам реки своими краями. Но вода просачивается под него по многочисленным трещинам, и лёд, который несколько легче воды, трескается на куски и всплывает.

На равнинных реках этот период может длиться довольно долго – около недели. Ледяные поля удерживаются на месте так называемыми перехватами – местами, где лёд ещё не отошел от обоих берегов реки, перегородив её таким образом. И только тогда, когда все льдины на реке обретают свободу, начинается могучий ход льда, описанный в начале этой главы.

Ледоход на таёжной реке.

Мощь ледохода из всех стихий сопоставима только с энергией снежной лавины. Но завыва в том, что далеко не каждый опытный путешественник хоть раз в жизни встречался со снежной лавиной. А вот ледоход происходит на каждой реке каждый год. Ледоход уносит с берегов десятки квадратных километров леса, срывает с неудачных стоянок баржи и катера, сносит поставленные избышки, перелопачивает тысячи кубических километров грунта. Но ледоход создаёт и ещё одну проблему, которая может в одночасье превратить его из титанического явления природы в катастрофу, подобную азиатскому селю.

Ледовые заторы

Движение льда происходит отнюдь не столь величаво и плавно, как рассказывают нам псевдонародные песни и БАМовские писания журналистов. Время от времени череда льдин въезжает в берега, идущие следом наплывают друг на друга, и река сама начинает городить поперёк себя плотину – так называемый затор. Иногда эти заторы вздымаются на несколько метров, и уровень воды в этой естественной запруде катастрофически повышается. В это время река подтапливает посёлки и деревни, которые, казалось бы, были построены вне зоны затопления. Но самое страшное происходит при прорыве этих заторов. Поток воды просто смывает всё на своём пути, и катастрофы, которые происходят во время заторашивания рек, сравнимы с атакой цунами на незащищённое морское побережье. Такой случай произошёл, например, в 1998 году, когда прорыв воды через ледовые заторы притоков Лены буквально снёс с лица земли несколько посёлков и маленьких городков.

Ледяной завал.

Поэтому при движении во время ледохода вдоль реки надо обращать самое пристальное внимание на её поведение. О появлении ледового затора говорит или резкое снижение подъёма воды – это значит, что вы находитесь ниже ледовой запруды: или, наоборот, её быстрый подъём – это значит, вас угораздило очутиться выше неё. В любом случае надо резко поворачивать и уходить в сторону от основного русла, с тем чтобы оказаться как можно выше над поймой – мощь прорвавшейся ледяной плотины может оказаться ужаснее артиллерийской подготовки. И здесь также для путешественника срабатывает одно из основных правил дзэн – не бороться с неизбежным, а уходить от него.

Паводок

Но после того, как лёд на реке пройдёт, самой удобной дорогой для путешественника останется всё та же река. Потому что все водотоки ещё почти три недели остаются распухшими от талых вешних вод. Причём на Севере паводковый процесс бывает растянут за счёт таяния вечной мерзлоты. Кроме того, после полного схода снега все ямы, впадины, канавы, протоки, старицы, словом – любые углубления в почве, ещё довольно долго остаются заполненными водой. В северных регионах России этот процесс к тому же задерживается – поскольку говорит своё слово вечная мерзлота, выполняющая роль водосдерживающего слоя.

Но распухшая от избыточной воды река представляет собой удручающее и грозное зрелище. Полые воды мутны и неряшливы, как одежда бомжа. Они несут на себе и внутри себя всё, что в состоянии смыть с берегов рек и поднять с илистого дна. Половодье утаскивает листья, ветви, брёвна и целые участки берега вместе с деревьями. Кроме того, скорость течения при половодье усиливается, на реке образуется множество водоворотов. Сплав по реке в это время довольно сложен, а на горных потоках – практически невозможен. Паводки также неприятны для путешественника тем, что в этот период на равнинных реках очень трудно найти место для стоянки. Поэтому при проходе реки во время паводка вам желательно тщательно рассчитывать

маршрут по карте масштаба не мельче 1:100 000, тщательно определяя все возможные места стоянок на предположительно незаливаемых берегах.

Здесь стоит помнить и о том, что во время половодья нередко временные колебания уровня воды, свидетельствующие, что паводок на спад пока ещё не идёт. Поэтому не стоит располагаться на местах со следами недавно прошедшего паводка – вода может подняться снова, и это произойдёт очень быстро. – потому что весь окружающий субстрат насыщен водой, и новое поступление влаги не сможет даже частично впитаться в берег.

Вообще-то, паводки на северных реках имеют обычно два пика. Первый случается при массовом таянии снежного покрова – сразу после прохождения льда или даже одновременно с ледоходом. После этого уровень воды несколько опускается и может даже достигнуть меженного уровня. Затем наступает время таяния снега в горах, и одновременно с этим – наиболее уязвимых слоёв вечной мерзлоты, давая, таким образом, толчок второму этапу паводка. Местные коренные жители называют это второй водой. Уровень этого паводка обычно несколько ниже, чем у первого, но бывают и исключения.

Надлёдная вода.

Скорость прохождения паводка обычно обратно пропорциональна площади водосбора реки, на которой он проходит. Быстрее всего вода спадает на горных реках с сильным уклоном и быстрым течением. Несмотря на грозный облик этого процесса – вода несётся по руслу реки как взболтанное шампанское, переворачивая огромные валуны и выворачивая с корнем деревья, – можно быть вполне уверенным, что эта картина продлится не более пяти дней, в худшем случае – неделю.

Не так – в нижнем течении больших равнинных рек, таких как Анадырь, Колыма, Лена. Вода в них поднимается медленно, но и так же медленно уходит – потому что огромная масса воды с трудом покидает массу проток, озёр, стариц и луж.

Подъём воды в летнее время

Наш рассказ о паводках будет не вполне законченным, если я не упомяну о летних подъёмах воды, связанных с дождями или таянием снегов на высокогорных вершинах.

Дождевые паводки неприятны своей непредсказуемостью. Конечно, если беспрестанно с неба сыплется мелкий нудный дождичек, который усиливается день ото дня, при этом грунт постепенно напитывается водой, то не надо быть колдуном, чтобы предположить, что вода в реке в конце концов поднимется. Но бывает и так – в далёких верховьях реки проходят мгновенные проливные дожди, поднимающие уровень воды в сотнях километрах вниз по течению буквально за считанные часы.

Ледоход на реке Убиенке.

Подъём воды в результате обильных дождей может быть совершенно катастрофическим и иногда превышает уровни обоих весенних паводков. Происходит такой подъём обычно в результате стечения нескольких обстоятельств – многодневного (а иногда и многонедельного) мелкого сеящегося дождичка, пропитывающего землю, а затем переходящего в краткосрочный, но очень обильный ливень (он обеспечивает наполнение паводковыми водами русла реки), и одновременно с этим массового таяния снегов в горах.

Раскисающий снег.

Говорю же я о возможности такого рокового стечения обстоятельств затем, чтобы читатель лучше понял один из основных тезисов, постоянно высказываемых мной в главе 36 «Реки и сплавы», – никогда не становитесь на реках лагерем прямо возле воды!

Кроме непредсказуемых дождевых паводков, которые могут случиться в любое время и в любом районе нашей необъятной Родины, существует и ещё одна категория стихийных бедствий, связанная с сезонными изменениями погоды. Это бушующие на территории Восточной Азии тайфуны, отголоски которых доходят до южных районов Дальнего Востока России. Эти тайфунчики вызывают на реках Уссурийского края мгновенно вскипающие, но совершенно катастрофические паводки. Поэтому в летнее время (а сезон тайфунов обычно приходится на июль-август) путешественник должен вообще стараться избегать при ночёвках любых впадин – они в одночасье могут превратиться в единый мутный водный поток от края до края долины.

Первая вода.

Общеизвестно, что в высокогорных районах осенние паводки, которые наступают в результате таяния снега и разрушения ледников, обильнее весенних. Поэтому путешественнику стоит помнить, что совсем не обязательно законы окружающей среды будут действовать одинаково в различных регионах нашей планеты.

Быть всегда ни в чём не уверенным до конца – это тоже одно из основополагающих правил дзэн...

«– Поднимайтесь, потоп! – разорвал сон чей-то голос.

Мы вскочили. С реки доносился треск и шум, тоскливо выл Черня, тревожно кричали кулички. Мы с Прокопием вскочили из палатки. Дождя не было. Красной бровью занималась заря. Приютивший нас остров исчезал под водою разгулявшейся Нички. Вместе с деревьями обваливались подточенные берега. По пересохшей протоке, отделявшей остров от материка, хлынула грязной волною река. Отступить было некуда. Поднялась суматоха. Спросонок люди хватали вещи и, не зная, куда бежать, топтались на месте. Самбуев бросился искать лошадей и вернулся – всюду вода и вода.

Она уже обошла со всех сторон поляну и зловеще надвигалась на палатки.

Мы видели, как остервеневшая река набрасывалась на изголовье острова. Вздогнули старые ели, поредели их вершины, и деревья, защищавшие от воды сотни лет этот небольшой клочок земли, вдруг раздвинулись и с треском стали валиться в реку, безнадежно пытаясь удержаться корнями за подмытую почву. Масса воды давила на нас. Где-то за протокой тревожно ржали растерявшиеся лошади.

Нужно было немедленно что-то предпринять, вода угрожала смыть вместе с островом и нас. По совету Павла Назаровича мы срочно приступили к сооружению плотов, без которых невозможно выбраться из ловушки. Работали два с лишним часа, не зная передышки. Никто не ожидал команды. Но беспокойный старик то и дело покрикивал:

– Торопитесь, ребята, иначе снесёт.

И люди с новой силой принимались таскать вещи; дружнее стучали топоры. А вода всё яростнее прибывала и уже затопляла край поляны.

Плоты наконец были готовы. Не теряя ни одной секунды, мы разместили на них всё наше имущество и собак. Оказалось, что плоты едва могут выдержать этот груз. А ведь нужно было поместить ещё восемь человек!

Пришлось дополнительно довязать несколько брёвен. Скоро вода ринулась через остров.

– На плоты! – повелительно крикнул Днепровский.

Все бросились к плотам. Я схватился руками за крайнее бревно, а рядом держался за сучок Самбуев. На плоту оказались Лебедев и Павел Назарович, а мы должны были следовать за ними вплавь, так как „судно“ и без того было перегружено.

Не успели отплыть и двадцати метров, как заднюю часть нашего плота накрыл вершиной упавший кедр. Плот завертелся, накренился. Послышался отчаянный крик. Тонул, придавленный сучьями, Самбуев. Лебедев бросился к нему на помощь. Ловким ударом топора он отсёк вершину кедра, а Павел Назарович успел толкнуть шестом плот вперёд. Мы увидели выплывшего на поверхность Самбуева.

– Где моя будёновка? – кричал он, отфыркиваясь и смахивая кровь с исцарапанного лица.

Лебедев сильным рывком выбросил его на плот, а Павел Назарович, заметив, что перегруженный плот начал тонуть, спрыгнул в воду. Он, так же как и я, схватился руками за связанные брёвна, и, подхваченные течением, мы понеслись вниз по реке.

Лебедев, широко расставив ноги и упираясь ими в брёвна, забрасывал шест далеко вперёд и, наваливаясь на него всем корпусом, пытался подтолкнуть плот к берегу. От чрезмерного напряжения лицо его налилось кровью. Я совсем застыл в холодной воде, всё болело, словно сотни острых иголок впились в тело. У Павла Назаровича судорогой свело руки и ноги, лицо искажилось от боли. Он стал захлёбываться и тонуть. Это было вблизи берега. Лебедев бросился на помощь, взвалил Павла Назаровича к себе на плечи и, шагая по груди в воде, вынес его на берег.

Мы с Самбуевым задержали плот, привязали его к дереву и вышли на берег. Второй плот причалил несколько выше. Тотчас прибежал со спичками Прокопий.

Мы, сняв мокрую одежду, отогревались у костра.

Буря миновала, но вода в реке продолжала прибывать. Размывая берега, она всё больше пухла и пузырилась.

Остров проглотила река. Вырванные деревья, беспомощно раскинувшие ветви, уносило течением в неведомую даль. И только один, самый старый кедр ещё долго единоборствовал с рекою. Но вот и он качнулся, хрустнул под ним корень; ещё качнулся, и словно в испуге задрожала его курчавая вершина.

Мы видели, как этот великан, сопротивляясь, всё больше клонился к воде, как выворачивались из-под него огромные пласты размокшей земли.

И наконец он рухнул в муть объявшего его потока и печально застонал, ещё пытаясь удержаться корнями за пни срубленных нами деревьев.

...Так неудачно закончилась наша вторая встреча с Ничкой. Случай на острове послужил нам серьёзным предупреждением, и мы надолго запомнили, как опасно в непогоду ночевать на берегу горной речки, а тем более на острове».

Г. Федосеев. Мы идём по Восточному Саяну

Глава 8

Ветер

Место для очередной стоянки выбрали в устье речки Чануэнваам (до конца жизни запомню это неудобопроизносимое слово!). Наше внимание привлёк аккуратный холм напротив ручья с обрывистыми берегами. На его вершине красовались концентрические кольца камней, говорившие о том, что места эти издавна облюбованы оленеводами для стоянки. Мы, балбесы, этому и обрадовались.

Нашу палатку, стандартную «геологическую» шестиместку, мы водрузили на самую вершину холма, вытащенные лодки привязали к камням, воткнули в палатку неизменную печку и улеглись по спальникам в твёрдой уверенности, что проведём здесь всего одну ночь.

Как же мы в этом, чёрт возьми, ошибались!

Первый шквал, пришедший с севера, разбудил нас оглушительным хлопком. Скат палатки выгнулся внутрь, и нам показалось, что оборвались верёвки растяжек. На деле же из края полотна с мясом вырвало три люверса. Мы опрометью выбежали наружу. Благо, было абсолютно светло: месяц был июль, и в Заполярье стоял полярный день. Мы завязали в края брезента круглые камешки, расчалили палатку заново, укрепили её как смогли и залезли внутрь.

– Хоть не прямо в двери. – с облегчением сказал Володя Аксёнов, начальник отряда. – а то бы сдуло вместе со всем гамузом. Такой удар прямо в лоб ни одна палатка не держит!

Противный борей, казалось, услышал его слова. Первый шквал, как оказалось, был самым сильным за весь пятидневный шторм. Далее ветер начал дуть равномерно, но приобрёл мерзкую характерную особенность. Часов за двенадцать он оборачивался на все румбы и заставлял нас применить всю возможную изобретательность для укрепления нашего жилища. На каждую верёвку мы бросили не менее ста килограммов камней, выложили неподъёмными булыжниками полы, «пригасили» борта, так что скат начинался прямо от земли. На третьи сутки наш временный домик приобрёл вид укреплённого римского лагеря. Мы использовали все известные нам хитрости для борьбы с ветрами и, по-моему, придумали ещё пяток новых.

Ветер подстригает кроны деревьев лучше садовника.

Но стихия не унималась. Недостаточно хорошо закреплённую лодку-пятисотку шторм оторвал от камней и перенёс за полкилометра в тундру. На четвёртый день прочнейшие тройные швы на скатах «поползли». Мы кинулись на них с иголками и капроновыми нитками. Коньковая палка прогибалась под ударами ветра дугой. Аксёнов, человек мнительный, отказывался под ней лежать.

– Ох, чует моё сердце, зазвездит она мне ночью между глаз!

В довершение по нашему бедному лагерю во всю силу кисти пьяного маляра вмазал дождь (который в какой-то момент перешёл в снег, а затем снова в дождь). Выбеленная ткань держала его очень плохо, пришлось городить дополнительный тент из полиэтилена, полиэтилен хлопал на ветру, как пушки адмирала Нельсона при Трафальгаре. Короче, поводов для оптимизма не было.

Все эти дни мы спали, что называется, вполглаза. Перспектива проснуться на природе без крыши над головой не очень грела бы и в ближнем Подмоскowie, а уж посреди Анадырского нагорья, в трёхстах км от ближайшего жилища, в ней и вовсе нет ничего привлекательного. И только под утро пятого дня урагана мы смогли заснуть крепким здоровым мужским сном: ветер наконец стих.

Устье Чануэнваама мне видится в кошмарных снах до сих пор.

Из бытовых неприятностей, могущих перерасти в неприятности глобальные, дождь и ветер стоят на одном из первых мест. Работая на открытых пространствах – таких как чукотская тундра, некоторые районы Охотского побережья и безлесные горы, – в первую очередь начинаешь обращать внимание на всякие закрытые со всех сторон западинки, лощинки и прочие уютные дырки в рельефе. Даже своё передвижение в этих местах поневоле ставишь в

зависимость от этих «ветроукривищ». Что и неудивительно. Ветер, особенно зимой, вкупе со снегом подстригает растительность не хуже какого-нибудь английского садовника. Так что закрытые от ветра места выглядят настоящими оазисами среди зализанной тундры. Что же касается дождя, то его постоянно имеешь в виду, работая на Севере в тёплое время года. Дождь, как и туман, вытягивает из человека жизнь – постоянно смачивая и охлаждая тело. Недаром львиная доля смертей от переохлаждения (я имею в виду не бомжачью смертность) приходится не на сверххолодные зимы, а именно на такую прохладную погоду – плюс два-восемь градусов в сочетании с дождём и ветром.

Укрытие

В качестве укрытия от ветра могут использоваться навесы, балаганы, перевёрнутые лодки, наконец. Но дело в том, что они немного стоят, если не будут подстрахованы какими-нибудь естественными укрытиями.

Естественные укрытия от ветра – это, конечно, овраги, распадки, холмики и водомоины. Идеальным укрытием от ветра я считаю распадочек второго уровня, когда и долина первого уровня уже достаточно хорошо укрыта от ветра. Распадочек должен быть неширок (не более ста метров) и желательно врезан метра на три-четыре ниже поверхности основного склона. Если сверху ещё кучерявятся кусты стланика (то есть дрова), а поток по распадку не пересох – тогда вообще nirvana. Беда вот только в том, что не всегда эти места пригодны для размещения лагеря. То поверхность неровная (читай – кочки), то вода далеко, то дров нет.

Но уж если очень припирает, со всеми этими неудобствами можно если не бороться, то, по крайней мере, мириться. Отсутствие дров компенсирует какая-нибудь горелка – газ или

примус, воду можно принести в пластиковой бутылке, а настоящий добрый ураган можно пережить и сидя на кочках.

Хорошим укрытием от ветра являются лес и кусты. Просто удивительно, как даже несколько кривых ольховых веток без листьев могут изменить ветровую обстановку! Что уж говорить про то, когда они с листьями!

Лежащие на открытой поверхности валуны или бревенчатые завалы в качестве укрытий от ветра не очень-то годятся. Как правило, за ними существуют зоны завихрений, которые мешают гореть огню, и вообще изменение направления ветра даже на несколько градусов обычно превращает такое укрытие в ничто. Как-то на одной из охот мы несколько дней ожидали прилёта вертолёт на вершине горы, со всех сторон обдуваемой ветром. Так вот, для того, чтобы защитить от ветра нашу полусферическую палатку Norgal, у которой начали ломаться дуги из отечественного алюминия, пришлось построить вокруг неё каменную стенку высотой около метра двадцати сантиметров! Да ещё и проконопатить землёй дырки!

Позёмка.

Если ветровая ситуация внушает серьёзные опасения (в качестве примера для Чукотки приведу открытую долину реки, идущую трубой с северо-востока на юго-запад – самое распространённое и неприятное направление ветра в наших краях), а стоять в этом месте по той или иной причине надо долго, то можно предложить несколько трюков, связанных с растительностью. Например, лагерь можно просто «врубить» в кусты. В ольховнике или тальнике расчищаются площадки точно по размерам палаток. Надо только проследить, чтобы не торчали пеньки под спинами.

Навесы из веток, особенно стланиковых, – хорошее убежище при условии, если у вас есть время их построить. Ещё раз повторяю – лично я таскаю в рюкзаке кусок брезента два на три метра. Он ставится очень легко – на трёх жердях, укрывает от ветра, защищает от дождя, а при некоторой сноровке в обращении с огнём не прожигается искрами.

Палатка и ветер

Палаткам мне предстоит посвятить целую главу в этой книге. В то время, когда я начал свою экспедиционную деятельность, палатка была практически исключительно брезентовым или парусиновым сооружением. Двускатным, естественно. Нейлон и прочие экзотические ткани встречались в основном на страницах лаковых рекламных проспектов.

До сих пор я не уверен, что современные ветроустойчивые, двухслойные, суперлёгкие и сверхпрочные дуговые палатки превосходят по своим техническим характеристикам старинные «гималайки» и «памирки». Приходилось мне быть свидетелем того, как во время сильнейшего шторма на северном склоне хребта Брукса ветер буквально вмял в землю одну из лучших

дуговых палаток в мире – North Face Expedition Pro. А ветер был не сильнее чануэнваамского, и с двухскатной палаткой я с ним, пожалуй, ещё поборолся бы.

Самое главное, когда вы ставите палатку в ветродуйном месте, – это постараться угадать её ориентацию. Лучше всего ветер не ловить торцами, а стараться ставить на ветроопасное направление скат или угол (но не тот, что ко входу!). На сильном ветру палатки желательно «гасить» – то есть «усаживать» по самые скаты, не оставляя вертикальных поверхностей. Верёвки должны быть натянуты предельно туго, придавлены камнями. Но надо стараться следить за тем, чтобы они не перетирались там, где на них лежат валуны.

Жилища аборигенов

Коренные жители тундры летом к ветру относятся предельно благожелательно. Во-первых, они ещё помнят эпоху без антикомариных репеллентов, во-вторых, олени, ради которых они в тундре и живут, как-то вовсе обходятся без репеллентов. Именно поэтому оленеводы предпочитают разбивать свои лагеря на самых обдуваемых ветром местах. (И именно на такое место их стоянки мы и клюнули на Чануэнвааме.) Жилища чукчей – яранги – совсем не похожи на утлые геологические палатки: это огромные сооружения, с очень сложным каркасом, покрытые тяжёлыми шкурами и брезентом. «Сдуть» такое жилище не под силу даже урагану, подобному тому, который трепал нас на Центральной Чукотке.

Ветрохолодовой индекс													
Сила ветра, м/с	Температура, °С												
	10	5	0	-5	-10	-15	-20	-25	-30	-35	-40	-45	-50
Шторм	10	5	0	-5	-10	-15	-20	-25	-30	-35	-40	-45	-50
2-3	9	3	-2	-7	-12	-17,5	-23	-28	-33	-38	-44	-49	-54
4-5	4	-2	-8	-14	-21	-27	-34	-38	-44	-51	-57	-63	-69
6-7	2	-5	-12	-19	-25,5	-32	-39	-44	-51	-58	-65	-72	-80
8-9	0	-7	-14	-22	-29	-35,5	-43	-49	-56	-64	-71	-78	-85,5
10	-1	-7,5	-15,5	-23	-30,5	-38,5	-46,5	-54,5	-62,5	-70,5	-78	-86	-94
11-12	-1,5	-8	-17	-24	-32	-38	-46	-52	-60	-67	-75,5	-83	-90,5
13-14	-2	-10	-18	-26	-34	-40	-49	-54	-63	-70,5	-78	-87	-94
15-16	-3	-11	-19	-27	-35	-42	-50,5	-57	-64	-73	-81	-89	-97
17-18	-3,5	-12	-20	-28	-36	-43	-52	-58	-66	-74	-82	-90,5	-99
Свыше 18 м/с дополнительный эффект ветра незначителен													
Умеренная зона				Зона нарастающей опасности						Опасная зона			

Ветер и мороз

Ветер и холод взаимодействуют друг с другом гораздо теснее, чем нам кажется на первый взгляд. Дело в том, что поток воздуха постоянно относит от тёплых участков кожи поток тепла и таким образом охлаждает её. Поэтому при одной и той же отрицательной температуре воздуха человек мёрзнет тем сильнее, чем больше скорость ветра. В результате специальных исследований климатологи и физиологи разработали так называемый ветрохолодовой индекс² (см. таблицу).

Работа в ветровых зонах

Работая в ветровых зонах, стоит всегда обращать внимание на то, куда наклонены кроны деревьев, в какую сторону тянутся кусты. Есть даже специальный термин такой в краеведении – «деревья-флюгеры». Если вы особенно дотошны, то можете посмотреть розу ветров ближайшей метеостанции. А если нет, то я вам скажу (даже уже выше сказал): самый противный в наших краях ветрище – это тот, который дует с северо-востока. Но не очень поддавайтесь на все эти подсказки – чануэнваамский ураган, с которого я начал свой рассказ, имел мерзкое свойство оборачиваться вокруг себя два раза в сутки. Правда, это, честно говоря, исключение. Дело, видимо, в очень своеобразной форме каньона, по которому он дул. Резкое изменение

² Охлаждающая сила ветра, воздействующая на ткани организма, как эквивалент температуры.

направления ветра может говорить и о смене погоды. Но, с другой стороны, гадать на погоду в наших местах – всё равно что определять своё будущее по звёздам Сад-ад-Забих.

В любом случае стоит помнить, что ветер в наших краях – одна из стихий, способная оставить без крыши над головой. Это, между прочим, касается также всяких утлых строений, вкопанных в грунт. Известен не один случай, когда подобные хибары заваливало ветром, а однажды люди, находившиеся в такой халупе, сгорели заживо.

Упоминая о неприятностях, причиняемых ветром, нельзя забывать и о такой на первый взгляд экзотической вещи, как ветропад сухостоя. На самом деле много деревьев в лесу имеют ослабленную корневую систему (отгнивающую, когда дерево умирает). Достаточно сильного ветрового толчка, чтобы такой великан рухнул, сметая всё на своём пути. Поэтому, разбивая лагерь, обратите внимание на стоящие рядом отдельные деревья и попробуйте прикинуть, куда их поведёт, если они, не дай бог, начнут валиться. Такие деревья давили и палатки, и охотничьи избушки; один исследователь в уссурийской тайге в семидесятых годах даже погиб под упавшим от ветра деревом.

Так что испытание сильным ветром на Севере чем-то похоже на испытание пургой. Собственно говоря, ветер и является первопричиной основного количества неприятностей, имеющих под собой метеорологическую подоплёку. А когда к ветру присоединяется дождь...

Глава 9

Дождь

Мы пили чай на кухне у Миши Гунченко, егеря заказника «Лебединый» в селе Марково. Раздался телефонный звонок, и Лиля, Мишина жена, позвала мужа к телефону. Через несколько минут он, встревоженный, вернулся.

– Поехали на пристань, – забеспокоился он, – надо лодку вытащить. Звонили из Чуванска. Там несколько дней шли дожди, а сегодня посёлок затопило за два часа.

Чуванском назывался посёлок в трёхстах километрах выше Марково по реке Анадырь, и, признать, известие о его затоплении я воспринял довольно спокойно. Дело-то обычное: на Севере постоянно какая-нибудь гадость случается. Ну не приспособлены эти места для человеческой жизни, и всё тут. Тем не менее беспокойство приятеля передалось и мне. Через десять минут мы на мотоцикле уже ехали в сторону поселковой пристани.

Дождь готовит удар.

Погода стояла пасмурная: дождик с верховий Анадыря, похоже. Добирался сюда. Вода ушла далеко вниз, от уреза воды до сараюшек поселян было не меньше четырёх метров. Миша критически оглядел пристань и сказал:

– Придётся тащить. Хорошо, лодка – не «Прогресс».

Замечу, что вес «Прогресса» – двести пятьдесят килограммов, а у Миши была маленькая старая «Обь», которая тянула меньше чем на сотню. Мы подхватили её вдвоём и в несколько приёмов вытащили на самый верх. Дотошный Гунченко сунул её между сараями, привязал в нескольких местах, подёргал, наконец удовлетворённо заметил:

– Никуда не денется.

Всё это происходило под оживлённое подгагатывание весёлой пристанской братии. «Гунченко лодку в квартиру себе понёс».

Дождь тем временем усиливался и под конец нашего мероприятия лил уже как из ведра. Я уже начал думать, что Миша не так уж и неправ. А народ на пристани не унимался.

– И чего это вы её дальше не потащили? Привязали как-то несерьёзно. Надо бы тросом железным привязать. К блоку бетонному! Гы-ы-ы!

И народ немедленно выпивал водки.

Михаила все эти реплики нисколько не трогали. Время от времени он только что-то подборматывал, вот. дескать, посмотрите, что будет, когда небо на землю упадёт.

Когда мы на мотоцикле возвращались в посёлок. вода с неба текла прямыми струями – как из-под дождевальная машины...

Перед бурей.

Важнейшим из искусств в посёлке Марково в то время являлось кино. Но не из-за слепого подражания классикам марксизма. Просто в посёлке Марково в то время не было телевидения. Поэтому вечерами поселковый кинотеатр был набит независимо от репертуара. Кинотеатру составляла конкуренцию пожарная часть, где также был кинопроекторный аппарат и некоторое количество краденых бобин с фильмами.

Я уже не помню, какой фильм шёл этим вечером. Потому что самым ярким эстетическим впечатлением от его просмотра был крик человека посреди сеанса: «Народ, пристань топит, спасайте лодки!».

Кинотеатр опустел почти мгновенно.

Когда я появился на берегу, то буквально не поверил своим глазам.

Серая мутная вода теперь плескалась прямо среди балков и сараев. От половины лодок остались только верёвки, под большим углом уходившие в воду. Пристанская братия с громким матом носилась по берегу, создавая суету.

Мишина «Обянка» безмятежно качалась на волнах в отведённом ей закутке.

По всем расчётам за последние шесть часов вода прибывала по семьдесят сантиметров в час!

– И так бывает каждый раз, когда говорят, что Чуванск топит, – сказал спокойный Гунченко.

– И часто?

– Да нет, у меня – третий раз в жизни. Но всегда по одному сценарию...

Больше всего проблем приносят дожди двух видов – проливные и мелкие, но нудные.

Вообще, любая вода, текущая на вас сверху, противна.

Что же делать, чтобы от этого ощущения избавиться?

Дождь и одежда

Отчего-то считается, что лучшая одежда во время дождя – это длинный плащ. Тем не менее на эту тему возможны вариации. Дело в том, что если вы находитесь в непромокаемой одежде, то через какое-то (не очень долгое) время будете изнутри такой же мокрый, как снаружи. Поэтому, если дождь не очень сильный, то всё-таки лучше носить одежду, которая дышит. Из плотной хлопковой ткани или хотя бы из сукна. Одежда из плащ-палаточной ткани («брезентуха») слишком тяжела да и в конечном итоге тоже намокает.

Дождевые облака.

Суконные же куртки, конечно, мокнут, но набирают влагу постепенно, зато потом быстро сохнут, причём сохнут возле открытого огня. Кроме того, они практически не шуршат о ветви, в отличие от брезента, гортекса и разных типов синтетики. Не шуршит полартек, он лёгок, намокает примерно с такой же быстротой, как сукно, но его, к сожалению, нельзя сушить на открытом огне.

Что касается белья и носков, то тут разногласий быть не может – это шерсть и только шерсть. Даже сырая, она сохраняет свойство согревать. Хлюпает при этом, правда, противно.

Дождь и палатка

Парусиновые и брезентовые палатки, которые составляют большую часть палаточного парка на Севере, относятся к дождю по-разному.

В принципе абсолютно устойчивы к осадкам только палатки двух типов: самые тяжёлые – из чанового брезента и самые современные – из гольной синтетики. Правда, выбирая синтетические палатки (капроновые, дакроновые и т. д.), надо обращать тщательное внимание на швы (они должны быть проклеены) и на молнии. Если течёт, то, как правило, по ним. Однако синтетические палатки имеют один и тот же крупный недостаток – в них нельзя устанавливать печку. А палатка без печки – это только треть палатки.

Внезапный тайфун в Уссурийском крае.

Причём печка – это как раз средство именно против дождя, а не холода, как можно себе вообразить. Для борьбы с холодом есть тёплая одежда, обувь, спальный мешок, наконец. А печка служит для того, чтобы сушить: а) изнутри саму палатку и не давать ей протекать; б) личные вещи (и поддерживать их постоянно в сухом и тёплом виде). Потому что как бы привлекательно ни выглядели всякие разнообразные дуговые палатки, но если неделю с неба капает влага и у вас нет никакой возможности просушиться, то этой влагой напитывается всё – и

главный гарант вашего здоровья. Его Величество Спальный Мешок, тоже. Так что хочешь не хочешь, приходится искать какую-нибудь избу или городить некий навес и сушить всё имущество у огня. А это не всегда возможно. Вспоминаю полевой сезон 1990 года на Омолоне, когда за четыре месяца нам выпало всего четыре погожих дня!

Дождь и укрытие

Для человека, путешествующего по нескольку дней налегке, то есть без палатки, дождь – всегда неприятное ЧП.

Типов укрытий от дождя относительно немного. Я уже пару раз говорил вам про брезентик два на три (как его называют приятели – «тряпочка на палочке»). Но именно в дождь он выполняет свои функции укрытия лучше всего – его не так прожигают искры, которые на самых распространённых в Сибири лиственных дровах так и летят во все стороны. Многие путешественники носят с собой такой же кусок полиэтилена. Спору нет – он легче и занимает меньше места, но при этом легко повреждается, прожигается искрами и довольно трудно расчленивается. Синтетические тенты также неустойчивы к открытому огню, зато прочны и компактны.

Тайга в дождь.

Можно укрываться от дождя под большими деревьями, а также строить из коря балаганы. Но все эти приспособления требуют времени, причём довольно значительного. Например, постройка примитивного балагана, крытого корой, занимает три-четыре часа, а то и больше. Причём сооружать такой балаган хорошо бы в лесу, где можно быстро надрать коры, к тому же у вас должен быть хороший острый топор, и вы, что ещё важнее, должны уметь им виртуозно пользоваться. Потом, есть и обратная сторона такой постройки – на её сооружение приходится убить пять-десять полноценных больших деревьев.

Зато такой балаган является вполне полноценным суррогатом жилья, и вы можете использовать его несколько недель как переходную базу.

Дождь и обувь

Нет никаких сомнений, что лучшей обувью для дождливой погоды в наших районах являются резиновые сапоги. К сожалению, полевые люди вынуждены проводить в них (в самой противной их разновидности – болотниках) большую часть времени. Болотные сапоги тяжелы, неудобны, ногам в них плохо, но тем не менее альтернативы им пока нет.

Нет альтернативы и другим видам сапог.

После дождя.

В последнее время, опять же с экранов телевизоров и из зарубежных блокбастеров, к нам пришла мода на многочисленную шнурующуюся обувь. Возможно, она и подходит для джунглей и тропических болот, равно как и для всяких других мест, в которых я не бывал. Но для мест, где преобладают жёсткие, как проволока, кустарники – такие как карликовая берёзка, голубичник, багульник, – обувь со шнуровкой означает дополнительную мороку и головную боль. Дело в том, что все эти мелкие кусты, кустарнички и кусточки, хватаясь за мягкую материю шнурков, обладают фантастической способностью эти шнурки развязывать. Поэтому лично я для ходьбы по сырым местам и в сырую погоду предпочитаю самые обыкновенные офицерские яловые сапоги.

Конечно же, я выгляжу в мире современных технологий неким «старообрядцем» (куртка – сукно, сапоги – яловые), но я всё-таки стараюсь подсказывать людям вещи, наиболее приемлемые по соотношению «цена-качество».

Дождь и костёр

Самым надёжным средством спасения от дождя является костёр. Костёр греет и сушит, костёр придаёт настроение, костёр разгоняет тьму. Распространённым заблуждением является

мнение, что в дождь развести костёр невозможно. Отвечаю – возможно, только дело это требует некоторого времени и некоторого умения. Тут два способа – лобовой и с хитростью.

Лобовой я уже где-то упоминал – флакушка с горючим, сухой спирт, свечка, фальшфейер и т. д.

С хитростью – это используя сухие ветки, подстилку, разрубленные корчи, строя укрытия от ветра. Практика показывает, что хорошо разгоревшийся костёр потушить уже очень сложно. Сушитесь, грейтесь и помните – дров много не бывает!

Более подробно о кострах мы поговорим в главе 44 «Костры. Ночёвка у костра».

Дождь и потоп

Ещё в Писании прямо было сказано, что Всемирный потоп являлся прямым следствием дождя. Большая часть потопов на наших северных реках случаются или из-за таяния снега, или вследствие продолжительных дождей.

Иногда – не столько продолжительных, сколько обильных. Порой эти паводки носят совершенно катастрофический характер (мы уже говорили об этом в главе 7 «Распутица. Ледоход. Паводки и наводнения»), Так что о том, что берега топят, реки длинны, а в их верховьях может идти дождь, должен помнить каждый человек, разбивающий лагерь у воды.

В любом случае затяжной дождь, который сыплет с неба неделю, квасит лесные тропы, мочит насквозь палаточное полотно и всю носимую одежду, вздувает ручьи и реки, – одно из самых мерзких явлений на нашем Севере. И главное – деморализующих. Так что только и остаётся повторять самому себе: «Никогда не сдавайся!».

Глава 10

Туман

Возвращаясь вечером с маршрута, я привычно отметил клубы тумана, которые ползли с перевала со стороны залива Забияка. Туман – совершенно бытовая штука, если имеешь дело с Охотским морем. Мне оставалось только ждать утра и гадать – рассосётся ли он бесследно в холодном высоком небе? Или опустится вниз, наподобие ватного одеяла, заполнит всё вокруг и превратит окружающий пейзаж в слепой мир, где расстояния меняются на глазах, незыблемые, казалось бы, предметы, колышутся, расплываются, а то и двигаются, звуки гложут или приходят с другой стороны, а передвигаться приходится почти что на ощупь.

Морские берега – страна тумана.

Привычным взглядом я засёк необходимые ориентиры – долгий спуск по куруму, начинающийся прямо от моих ног, дальше я должен упереться в заросли кедрового стланика и идти вдоль них до ольховых кустов.

На границе ольшаника и кедрача есть торная медвежья тропа, по которой надо двигаться вниз до ручья. Его не надо переходить, а идти вдоль него вниз по левому берегу до скалистого прижима, за которым протекает маленький ручеек. Идём вверх по его распадку; в трёхстах метрах по правому берегу и стоит лагерь.

Итак, ориентиры: кусты стланика, ольшаник, ручей, скала, приток. Направление: вниз, вниз, вниз, вверх.

А теперь – вниз, пока туман не накрыл каменную россыпь и лишайники на валунах не превратились в скользкую пену, на которой так легко поскользнуться...

Мир тумана

Тихоокеанское побережье в полной мере можно называть страной тумана. Но туман может создать много проблем и в долине большой реки (например. Амура, Колымы или Омо-

лона). на море, когда видимость падает практически до нуля, а также на вершинах гор. когда их накрывают низкие облака. Которые – суть тот же туман. С туманом может столкнуться в любой момент каждый путешественник. странствующий в наших краях в межсезонье или же в тёплое время года. Правда, существует ещё и морозная мгла, о которой мы уже говорили в главе 5 «Генерал Мороз». Какие же проблемы несёт с собой туман? И как он образуется?

Что есть туман

Туман есть сконденсировавшийся из тёплого воздуха водяной пар. То есть в нагретом воздухе этот пар содержится, но невидим. Иное дело, когда этот нагретый воздух начинает двигаться над холодной поверхностью или сталкивается со студёными воздушными массами. Если в тёплом воздухе содержится достаточное количество пара (его бывает особенно много, если воздушные массы пришли с моря), то скоро наступает состояние насыщения и пар начинает выделяться в виде капелек тумана. На морском берегу мы иногда сталкиваемся и с обратным явлением. Нагревается как раз влажная, в болотистых тундровых пятнах земля. Море же в это время лежит подо льдом, и воздух над ним значительно холоднее. Поэтому утренний бриз, дующий с моря, сталкивается с тёплым воздухом над сушей. Тогда по фронту бриза образуется туманная завеса, которая вместе с ветерком продвигается вглубь суши. Это явление на языке метеорологов называется «выносом». Таким образом, мы безо всяких приборов и спутников можем наблюдать соприкосновение фронтов тёплого и холодного воздуха – по полосе тумана, который тянет по суше свои щупальца.

Туман над прогретой рекой.

Туманы преимущественно характерны для межсезонья – весны и осени. Но, если судить по ощущениям, самый мерзкий туман образуется, когда посреди знойного лета по морю к нам подгоняет ледовые поля – то ли из Гижики, то ли вообще с Камчатки.

Туманы, образующиеся при столкновении воздушных масс, называются адвективными. Существуют ещё и другие туманы – их порождают испарения с обширной плоской влажной тёплой поверхности – болот, озёр, прогретых морских заливов.

Облака идут вниз.

Есть туманы, которые в горной местности образуют низко идущие облака. Такой туман движется быстрее и проходит вместе с ветром, или, как принято говорить в науке, «с движением воздушных масс». Впрочем, это относится и ко всем другим видам тумана. Практически любой туман проходит быстро, если присутствует ветер в каком бы то ни было проявлении. Исключения могут составлять некоторые виды морских туманов, которые вертит по кругу циклоническая воронка ветра.

Видимость

Одна из главных проблем, с которыми сталкивается человек, попавший в мельчайшую взвесь водяных капелек, называемую туманом, – это то, что он перестаёт что-либо видеть. Причём проблема видимости в тумане очень специфическая. Мало того что его консистенция всё время меняется, даже если на первый взгляд туман кажется абсолютно однородной пеленой. Дело в том, что туман состоит из капель воды, каждая из которых сама по себе является микролинзой. Из-за изменения консистенции туманного облака меняется освещённость – порой кажется, будто вот-вот выглянет солнце – и тут же, через десять минут, вокруг вас сгущается свинцовая тьма – как будто уже наступают сумерки. Возникает впечатление, будто вы смотрите на мир сквозь объектив, диафрагму которого крутит неподвластная вам рука. Все эти сочетания низкой и «плавающей» видимости, изменяющейся освещённости и бесчисленных микролинз порождают обилие фантастических образов, преследующих вас в тумане. Образы эти потихоньку проникают в мозг заблудившегося человека и тем самым лишают его разума. Так, по крайней мере, думали древние викинги...

Звуки

Обилие микрочастиц в воздухе порождает ещё один эффект тумана – он рассеивает и искажает звуки. Они кажутся гораздо более приглушёнными и, что гораздо важнее, меняют

направление. Порой звуковые эффекты тумана совершенно поразительны; один мой знакомый слышал, как гроыхает жестянка, привязанная к триангуляционному знаку в восьмистах метрах от него – и слышал её всё слабее и слабее по мере того, как к ней приближался. Резкие и громкие звуки, такие как лай собак или выстрелы, доносятся с самых неожиданных сторон, и не обязательно оттуда, где они рождаются.

Влажность и холод

Другая проблема, которую порождает туман, – это неизбежно связанное с ним похолодание. Микрокапельки влаги оседают на руках, лице, незаметно пропитывают ткани одежды, покрывают шапочку, пролезают в мельчайшие щели. Долгое пребывание в тумане способно пропитать вашу одежду гораздо более равномерно, нежели неожиданно прошедший часовой ливень. Туман охлаждает вас так же «эффективно», как и нудный морозящий дождь, но гораздо более опасно – потому что происходит это незаметней. «Туман сосёт жизнь» – говорят старые охотники. Поэтому, если вы попали в туман и не знаете, когда он закончится, тщательно следите за сухостью – своих вещей и собственно себя. Если вам по какой-нибудь надобности необходимо заглянуть в рюкзак, старайтесь прикрывать горловину клапаном так же, как в дождь и мокрый снег. Помогает это не очень, но хоть как-то помогает.

Облако опустилось.

Спасают в туман и плотная одежда, перчатки, шапка или, по меньшей мере, головной платок. Но в целом проблема с туманом решается более радикально.

Настроение

Всё это – отсутствие видимости, призрачное, меняющееся освещение, похолодание и сырость – порождает для человека, очутившегося в тумане, то знакомое всем ходокам чувство неуверенности и тревоги, которое и является самой опасной особенностью этого явления природы.

Древние викинги, коряки и жители морских побережий не зря считали туман прибежищем самых коварных и опасных существ.

Туман над лагерем.

Способность преображать природу, даже хорошо известные места, играть с перспективой, заставляя двигаться предметы мёртвые и неодушевлённые и скрывать существа движущиеся будит в душе у человека даже с самой устойчивой психикой такие иллюзии и миражи, что не снились и самому Гойе в его «Сне разума».

Вот через ручей идёт медведь – да нет, это не медведь. Это валун, причём маленький. Испокон веку здесь лежит. Человек поднялся в полный рост на противоположном склоне – да это не человек, а обломившееся дерево с ветвями. А где тут каменная осыпь, круто спускающаяся вниз? Чёрт, да я по ней уже пять минут иду...

Есть ли против этого средство?

Кажется, есть.

Туман и огонь

Когда в глазах начинает рябить от непрерывных смен формы кустов, скал, деревьев, вынырывающих и уходящих в туман холмов и рощ, а в сердце пыльным цветом распускается неуверенность и кажется, что тут вы свернули не туда, там взяли неправильный ориентир, а здесь перешли неправильный брод, то самое время остановиться. Но не просто остановиться. Вы выбираете удобное, сухое место, с бревном, на которое можно опереться или сесть; рядом смутно журчит ручеёк и торчат сухие клыки кедрового стланика.

Вы собираете сухие веточки, складываете их «домиком», и над ними вспархивает оранжевая бабочка огня. Вы вешаете над ней прокопчённую консервную банку, пьёте из неё горький коричневый чай и приводите себя в порядок.

Вот уже и полегчало.

Что делать?

Все правила поведения во время плохой видимости несложны, но требуют определённой выдержки, как, впрочем, и все правила поведения в тайге и тундре.

Заблудившаяся в тумане.

Прежде всего, если время терпит – устраивайтесь лагерем и ждите. Туман пройдёт.

То же самое, если туман застал вас в мало – Туманные берега – знакомой, абсолютно плоской или, наоборот, прибежище духов, сильно пересечённой местности. Сидите, пейте чай и ждите – даже два-три дня ожидания с лихвой оправдают десятидневное блуждание по лесу или сломанную ногу на скальном обрыве.

Туманные берега – прибежище духов.

Если места вам худо-бедно знакомы, имеют чётко выраженный рельеф, то можно продолжать двигаться. С большой осмотрительностью, разумеется...

При появлении первых признаков поднимающегося тумана или наступающего туманного фронта надо внимательно взглядеться в маршрут и чётко разложить его по ориентирам. Причём, как уже говорилось в главе 4 «Феномен пурги», в качестве ориентиров можно использовать только те приметы, в которые можно лишь упереться и мимо которых нельзя промахнуться. Годаются – дороги, постоянные тропы, линии электропередачи (если они есть в ваших краях), склоны холмов, большие куртины кустов, ручьи и реки (при условии, если вы знаете, куда они текут), линии берегов, гребни холмов и перевалы. Не годятся – отдельно стоящие деревья, скалы, мелкие озёра и бочаги.

Старайтесь изначально разложить предстоящий маршрут по отрезкам и прикинуть, через какое время вы выйдете к одному, другому, третьему ориентиру. Помните – ваша скорость в тумане, хотите вы того или нет, будет в два, а то и в три раза меньше, чем в обычную погоду. Постоянно глядявайтесь в туман по вашему маршруту – то тут, то там его полотно может раздёрнуть случайным порывом ветра, и вы увидите то солнце, то знакомую вершину, то фрагмент склона. Они помогут вам сориентироваться во время блуждания в «небесном молоке».

Бога ради, не торопитесь и сохраняйте голову на плечах! Осторожность и вдумчивость могут буквально спасти вашу жизнь!

В тумане плутали все. Только не все об этом рассказывают...

Глава 11

Морские берега

В приморских районах время от времени возникает пренеприятнейшая необходимость – сесть на какое-нибудь судно или, наоборот, с этого судна высадиться. На так называемый необорудованный берег.

Выглядит этот необорудованный берег обычно следующим образом: о круглые крупные валуны, россыпью наваленные на пляже, с размаху разбиваются длинные серые волны. Если вы подходите к берегу на шлюпке, моторной лодке или другом таком же утлом плавсредстве, то с воды вам кажется вначале, что волны эти высотой не более чем по колено, причаливание будет заключаться в том, что лодка лениво ткнётся на гребне волны в каменистый берег, и вы, выскочив через нос и не замочив ног, мирно отправитесь по своим делам.

И только уже в двадцати метрах от берега вы услышите, с каким грохотом обрушиваются волны на эти круглые, вылизанные морем валуны, увидите, на какую высоту вас поднимает спина прибоя, почувствуете, как резко опускается ваша лодка под прогибом следующего вала – и судорожно схватитесь за вёсла или румпель мотора, чтобы в самый последний момент попытаться спасти своё оборудование, своё судно и, может быть, самих себя...

Накат.

Это – накат... Проклятый накат.

Несть числа погибшим при высадке или посадке на берегу моря во время прибоя или наката фотоаппаратам, биноклям и даже компьютерам-ноутбукам. Иногда страдают и люди. Чаще всего – это ушибы и даже переломы при падении на камнях, когда человека сбивает ударами волн и эти же удары волн не дают ему подняться.

Что такое накат?

Накат – это прибой, обрушивающийся на берег длинными ровными ударами волн в результате колеблющей морскую поверхность зыби. Вылетая к отмёлому берегу, волны меняют свою форму. Волна входит во взаимодействие с дном в тот момент, когда глубина у берега начинает соответствовать её амплитуде. С этого момента волновые орбиты водных струй, огра-

ниченные дном, становятся ещё более эллиптическими. Длина волны уменьшается, амплитуда увеличивается – волна становится выше. Передний склон делается круче, волна опрокидывается вершиной вперёд и, образуя бурун, разрушается. Разрушение волны происходит на глубине, приблизительно равной её высоте.

Небольшой прибой на песчаном отлогом пляже в хорошую погоду чарует глаз. Волна за волной с тихим шелестом набегает на берег, дробится на тысячи сверкающих на солнце пузырьков белой пены и отбегает назад. Но вот зыбь становится всё крупнее и шире. Накат, как говорят моряки, усиливается. Волна разрушается теперь не у самого берега, а вдали от него, на большей глубине, соответствующей уже большей её высоте. Это уже не прибой, это – буруны. Между буруном и берегом нередко находится полоса воды с довольно спокойной поверхностью. Водная масса разбившейся волны добавляется к этой спокойной воде и бежит по ней в виде гребня без ложбины, увлекая за собой всю толщу воды. Это так называемая волна перемещения, или одиночная волна. У самого берега она образует *вторичный прибой*.

Разбитая лодка.

У мелких отлогих берегов буруны нередко образуются на расстоянии одного-двух километров от берега. Если в таких местах зыбь, поступающая с моря, достаточно сильна, крупные одиночные волны пробегают всё это расстояние со скоростью двадцать – двадцать пять километров в час, а иной раз и больше. Длинные волны зыби при вступлении на мелкое место почти удваивают свою высоту. На побережье Тихого океана прибой высотой от трёх до шести метров – довольно обычное явление. В штормовую погоду на берег обрушиваются волны высотой от шести до одиннадцати и даже до двадцати метров.

Высадка и посадка

Существует главное правило высадки во время наката:

**В ОДИНОЧКУ В НАКАТ
НЕ ВЫСАЖИВАЮТСЯ!**

Эта малоприятная процедура производится как минимум вдвоём.

Лодка подходит к берегу перпендикулярно волне. Первый пассажир стоит на носу, держа причальный конец в руках. Этот причальный конец он теперь не отпустит до самого окончания процесса высадки. А высадка будет закончена только после того, как лодка будет вытащена

как можно дальше от прибойной полосы – иногда на пятьдесят или сто метров от воды. Главная опасность заключается в том, что последующие волны могут, ударяя в корму, захлестнуть лодку (и при накате – обязательно захлестнут); забросают галькой и полностью похоронят в камнях; лодку может просто разбить о камни, а вещи будут безвозвратно потеряны.

Итак, этот первый пассажир с носа спрыгивает вниз при первом касании лодкой земли, затем вытягивает причальный конец и изо всех сил старается натягом каната подтащить лодку по берегу на гребне волны. Затем, когда волна спадает и лодка мирно успокаивается на каменистом берегу, он бежит обратно к лодке, продолжая держать верёвку в руках. Он подхватывает лодку с одного из бортов – и вдвоём с напарником выдёргивает её за прибойную полосу.

Второй человек вначале сидит на вёслах и старается удерживать лодку на волне, носом к берегу. Затем, как только его напарник покинет судно, он, мгновенно бросив вёсла внутрь лодки, выскакивает за борт. После этого оба подхватывают лодку за борта в районе уключин и, наперегонки с волнами, тащат её как можно дальше на берег.

Но на этом их миссия не заканчивается.

Одежда и упаковка

При высадке или посадке во время наката первоочередное значение имеют одежда и упаковка.

Ваша одежда в подобных ситуациях должна исключать какие бы то ни было колебания в случае, если понадобится прыгнуть в холодную морскую воду. Излишне говорить, что на ногах надо иметь как минимум болотные резиновые сапоги. Подойдёт костюм химзащиты. Хорошо зарекомендовали себя сухие гидрокостюмы с надетым под них водолазным бельём из верблюжьей шерсти.

Самая большая неприятность – это поскользнуться на илистых или просто скользких камнях под ударами волн. При падении можно сильно ушибиться или даже что-нибудь сломать, а в сильный накат можно даже и не подняться. Удары волн бывают настолько сильны, что просто могут забить упавшего человека под лодку, а там уже...

Плавучие льды.

Как-то подобное случилось со мной, и скажу вам – очень это мне не понравилось... Живым удалось остаться буквально чудом.

Поэтому обувь для работы в накате должна иметь сильный протектор, а лучше всего – шипы или трикони. Если же такой обуви на вас нет, то можно обойтись голой смекалкой. Например, с самого начала выбрать место, где камни густо обсажены морскими желудями – балянусами. Они держат ногу так, как будто вы ступаете на поверхность, покрытую наждачной бумагой.

При высадке или посадке абсолютно всё снаряжение надо убирать в непромокаемую упаковку. Лучше всего для этих целей подойдут гермомешки. Но в принципе можно использовать и пару мусорных мешков с плотно завязанными горловинами. Для верности упакованный таким образом груз завязывают ещё в третий мешок – из плотного полиэтилена, так называемый сельдевой вкладыш. Их употребляют для засолки сельди или другой рыбы в деревянные бочки.

Плавучие льды.

Должен сказать, что море во время наката может выглядеть совершенно мирным и чуть ли не штилевым. Внимательно следите за самой береговой линией – накат обозначает своё присутствие тонкой белой полосой бурунов.

Принимая решение высаживаться или, наоборот, садиться на судно с берега, надо приготовиться к разным неожиданным и чаще всего неприятным моментам, главный из которых, пожалуй, – потеря времени.

Случаями, когда люди в ясную погоду ожидали посадки на судно три-пять дней, на наших берегах никого особенно не удивишь.

Собственно говоря, реалии дальневосточных морей родили такую грустную присказку: «Обещали в августе забрать, а ещё и в июле не увезли».

Поэтому лично я предпочитаю в любом варианте, связанном с перебросками по морю, иметь дело всё-таки не с судном, а с вертолётom.

Приливы и отливы

Приливно-отливной цикл – важнейшее природное явление, с которым приходится считаться путешественникам, странствующим вдоль морских берегов. Это очень специфическое явление, которое зависит по большому счёту от влияния на водную массу Мирового океана небесных светил.

Приливно-отливной цикл обычно связывают с лунным циклом. Масса именно этого спутника Земли притягивает к себе из космоса всю свободную воду на планете, которая вытягивается в пространстве по направлению к Луне.

От того, как перемещается под влиянием вращения Земли этот «лунный водяной волдырь», и зависят приливы и отливы на всём земном шаре. Однако нельзя недооценивать и ту силу, с которой водные массы Земли притягиваются Солнцем. И хотя сила притяжения Солнца в 2.17 раза меньше силы притяжения Луны, её тоже учитывают при расчёте приливов.

Лёд на отливе.

Наибольших значений морские приливы достигают дважды в течение лунного месяца, который приблизительно равен двадцати восьми дням. Наибольшая высота приливов объясняется тем, что при новолунии и полнолунии Луна и Солнце находятся на одной прямой по отношению к Земле и их приливообразующие силы складываются. Во время первой и третьей четвертей фаз Луны приливы минимальны, так как приливообразующие светила находятся под прямым углом по отношению друг к другу. Максимальная теоретическая величина на идеально круглом острове в открытом море должна быть всего восемьдесят сантиметров. Однако моря, омывающие Россию, замкнуты и изрезаны, отчего приливно-отливные волны в них отнюдь не идеальны. В Охотском море максимальная амплитуда «прилив-отлив» составляет около двенадцати метров.

Море отступило... На литорали.

На сутки приходится по два прилива и два отлива, один из которых всегда меньше другого. Время максимального и минимального прилива-отлива постоянно смещается не только по земному шару – оно значительно различается даже в сорока-пятидесяти километрах на изрезанном побережье. Кроме того, время пика водной массы каждый раз сдвигается на определённый временной промежуток – в среднем на тридцать-сорок минут, и это надо обязательно учитывать, составляя собственную шкалу колебаний моря в каком-либо труднодоступном месте.

У приморских жителей распространено мнение, что на пике прилива и на максимуме отлива существует явление так называемой мёртвой воды – когда море как бы стоит на месте. Строго говоря, это не так – движение Земли вокруг Солнца и Луны вокруг Земли не прекращается ни на миг, поэтому водные массы тоже пребывают в постоянном движении. Другое дело, что на пиках колебания изменения уровня воды практически незаметны. Это даёт возможность судоводителям воспользоваться предоставляемыми природой возможностями – пройти куда-нибудь мелким фарватером или закончить ремонт днища обсохшего судна.

В принципе таблицу отливов-приливов путешественник всегда может приобрести в местном управлении по метеорологии. Там же специалист может рассчитать периодичность водных колебаний в любом месте на интересующем вас побережье.

Тихоокеанское побережье России представляет собой с севера на юг череду скальных обрывов различной высоты – от тридцати до семисот метров. Они перемежаются прорезанными в скальных стенках долинами небольших рек и в одном месте – эстуарием по-настоящему крупной реки. Амура.

Двигаться вдоль этих берегов можно двумя путями – используя «столбовые» звериные тропы по верхней кромке обрывов и по каменным пляжам и приливно-отливной полосе – так называемой литорали.

Приливно-отливная полоса, или литораль, – это участок, на котором происходит бесконечная война между морем и сушей. Половину суток она закрыта водой во время прилива, вторую половину – когда вода отступает – она представляет собой полосу суши.

Знание приливно-отливного цикла абсолютно необходимо для путешественников, передвигающихся по морю и использующих для стоянок бухты и заливы побережья. В употреблении себе на пользу свойств приливов и отливов, как и всего разнообразия законов природы, присутствует некий дуализм. В прилив гораздо легче подойти к отмёлому берегу, зайти в бухту или защищённую от ветра лагуну.

С другой стороны, накат и прибой во время отлива несколько ослабевают, что помогает высадиться на открытый необорудованный берег.

Непропуск Охотского берега.

Однако зашедшему в мелкую бухту или эстуарий судовладельцу или судоводителю надо помнить, что вслед за приливом всенепременно наступает отлив. В бассейнах Охотского и Белого морей его диапазон может достигать нескольких метров, и стоящее на якоре в ста метрах от берега судёнышко рискует Непропуск оказаться на суше. Охотского берега.

Поэтому на маломерных судах в закрытых морях имеются на борту штанги-упоры, с помощью которых судно во время отлива устанавливается на ровный киль.

ВНИМАНИЕ! В некоторых районах Белого и Охотского морей вода во время отлива может отступить на несколько километров от береговой черты!

Прижимы и непропуски

Значительная часть скалистых берегов на тихоокеанском побережье России обрывается прямиком в море, образуя так называемые непропуски. Значительная часть этих непропусков может быть преодолена во время отлива по литорали. Но движение вдоль прижимов по приливо-отливной полосе влечёт за собой довольно много сомнительных вещей. Во-первых, вы не всегда можете рассчитать скорость отлива и длину пути, который вам предстоит преодолеть. Тогда прилив может застать вас посреди пути вдоль шестисотметрового скального обрыва, вскарабкаться на который можно только при помощи специальных навыков и альпинистского снаряжения (которые есть далеко не у всех путешественников). Во-вторых, непропуск, вдоль которого во время отлива вам открылась хорошая галечниковая или валунная дорога, может упереться в огромный морской омут, и вам быстро-быстро придётся выбираться назад и искать обходной путь поверху. В-третьих, скалы морских побережий разительно отличаются от тех гранитных утёсов, на которых принято тренироваться у альпинистов и скалолазов. Тысяче-

летиями их породы подвергались атакам морского солёного ветра, морозов и волн. Поэтому скальные крошки побережий представляют собой довольно плохую опору – крошатся и рассыпаются прямо под руками карабкающегося на них человека.

Вот несколько советов путешественнику:

- собираясь двигаться вдоль череды скальных обрывов, запаситесь точной таблицей приливо-отливного цикла на этот участок побережья:
- попытайтесь рассчитать время прохождения самых сложных отрезков пути вдоль череды береговых обрывов и сопоставьте эти значения со временем минимальных значений отливов;
- прикиньте с помощью карты, где и как вы сможете пересидеть поднявшуюся воду до начала очередного отлива:
- и самое главное – попытайтесь выяснить у кого-нибудь из местных жителей, является ли эта полоса спальников проходимой по отливу в принципе;
- если при рассмотрении плана движения по литорали в незнакомом месте у вас возникнет чувство неуверенности – толкуйте ваши чувства в пользу сомнения и ищите обходные пути!

Береговой припай после шторма.

Весной, сразу после взлома весеннего льда, благодаря приливо-отливным волнам вдоль скалистых берегов на некоторое время остаётся хорошая и прочная дорога – замёрзший за зиму и припаянный к подножию скал припайный карниз. Этот карниз обладает значительной прочностью (особо лихие люди ухитрялись даже ездить по нему на вездеходе). Он ровный и совсем не скользкий. У него есть всего один недостаток – никто не знает, когда он отвалится от скалы... Но в течение первой недели после отхода льда от берега им ещё вполне можно пользоваться, передвигаясь по нему на значительные расстояния и волоча за собой санки с грузом.

Лагуны и эстуарии

На берегах северных и дальневосточных морей довольно широко распространены такие формы приморского рельефа, как лагуны.

В принципе лагуной называется мелководный залив, отгороженный от морского пространства галечной или валунной косой и (или) цепочкой рифов. Происхождение лагун в

северных краях объясняется активностью льдов. Косы, отделяющие лагуны от моря, образуются в результате нагребания ледяными массивами и айсбергами грунта с мелководья на череду полузатопленных скал или рифов. Лагунообразующие косы на побережье Северного Ледовитого океана иногда достигают длины в десятки километров. С морем лагуну соединяют один или несколько каналов, в которых на пике прилива или при отливе развивается бурное течение – иногда до двенадцати километров в час.

Припайный лёд.

Такие лагуны могут быть удобным убежищем для некрупных судов – тем более что коса лагуны самой природой воздвигалась как барьер на пути льда. Однако, планируя использовать северную лагуну как убежище для своего судна, вы должны помнить о следующих вещах:

- поверхность лагуны может быть покрыта льдом гораздо дольше, чем остальное морское пространство:
- лагуна значительно мелководнее окружающего её моря:
- приливно-отливное течение в канале лагуны может превосходить мощность небольшого судового двигателя.

Морская зыбь.

Приустьевые участки рек, глубоко вдающиеся в море, с многочисленными наносами, протоками и мелями, называются эстуариями. Из-за своей сложности и протяжённости они причиняют довольно много хлопот как сухопутному, так и морскому путешественнику. Путешественнику сухопутному приходится или преодолевать все бесчисленные протоки и острова по самой границе с морем – там, в местах выноса грунта непосредственно в открытое пространство, устьевые рукава имеют наименьшую глубину: или уходить вглубь материка, в поисках места, где река образует единое русло или, по крайней мере, наименьшее число протоков, и организовывать свою переправу там. Путешественник морской должен помнить, что окрестности устья *любой* реки изобилуют мелями и подводными косами, которые из-за течения постоянно меняют своё расположение.

Косы северных лагун.

В любом случае путешественнику, странствующему вдоль береговой линии России, стоит помнить, что морские берега – это место соприкосновения трёх стихий: земли, неба и моря. Именно поэтому ситуация на берегах наиболее непредсказуема и обманчива. Если человек по своему характеру не способен философски воспринимать всяческие неожиданности, его ожидает много разочарований.

Глава 12

Поверхность Земли

Что бы мы ни говорили о тяготах пути, ночёвках и привалах, оружии и снаряжении, продуктах и средствах передвижения – главным для ходока остаётся земная поверхность, а именно характеристика того её участка, по которому он держит свой путь.

Это могут быть каменистые осыпи и бесконечные курумы хребта Джугджур, кочкарная чукотская тундра, горелая лиственничная индигирская тайга или смешанные кедровники Сихотэ-Алиня. Точно так же и путник совершенно по-разному будет идти по сухой каменистой тундре Анадырского нагорья и по тундре Чаунской низменности – только равнинной и покрытой кочками: по разреженным парковым дубнякам юга Уссурийского края и по захлавленной тайге верховий Усури и северного Сихотэ-Алиня; по озёрной болотистой равнине поймы Анадыря и по заросшим кедровым стлаником склонам сопок Северного Приохотья. В некоторых районах пеший путник может сделать ставку на движение по лесовозным дорогам и по квартальной сетке, прорубленной лесниками: где-то он может идти по гребням невысоких горных хребтов, а где-то – звериными тропами по кромке морского берега. И все эти стратегии, используемые при передвижении, напрямую зависят от того, что в местах ваших странствий представляет собой земная поверхность.

По большому счёту любое путешествие сводится к передвижению по поверхности Земли.

Земная поверхность в наших условиях чаще всего характеризуется рельефом и растительностью. Но отнюдь не всегда. На Чукотке, тихоокеанском побережье России, по берегам больших горных рек значительная часть пути пролегает по такому на редкость неудобному грунту, как крупный галечник.

Галечные и каменистые пляжи

Галечник формирует такие обширные участки земной поверхности, как пляжи, береговые бары и лагунные косы (так называемые кошки) морского побережья. Галечник в любом случае предпочтительнее для движения, нежели кочкарная тундра или перемешанный с буреломом кустарник, но движение по нему отличается рядом особенностей.

Галечные или каменистые пляжи, приморские и речные косы довольно тяжелы для продолжительной ходьбы: камни, на которые ложится ступня, двигаются и переворачиваются под тяжестью вашего тела, отчего каждый шаг становится неверным. Шатающиеся под подошвой камни в буквальном смысле выворачивают ваши ноги, отчего голеностопный сустав начинает ныть и болеть уже через десять километров такого пути.

Галечниковые берега.

При передвижении по такому грунту, если есть возможность, надо обуваться в лёгкие и высокие ботинки или кроссовки с высокой шнуровкой и хорошей фиксацией стопы.

К сожалению, если ваше путешествие не предполагает смены обуви (например, вы идёте в основном по равнинной болотистой тундре и только в некоторых местах проходите берегом моря), выполнение этого требования становится невозможным. Скорее всего вашей обувью будут классические болотные сапоги. Поэтому я рекомендую время от времени (каждые полтора-два километра) устраивать привал, чтобы разуться и помыть разгорячённые ноги в воде какого-нибудь ручейка или лужи, а заодно вытряхнуть из сапог все мелкие камешки, проветрить стельки и по возможности их подсушить. Короче, освежать ноги всеми возможными способами.

Пушицевая тундра Чукотки

При ходьбе по галечниковым косам можно поискать места, где галька зафиксирована в твёрдом, укатанном волнами песке. Такие места располагаются обычно поближе к урезу воды, на прибойной полосе. Кроме того, идти по мокрой гальке немного проще, чем по сухой. Также можно попробовать выйти на участки, состоящие из устойчивых крупных камней: порой гораздо проще прыгать с камня на камень, чем идти по мелкой шатающейся каменистой массе.

Равнинная тундра

Равнинная тундра – это, прежде всего, кочки и хлюпающая между ними бурая торфяная жижа. С моей точки зрения – это один из самых сложных для движения пешком типов земной поверхности.

Кочки равнинной тундры являются огромными пучками различных осок или пушицы, сросшихся между собой корнями. В разрезе кочка похожа на гриб – её верх широкий и плоский, как голова или шляпка, а объединённое корневище представляет собой «ножку» или «шею» у этого травяного кочана.

Собственно говоря, описанная конструкция кочки и определяет большую часть неудобства передвижения среди этих странных созданий природы. Дело в том, что идти по кочкарнику можно лишь двумя способами – или прямо по этим «травяным головам», или ставя ноги в промежутки между ними.

Надо сказать, что единственный вид обуви, пригодный для передвижения по арктическим кочкам, – это болотные резиновые сапоги. Традиционно тундровые жители ступают по верхушкам кочек и стараются не попадать ногой в промежутки между ними. Но вся штука в том, что надо стремиться ступить на ту часть кочки, которая находится прямо над её «стеблем» – иначе «голова» кочки качнётся в сторону и сбросит вашу ступню прямо в промежуток, который обычно заполнен мутной торфяной жидкостью.

Если вам особенно не повезёт, между кочками вы попадёте в мерзлотную дыру – протаявшее отверстие в подстилающей тундру вечной мерзлоте, которая, как может показаться,

ведёт едва ли не к центру Земли, – и вам может вполне не хватить даже длины болотного сапога с откатанным голенищем.

Для повышения устойчивости при ходьбе в равнинной тундре «оленные люди» пользуются посохом – «третьей ногой». Потому что даже при большой сноровке движение по тундре напоминает шагание по батуту – так головы кочек качаются под вашими сапогами.

Озёрные низменности

Движение по озёрным низменностям – сущая каторга для путешественника. По трудоёмкости она может сравниться лишь с преодолением таёжного бурелома. Озёрные низменности бывают двух типов. Первый – низменность расположена в долине какой-то большой реки, и сеть водоёмов на ней представляет собой остатки русла, в разные века проходившего по разным местам. Другой тип озёрных низменностей характерен для приморской тундры. Озёра на ней образуются в результате таяния линз вечной мерзлоты.

Это явление называется термокарстом. Поэтому гидросеть в тундре на редкость прихотлива и довольно изменчива. Ручьи и протоки, прорезающие равнину кочкарника, практически не имеют течения, но очень глубоки. В них нелегко найти брод, поэтому при путешествиях в подобных местах нужно, конечно, иметь какое-нибудь средство переправы.

Наличие лёгкой резиновой лодки в рюкзаке вполне оправданно на озёрных равнинах: встречающиеся по пути водоёмы могут иметь до нескольких километров в длину, так что их обход может занять довольно много дней, в то время как пересечь их в тихую погоду можно за считанные часы.

Болота и низины

Идёте вы по маршруту и вдруг в какой-то момент чувствуете хлюпанье воды под сапогами. Потом это хлюпанье превращается в чавканье, а затем вы замечаете, как под вашими ногами качается земля... Стоп!

Вы углубляетесь в болото...

Болото – один из самых не любимых человеком видов ландшафта. И путешественники отнюдь не составляют исключение.

Болота – самый неприятный для человеческого глаза вид ландшафта.

Как только люди не клянут болото! Во многих языках, в том числе и в русском, оно употребляется как ругательное слово.

Тем не менее болото – фактически неотъемлемая составляющая многих ландшафтов. Более того, в некоторых местах нашей необъятной Родины оно занимает весь видимый «пейзаж». На десятки (а кое-где – и на сотни) километров протянулись болота в Западной Сибири и на севере Европейской России. Но болота – характерная черта не только ровных поверхностей. Болото можно встретить и на пологом перевале, и на полочке горной террасы. Даже в пустынях при определённом стечении обстоятельств могут образовываться специфические болота-солончаки.

Верховое болото.

По большому счёту болото – участок земной поверхности, постоянно или большую часть года насыщенный водой. Растительность на болотах тоже особенная. Там произрастает как специфическая болотная флора, так и влаголюбивые обитатели прилегающих лесов. Только выглядят эти вроде бы вполне знакомые нам деревья и кустарники на болоте очень причудливо.

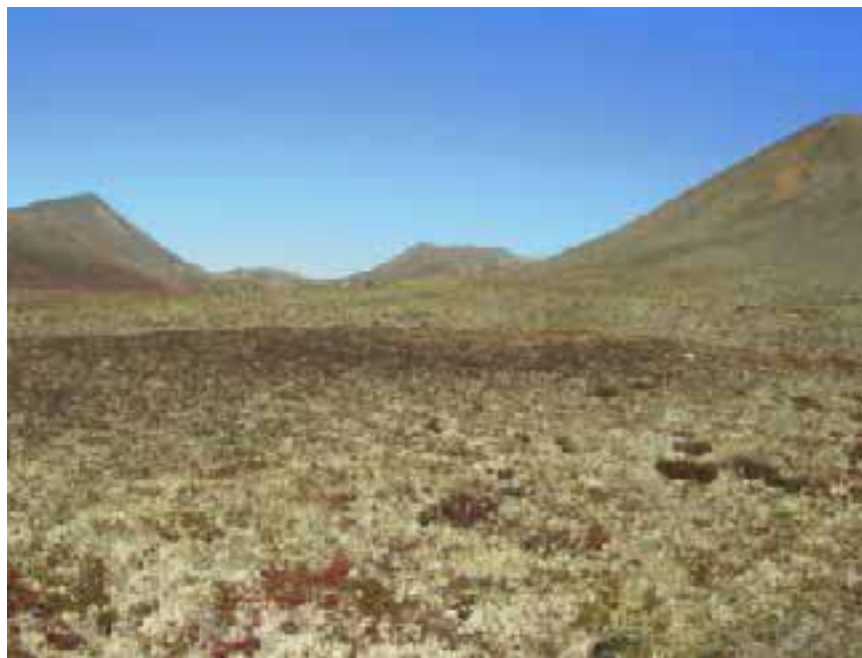
Болота возникают при зарастании озёр, в результате переувлажнения почвы (например, если нижний горизонт грунта не даёт талой влаге уйти на глубину – на глинистой основе или на вечной мерзлоте), при неглубоком залегании грунтовых вод и т. д.

Гидрологи характеризуют болото так: это или озеро, но со связанной торфяными частицами водой, или суша, но содержащая более девяноста процентов воды и менее десяти процентов сухого вещества.

Суть болотообразовательного процесса отражает следующее определение: «...болото есть растущий торфяник».

Низовые болота обычно располагаются по долинам рек, берегам озёр: к ним близко подходят грунтовые воды, богатые минеральными солями; растительность на них обычно богатая (разные виды осок, рогоз, тростник, зелёные мхи, ольха и другие виды).

Собственно говоря, низовое болото представляет собой бывшее озеро (или протоку), постепенно заросшее тиной, наполнившееся перегнившими частями растений и постепенно подёргивающееся плёнкой редкого ещё дёрна – как пенкой подёргивается кружка горячего молока. Другими словами, болото – это жидкость, чуть затянутая почвой с корнями травы.

Горная тундра.

На верховых болотах растительность отделена от почвы уже накопившимся слоем торфа: скудное минеральное питание она получает только с осадками, вода накапливается мхами: грунтовые воды располагаются близко к поверхности. Толщина торфяного слоя на верховом болоте может достигать трёх-четырёх метров и даже больше. Обычно по мере накопления торфа низовое болото постепенно превращается в верховое.

Перемещаться по болотам следует с очень большой осторожностью. Путешественнику надо избегать безлесных участков с пятнами воды, покрытыми ярко-зелёной растительностью. Вообще, надо обращать внимание на то, как ведёт себя почва у вас под ногами. Основной «болотный» жупел – это трясина, или топь, но путешественник должен знать, что никакая трясина не разверзается мгновенно под сапогами: вот только что шёл твёрдый грунт, и тут – у-у-у-х!

По мере приближения к опасному месту зыбь под ногами становится больше и больше, пока вы не поймёте, что через несколько шагов у вас появляются все шансы провалиться под тоненький слой дёрна.

Собственно говоря, топь – это очень неустойчивая «сплавина» – слой переплетающихся растений по краям умершего озера, где вместо воды содержится торфяная густая взвесь. Именно густота этой торфяной взвеси и является главной опасностью для провалившегося ходока: плыть нельзя, человек вязнет в ней, как в патоке, через несколько резких движений теряет силу, устаёт, а сила земного притяжения неумолимо утягивает его в торфяную жижу.

Как только вы ступили ногами на то место, за которым вы подозреваете наличие полноценной трясины, – не торопясь, аккуратно поворачивайте и пытайтесь выбраться своим следом. Вообще, по болотам легче передвигаться по гривкам и бровкам, на худой конец – по массивным кочкам, которые формируются обычно на уже заросших участках болот. Любые деревья (как бы коряво и страшно они ни выглядели) уже хороший признак: здесь было за что зацепиться корням, а значит, пройдёт и человек.

Осмотрительный и аккуратный путник имеет небольшой шанс утонуть в такой болотной трясине. Вообще, путешествие по необитаемым местам весьма способствует развитию осторожности и осмотрительности. А уж путешествие по болотным краям – тем более...

Горы востока России

С точки зрения ходока горы – это чаще всего выход на оперативный простор. На вершинах хребтов тайга редееет, а на севере – и вовсе уступает место каменным россыпям и горной тундре: по водоразделам и плато гораздо легче передвигаться, с них легче ориентироваться, и по ним можно эффективно обходить обширные болотистые низины. Из моей собственной практики на Чукотке: обход по горному хребту в сорок километров вдвое экономит силы по сравнению с пятнадцатикилометровым переходом по озёрной тундре с её жарой, кочками и комарами.

Уссурийские горные плато – «затерянные миры» тигра и леопарда.

В общем-то, на Дальнем Востоке с горами дело обстоит хорошо – их здесь много. Горы эти, конечно, невысокие (где-нибудь в Шотландии низкогорье Приморского края, к примеру, звалось бы холмами, а в Киргизии вообще бы никак не звалось), но очень крутые. На севере они становятся в два раза выше, а их склоны – более пологими. Однако большие северные горы имеют свой запас маленьких неприятностей, главная из которых – кедровый и ольховый стланики.

Подъёмы и остановки

Собственно говоря, при подъёме на невысокие горы главные препятствия – это влажность воздуха, густые кусты, захламлинные крутые распадки ключей, облака и так называемые живые осыпи.

Горы Чукотки.

Я ставлю на первое место влажный воздух среди всех неблагоприятных условий, в которых вам предстоит совершить подъём на дальневосточные сопки, именно потому, что он, как ничто другое, затрудняет дыхание и пропитывает влагой одежду и вещи. В горах Средней Сибири и Центральной Азии сухой воздух компенсирует ваши усилия во время подъёмов и переноски тяжёлых грузов. Поэтому переходы в тридцать-сорок километров с тяжёлой поклажей доступны в Азии даже людям со средней физической подготовкой. Здесь же, на Дальнем Востоке, как на севере, так и на юге, я не рекомендую проделывать такие походы без тренировки. Поднимаясь по склонам, помните, что вы занимаетесь этим не по принуждению. Существует специально рекомендованный «горный ритм» шагов: три шага – вдох, четыре – выдох.

В принципе, когда вы путешествуете в горах, следить за дыханием необходимо. Отдыхайте тогда, когда чувствуете в этом потребность.

У Джека Лондона Смок Веллью хорошо усвоил эту методику – сперва «короткие переходы и короткие остановки», а потом «долгие переходы и долгие остановки». Старайтесь использовать эти остановки для того, чтобы вслушиваться в природу, научиться понимать её, разбираться, как падают вниз отмершие сучья, как шуршат в траве полёвки, как птицы перепархивают с ветки на ветку в кустарнике и как осторожно крадётся лисица вдоль оврага. На пределе этих возможностей вы, вероятно, сможете услышать, по выражению индейцев, «как растёт трава».

Учитывая высокую влажность воздуха, я рекомендую на маршруте с многочисленными подъёмами надевать лёгкую продуваемую одежду, которая просыхает. При этом желательно в самом доступном кармане рюкзака иметь курточку из тёплого, непродуваемого материала, которую можно накидывать на себя во время остановок. При подъёме на склон с увеличением высоты ветер будет усиливаться – и тут подойдёт либо толстовка из полартека, либо куртка из тонкого сукна или шерсти.

Вертикали и горизонтали

Поднимаясь по крутым склонам, надо помнить, что, проигрывая во времени, вы выигрываете в затраченной энергии и наоборот. Поэтому вы можете выбрать подъём зигзагом по пологим траверсам или подниматься прямо по кратчайшей прямой – сумма усилий окажется одинаковой. Но на практике удобнее подниматься змейкой, хоть это и занимает больше времени.

Существует распространённая точка зрения, что в горной местности надо двигаться, как бы отрисовывая горизонталь на карте. – то есть двигаться не от вершины к вершине, а, заняв определённую высоту, придерживаться её, проходя вдоль склона на высотах самого низкого перевала.

Это далеко не всегда справедливо – особенно для покрытых стланиками гор Севера. Там зачастую гораздо выгоднее двигаться именно с вершины на вершину, потому что этот маршрут проходит по самым «лысым» участкам рельефа. Попытка двигаться «впол-склона» почти неминуемо приведёт вас в такие кустарники, что выберетесь вы из них очень и очень не скоро.

Не та ситуация в изрезанных сопках Уссурийского края. Здесь зачастую таёжная чаща на верхушках хребтов не очень сильно отличается от такой же чащи на склонах. Там целесообразнее передвигаться по плечам хребтов, не поднимаясь на самые вершины.

Спуск под грузом в тайге.

Однако, путешествуя по сопкам юга Дальнего Востока, надо помнить, что все они покрыты каким-то невероятным количеством мелких складок, оврагов, «чашек» и «западинок», которые совершенно не «читаются» со значительного расстояния. Поэтому реальное расстояние, которое вы пройдёте по уссурийским сопкам, всегда будет в два – два с половиной раза больше расстояния, отмеренного по карте (надо заметить, что в «обычных» горах увеличение реального пути по сравнению с проложенным по бумажной топографической основе принято считать «всего» в тридцать процентов).

Кроме того, при подъёмах на склоны и спусках с них надо стараться обращать внимание на их ориентацию по сторонам света. На практике оказывается, что северные и северо-восточные склоны или оголены, или покрыты разреженной растительностью, что может сильно упростить ваше движение.

Тропы

В горах необходимо обращать пристальное внимание на тропы – оставленные человеком и животными. Чаще всего эти тропы имеют довольно очевидное направление – вдоль ручья на перевал в долину другого ручья, вдоль скального клифа, по гребню хребта. В любом случае они будут пролегать по наиболее проходимым участкам рельефа.

Медвежья тропа на побережье Охотского моря.

Одна из проблем звериных троп, в частности медвежьих и кабаньих, заключается в низком росте их строителей. Поэтому медвежьи тропы в кустарнике обычно представляют собой нечто вроде туннелей высотой чуть больше метра, по которым человек передвигается согнувшись в три погибели.

Наиболее подходящими человеку по росту являются олени и лосиные тропы. В высокогорье же самыми лучшими тропами, указывающими направление движения, являются тропы снежных баранов.

Вместе с тем звериные тропы наряду с резко выраженными достоинствами имеют и серьёзные же недостатки. Один из главнейших недостатков – это то, что звериные тропы на ключевых участках пути могут теряться и больше не находиться. В частности, на перевалах торные олени и медвежьи тропы порой разбиваются на пять-шесть малозаметных стёжек – да и пропадают.

Хребты и перевалы

Если вы поднимаетесь на гору для того, чтобы получше обозреть окрестности, то совсем не обязательно подниматься на самый верх. Вполне достаточно достигнуть последней трети склона – на этой высоте, как правило, кроме дальних планов, можно разглядеть и нижнюю часть горы, а также подножие, то есть те участки, которые вы не разглядите с вершины.

Во время движения в гористой местности вам часто приходится использовать элементы ландшафта, которые называются перевалами.

Перевалом называется самое низкое место между вершинами хребта, которое используется для перехода из бассейна одной речки в бассейн другой.

Спускаясь с перевала, надо очень хорошо проанализировать маршрут – может статься так, что идти придётся не долиной ручья, начинающегося прямо под перевалом, а отрогом хребта и уже с него искать лучший путь в долину. Долины ручьёв и ключей на Дальнем Востоке зачастую бывают захламлены, перекрыты упавшими деревьями и заросли ивняком или ольшаником. Если вы двинетесь по гребню отрога, то это значит, что вы пойдёте по наименее заросшей части горы.

На Дальнем Востоке относительно немного мест, где гребни хребтов являются труднопроходимыми и опасными. Но такие места здесь есть, и с ними приходится считаться. Подобные участки есть на Джугджуре. Сунтар-Хаята, Охотском побережье. Корякском нагорье и на Камчатке. Их преодоление связано со специальными навыками в альпинизме, которые в настоящей книге не рассматриваются.

Осыпи и курумы

В Восточной Сибири, на Полярном Урале, в Хибинах цепи каменистых россыпей простираются на сотни километров и являются единственно возможной дорогой к различным пунктам вашего маршрута.

Каменистые осыпи – весьма характерный элемент горного ландшафта. Это могут быть как крупнообломочные курумы, так и щебнистые склоны или пологие языки морен. В любом случае, вступая на осыпь, человек начинает чувствовать себя несколько неуверенно.

И у него есть для этого веские основания.

В первую очередь надо обратить внимание на наличие растительности. Если на каменных плитах растут лишайники, между обломками кое-где высовываются кусты – можно немного успокоиться. Это «мёртвая» осыпь, и камни на ней не сдвинутся внезапно вниз, погребая под собой незадачливого путника.

Каменные осыпи – курумы.

Тем не менее и на таком каменистом развале путешественника могут подстергать неприятные сюрпризы. Прежде всего это «качающиеся» камни. Их практически нельзя угадать по внешнему виду, они могут выглядеть абсолютно неподвижно, но, едва ступив на них, человек ощущает, как этот камень, качнувшись на одной точке, пытается уйти из-под ног. Здесь главное – не запаниковать и не делать резких движений – в большинстве случаев амплитуда качания у таких камней очень невелика, поэтому если вы сразу удержались на нём, то удержитесь и дальше. Ну а потом – перебирайтесь на соседние камни, предварительно попробовав их на устойчивость. Если же камень качнулся так, как будто пытается сбросить вас со своей спины, – падайте на него плашмя. Правда, постарайтесь проделать этот трюк таким образом, чтобы тяжёлый рюкзак не сломал вам спину.

Курум.

По-настоящему опасная осыпь, способная к обвалу, выглядит следующим образом: как правило, она состоит из камней среднего и мелкого размера, обломки скал на ней имеют острые кромки, камни на ней значительно светлее, потому что их грани не окисляются – не лежат эти камни подолгу на одном месте! А значит, осыпь «дышит», «живёт» и может сойти вниз камнепадом.

Двигаться по ней нежелательно, но можно – очень медленно и поперёк, стараясь не страгивать с места большие обломки скал.

Переход сквозь кустарники.

Существует ещё одна опасность, связанная с осыпанием грунта в горах, – на тропах, идущих по кромкам обрывов. Двигаясь по таким стёжкам, надо быть очень внимательным и преодолевать эти участки быстрым шагом.

На юге Дальнего Востока надо опасаться каменистых крутых склонов, заросших дубняками, где осыпи прикрыты толстым слоем опавшей сухой дубовой листвы. Это же касается каменных осыпей, прикрытых первым снегом. Двигаться по ним нужно осторожно и используя посох.

Кроме того, после обильного дождя или во время таяния снега осыпи гораздо менее устойчивы, и человек,двигающийся по ним в этот период, подвергается большей опасности.

Обрывы и скальники

Обрывы и участки скальных обнажений выглядят чрезвычайно внушительно, но тем не менее серьёзной опасности для опытного ходока не представляют. Прежде всего потому, что он в такие места не лезет. Однако на край обрыва случайно может попасть даже и очень опытный человек. Это может произойти, когда вы спускаетесь по незнакомому склону, который состоит из нескольких скальных уступов: надо пытаться искать обходы этих уступов и спускаться по ним, только если вы можете проследить весь путь с начала и до конца.

У меня в рюкзаке всегда лежит пятнадцатиметровый шнур – он даёт возможность подстраховать около семи метров опасного спуска. За мою продолжительную полевую практику мне приходилось пользоваться им всего дважды – но оба раза были такими, что я несколько не жалею об этих лишних трёхстах граммах в моём рюкзаке.

Во всех остальных случаях я отсылаю желающих поупражняться в скалолазании к специальным источникам. Но тем не менее повторяю – настоящий ходок по скалам не лазает!

Резюмируя вышесказанное, должен подвести черту: в горах никогда и ничего не следует делать «через силу», без согласия с природой и собой. На перенапряжение человеческих сил природа ответит лишь «универсальным движением брови», но этого малейшего движения может оказаться достаточно для того, чтобы вы просто исчезли с её лица.

Кустарники разных видов

Заросли кустарника являются одним из самых значительных препятствий, с которыми приходится сталкиваться человеку, передвигающемуся в горах сибирского Севера или по холмам Приморского края.

Существует три вида кустарников, способных свести с ума любого, даже очень терпеливого путешественника. Это – ольшаник, кедровый стланик и карликовая берёзка. Все эти виды образуют сплошные, почти непроходимые заросли в верхних частях склонов, вдоль русел ручьёв, текущих по крутым увалам, на обращённых к морю горных склонах. Скорость человека в таких зарослях исчисляется сотнями метров в час. Был случай, когда один из моих знакомых преодолевал пятикилометровую полосу кедрового стланика на Охотском побережье более десяти часов.

Преодоление зарослей кедрового стланика – одно из самых серьёзных испытаний на востоке России.

Поэтому для себя я сформулировал несколько соображений по поводу взаимоотношений с зарослями кустарника на горных склонах.

Лучше сделать крюк в десять километров по каменной осыпи, чем ломиться один километр сквозь заросли кедрового или ольхового стланика.

Спускаться вниз по склону, заросшему кустарником, намного легче, нежели по нему подниматься, – кусты растут по склону вниз, поэтому вы поднимаетесь как бы «против шерсти», а спускаетесь «по шерсти».

Попав в заросли кустарника, главное не пороть горячку, пытаюсь как можно быстрее оттуда выбраться. Бредя напролом, вы теряете собственные силы и, что самое главное, душевное равновесие. Напротив, в кустарнике стоит рассчитывать буквально каждый шаг, делая его в единственно необходимом для вас направлении.

В зарослях кустарника выше вашего роста нужно постоянно ориентироваться на местности. Прежде всего – по солнцу, по направлению склона, по вершинам сопок – если вы их в состоянии разглядеть. Дело в том, что, оказавшись в высоких зарослях кедрача или ольшаника, вы попадаете в какой-то аквариум из переплетённых ветвей, стволов и листвы (хвой), куда даже солнечные лучи в ясный день пробиваются со значительным трудом.

Кедровый стланик

Кедровый стланик – удивительное растение, впервые описанное академиком П. Палласом в 1784 году как подвид кедр европейского. Почтенный академик, видимо, считал, что это какая-то кустарниковая форма кедровой сосны, угнетённая суровыми морозами и сибирскими метелями. Лишь в 1857 году ботаник Регель признает его за самостоятельное растение.

Ботаник Б. Ивашкевич рисует это растение как «полукуст-полудерево высотой до четырёх метров». Но такие гиганты встречаются только в долинах и распадках. А в верхних частях сопок, в лесотундре и на плоскогорьях преобладает убогий стелющийся кустарник. Его кусты имеют очень характерные чашеобразные очертания, то есть все стволы расходятся из одной точки. Там, где стланик не угнетают ни морозы, ни свирепые ветры, заросли достигают совершенно феноменальной густоты. Пробираясь сквозь переплетение смолистых, толщиной в человеческую руку стволов, вы можете несколько часов не касаться ногой земли, балансируя на сетке нависших над почвой ветвей. Только медвежьи тропы прорезают этот зелёный покров сопки, словно тоннели муравьёв в брошенной наземь овчине.

Заросли кедрового стланика покрывают собой около семидесяти процентов гигантской территории востока России, начиная от правобережья Лены и кончая тихоокеанским побережьем Камчатки. Они могут встречаться в виде элемента подлеска – эдакие тёмнозелёные шары в беломошном³ лиственничном бору: их тугие стволы переплетаются с ольхой и шиповником в непроходимых зарослях речных долин. Наконец, кедровый стланик образует свои собственные, ни с чем не сравнимые, практически непроходимые кустарниковые леса, которыми занято почти всё побережье Охотского моря. Леса сродни африканскому «бушу» или австралийскому «скрэбу».

Плоды кедрового стланика – шишечки, очень похожие с виду на кедровые, только по размеру раз в десять меньше, что не мешает им, право, содержать семена, по своим питательным качествам вполне сопоставимые со знаменитыми кедровыми орехами.

³ Лес с выстилкой из белого ломкого лишайника – ягеля.

Горная тайга – основной ландшафт Восточной Сибири.

Если вас всё-таки чёрт занёс в заросли этого кустарника и, не дай бог, вам предстоит пройти по нему значительное расстояние, то прежде всего надо определить направление, в котором растут основные стволы кедрача. Дело в том, что любой куст в своём росте зависит от природных условий – ориентации склона, направления ветра и т. д. Абсолютно равномерные, шарообразные кусты встречаются только на сухой равнине среди лиственничного редколесья: разреженная тайга ослабляет влияние ветра. И куст в своём росте предоставлен только сам себе и солнцу.

Ольшаник

Когда мне задают вопрос о том, что хуже для продвижения ходака – сплошные заросли кустарниковой ольхи или кедрового стланика, я не колеблясь отвечаю: «Оба хуже». Но ольшаник, в отличие от стланика, всё-таки не образует сплошных зарослей площадью в десятки километров. Поэтому, если вы попали в ольховые заросли, у вас есть довольно много шансов их быстро покинуть. Кроме того, поскольку ольха, в отличие от кедрового стланика, растение с опадающими листьями, то весной и осенью видимость в её кустах значительно лучше, чем в кедраче, что тоже облегчает движение в этих зарослях.

Заросли карликовой берёзки.

К другим положительным качествам ольшаника можно отнести то обстоятельство, что почва под его зарослями обычно относительно ровная и сухая – он не растёт на кочках. Впрочем, при движении как через кедрач или карликовую берёзку, так и по ольховому стланику надо стараться улавливать основное направление роста его ветвей – и двигаться «по шерсти».

Болотный ивняк

Болотный ивняк – основной кустарник, покрывающий обширные озёрные низменности, корявый и хлёсткий. Он растёт гораздо гуще и прихотливее, нежели ольха. Высота его зарослей колеблется от метра до двух и даже двух с половиной, и местами он образует практически древовидные заросли. Видимость в зарослях болотного ивняка определяется даже не его листвой, а частотой переплетения ветвей. Другая неприятная его черта заключается в том, что он имеет склонность расти поверх классической кочкарной тундры. Поэтому, если вам надо перемещаться по равнине, покрытой большим количеством озёр, промежутки между которыми заполнены ивняковыми зарослями, лучше воспользоваться каким-нибудь плавсредством – моторной или гребной лодкой.

Кустарниковая берёзка, или берёзка Миддендорфа

Гибкая, будто сплетённая из стальной закалённой проволоки поросль никак не напоминает по своему внешнему виду белоствольную русскую красавицу. Карликовая берёзка бывает высотой как в тридцать-сорок сантиметров, так и в полтора-два метра. Кроме того, стволы этого кустарника имеют замечательное свойство сплетаться между собой, образуя что-то вроде поставленного вертикально проволочного матраса. Помимо того что берёзка затрудняет движение путешественника, она ещё и совершенно губительна для его обуви. Кирзовые и кожаные сапоги в местности, где необходимо пересекать обширные пространства, заросшие этим растением, «живут» около месяца.

Леспедеца

Леспедеца – невысокое, максимум в рост человека, будто сплетённое из проволоки кустарниковое растение, распространённое на юге Дальнего Востока. Характер его зарослей лучше всего отражает народное название – держи-корень.

Растёт леспедеца обычно зарослями на опушках леса, по каменистым южным склонам сопок, в подлеске смешанных и лиственных лесов, чаще всего в дубняках.

Уссурийская горная тайга.

Летом во время движения через заросли леспедецы ваше основное внимание поглощает наблюдение за клещами, которые так и норовят осыпать вас с головы до ног.

Северное тундролесье

На первый взгляд северное тундролесье – едва ли не идеальное пространство для путешествий. Тундролесье, в том виде, в котором оно покрывает семьдесят процентов северо-востока Сибири, представляет собой ровную или мелкокочкарную возвышенность, с пологими увалами, переходящими в сопки. Внизу оно зарастает белым ломким оленьим лишайником – ягель. Главная древесная порода здесь – лиственница, невысокая и угнетённая.

Северное тундролесье – помесь тундры и тайги на изломанных колымских сопках.

Одно дерево от другого отстоит на десять-тридцать метров, между этими невысокими лиственницами то тут, то там беспорядочно растут одиночные кусты кедрового стланика, которые, однако, не образуют сплошных зарослей. Одной фразой можно сказать так: тундролесье – это сухая тундра, на которой зачем-то выросли деревья.

Замшелая тайга – коренной ландшафт большей части Сибири.

Таким образом, этот ландшафт удовлетворяет основным требованиям путника – он легкопроходим, ветра на нём никогда не достигают такой силы, как в настоящей тундре, и, кроме того, там много дров.

Правда, в этой бочке мёда нельзя не заметить двух ложек дёгтя. Во-первых, этот ландшафт очень пожароопасен. И кроме того, горная северная тайга – почти безжизненное пространство.

Еловые леса

Ельники традиционно считаются одними из самых неблагоприятных для продвижения видов леса. И в этом есть своя правда.

Еловые леса довольно нетребовательны к субстрату, поэтому сплошь и рядом произрастают на сырых болотистых почвах. Они обычно захламлены, их нижний ярус занят развитыми зарослями папоротника и различных мелких кустарников. Ветви елей часто склоняются низко над землёй, они жёстки и остры. При прокладке маршрутов я рекомендую избегать больших еловых массивов – они на редкость однообразны и безжизненны.

Еловые леса – темное лесье Сибири.

Когда я задал вопрос об отсутствии бурых медведей в долине реки Маккензи такому известному канадскому исследователю Севера, как Брюс Маклеллан, он ответил:

«Я не знаю другой более бедной в биологическом отношении страны, нежели тёмные еловые леса Северо-Западной Канады. Собственно говоря, поэтому туда никто никогда и не рвался».

Гари и мари

Обширные выгоревшие пространства (причём заболоченные) – вот один из наиболее характерных видов ландшафта Сибири да, впрочем, и Европейского Севера.

На самом деле они представляют собой нечто среднее между верховыми болотами и тундролесьем. Идти по ним довольно тяжело, но всё же несравнимо с передвижением по кочкарной тундре. В любом случае, прежде чем соваться на марь, я рекомендую посмотреть её в бинокль с какой-нибудь возвышенности. Такая рекогносцировка поможет вам заметить длинные старичные озёра и протоки, а также места, захламлённые буреломом, и откровенные болотины.

В глухих таёжных распадках бурелом – обычное явление.

При движении по мари я предлагаю выбирать цепь ориентиров, проходя которые вы будете точно знать, какое расстояние вы прошли и сколько вам ещё осталось преодолеть.

Буреломы

Обширные буреломы являются одним из самых неприятных препятствий по дороге через тайгу. Чаще всего они возникают там, где лес уже был перед этим ослаблен пожаром или нападением непарного шелкопряда. Особенно неприятными являются буреломы в болотистой местности – упавшие вниз стволы гниют и не дают твёрдой опоры для ступни. Буреломы сухих и горных местностей хотя бы оставляют возможность движения по лежащим горизонтально стволам деревьев, хотя карабкаться по ним обезьяной, особенно имея на плечах тяжёлый рюкзак. – задача отнюдь не лёгкая. Поэтому полосы бурелома лучше всего обходить стороной – только для этого желательно знать, где они начинаются и кончаются. А карты на этот вопрос, как правило, ответа не дают...

Гигантские упавшие деревья – серьёзное препятствие на пути странника.

«Миновал полдень, когда мы снова впряглись в нарты, но не прошли и полкилометра, как попали в бурелом. Пришлось делать обходы, лавируя между деревьями, валявшимися всюду с вывернутыми корнями. Иногда мы попадали в такую чашу, где каждый метр пути приходилось расчищать топором. А тут, как на грех, нарты стали ещё больше грузнуть в размякшем снегу, цепляться за сучья упавших деревьев и ломаться. Вытаскивая нарты, мы рвали лямки, падали сами и скоро выбились из сил. А конца бурелому не видно!

Самым разумным было – остановиться на ночёвку и произвести разведку, но поблизости не было подходящего места. Вокруг нас лежал сплошным завалом мёртвый лес, поросший пихтовой чащей. Мы продолжали медленно идти, надеясь, что вот-вот бурелом кончится, но только вечером вырвались из его плена».

Г. Федосеев. Мы идём по Восточному Саяну

Кедрачи и сосняки

Кедровые и сосновые леса – одни из самых благоприятных мест для автономного существования экспедиционных групп и путешествий для собственного удовольствия. Дело в том, что кедр и сосна – светолюбивые породы, и поэтому в зрелом или перестойном кедровом лесу или сосняке деревья располагаются на значительном расстоянии друг от друга. Кроме того, они предпочитают расти на сухих и тёплых грунтах, поэтому почва в этих лесах может быть каменистой или песчаной, но уж никак не заболоченной.

Из неприятностей, которые могут случиться с путниками в кедровом лесу и сосняках, я упомяну лишь их высокую пожароопасность. В старых кедрачах слой опавшей хвои достигает десятков сантиметров и воспламеняется, как трут. Поэтому стоянки в этих лесах разумнее всего располагать на чистых песчаных и каменистых местах и возле водоёмов.

Пойма реки Олой.

Кедровая тайга вдобавок является одним из самых привлекательных мест обитания для самых различных животных и птиц – там обычно живут кабан, медведь, рябчики, глухари. В кедрачах путешественнику всегда есть что добыть «на котёл» и пополнить запасы. Таким образом, если неподалёку от пути вашего следования располагается массив кедрача – не упускайте случая, исправьте маршрут таким образом, чтобы он проходил по участку кедровой тайги – вы, несомненно, сэкономите время в пути и поднимете настроение себе и вашим путникам!

Поймы рек

Поймы рек на всей поверхности земли являются одними из наиболее труднопроходимых участков суши. Дело в том, что минимум раз в год (а то и два или три) эти долины заливаются водой, которая переносит с места на место стволы деревьев, промывает протоки и роет ямы. Кроме того, почвы речных пойм ежегодно удобряются свежим илом, и на них в огромном количестве начинает произрастать как обильная травянистая растительность, так и всевозможные кустарники. Поэтому практически все экспедиции и туристские отряды предпочитают двигаться не вдоль самих рек, а по возвышенностям, их сопровождающим, а также по галечниковым косам или уж, на крайний случай, по звериным тропам, обычно пролегающим вдоль каждого из берегов.

С другой стороны, именно в поймах рек концентрируется вся возможная живность в наших не очень обильных северных краях. Поэтому для многодневных стоянок, или днёвок, гораздо рациональнее спускаться к речным долинам и становиться лагерем над рекой.

В любом случае, жизнь во всех своих проявлениях старается стремиться к воде. Поэтому при выборе маршрута надо привязывать его узловые точки к рекам, озёрам или морскому побережью.

Глава 13

Большие неприятности

В сложной ситуации, требующей быстрых действий, первое решение – самое верное. Хотя бы потому, что оно оставит тебе больше времени на реализацию.

Наблюдение полярных лётчиков

Иногда путешественника подстерегают по-настоящему большие неприятности, едва ли не глобального масштаба.

Конечно, они случаются в природе гораздо реже, нежели в приключенческих фильмах или романах, где порой создаётся впечатление, что герои только тем и занимаются, что скачут из огня да в полымя (как в замечательном романе Ж. Верна «Дети капитана Гранта»), но – shit happens, в общем-то...

Пожары

Пожар в лесу или в степи является одной из самых крупных неприятностей, которая может повстречать путника на тропе. Наиболее опасны верховые палы, которые двигаются, сжигая кроны деревьев, буквально со скоростью ветра. Так же быстро распространяются и степные палы.

Оказавшись на пути такого катастрофического пожара, путешественник должен быстро принять решение, например, отойти к безлесным гребням гор или в окрестности водоёмов. В крайнем случае пожар можно пересидеть непосредственно в воде. Поднимаясь на склоны гор, стоит позаботиться о запасе воды.

Пожар в степях Хасана.

Обнаружив движущийся пожар впереди по маршруту, стоит прикинуть, каким образом вы его обойдёте – или просто выждете, пока он не потухнет сам собой или не переместится.

Движение по только что выгоревшим местам тоже подарочком не назовёшь. Мало того что сам путник и всё его снаряжение оказываются вымазанными чёрной сажей, каждый шаг по грунту чреват провалом в выгоревшие пустоты, так ещё и большинство водоёмов после

большого пожара на длительное время высыхают. Поэтому недавние пожарища тоже следует обходить – если, конечно, позволяет маршрут.

Землетрясения

Землетрясение – это событие, которое, в отличие от пожара, невозможно не только предугадать, но и избежать – в том случае, когда вы встречаете его в дороге.

При этом надо заметить, что настоящую опасность для путешественника представляют катастрофические землетрясения – силой от восьми баллов. Дело в том, что находящийся на открытом воздухе, в крайнем случае спящий в палатке, человек благополучно избегает самой большой опасности при землетрясении в городе, а именно риска быть раздавленным рухнувшими перекрытиями строений. Конечно, вы можете оказаться во время землетрясения в узком каньоне или под камнепадным склоном – и тут вам тоже не позавидуешь – или упасть в трещину, которая может образоваться во время подвижек земной коры. Но помилуй бог! Для того чтобы оказаться в подобном месте во время катастрофического землетрясения, надо вытащить такой расклад, который выходит один на миллионы эдак пятьсот... Иными словами, я оцениваю ваши шансы погибнуть во время странствий от катастрофического землетрясения как одну полумиллиардную.

Главное, что жизненно необходимо вам для того, чтобы выжить во время катастрофического землетрясения, – это не потерять голову от страха.

Оползни и сели

Оползни и сели являются неизмеримо более опасными врагами странствующего человека, нежели землетрясения и извержения вулканов, – хотя бы потому, что они случаются неизмеримо чаще.

Сели – это густые потоки из грязи и камней, обрушивающиеся вниз по склонам гор, руслам горных ручьёв и речек и разрушающие на своём пути всё мешающее их движению. Они считаются одним из опаснейших стихийных бедствий.

Оползень.

Возникают сели после сильных ливней, а также при интенсивном таянии ледников и накоплений снега в горах. Таким образом, это явление, хотя его и нельзя считать чисто метеорологическим, связано с погодой. В разных районах сели могут быть вызваны самыми различными, подчас прямо противоположными по своему характеру условиями погоды: от облачной и дождливой, циклонической, до ясной, сухой и жаркой, характерной для антициклонов или термических депрессий. Сели в России наблюдаются повсеместно в горных районах, особенно там, где выпадает много осадков и нет или очень мало растительности, например в отдельных районах Кавказа, ряде районов на Дальнем Востоке.

Оценка силы землетрясения по шкалам Меркалли и Рихтера

Шкала Меркалли	Шкала Рихтера
I. Не ощущается людьми	–
II. Ощущается людьми на верхних этажах здания	2
III. Ощущается в зданиях: подвешенные предметы качаются	2,5–3
IV. Двигаются двери и окна, позванивают стёкла	3,5
V. Ощущается снаружи: появляется рябь на поверхности жидкости	4–4,5
VI. Ощущается всеми: потеря равновесия идущими людьми, разбиваются стёкла, растрескивается штукатурка, звонят колокола	5
VII. Человеку трудно устоять на ногах, ломается мебель, начинают разрушаться низкокачественные строения	5,5–6
VIII. Частичное разрушение строений, падение труб, карнизов, памятников и т. д., появление трещин в земле	6–6,5
IX. Всеобщая паника, серьёзные разрушения строений, разрыв трубопроводов под землёй, значительные трещины в земле	7
X. Разрушение большей части строений, большие оползни, колеи незначительно отклоняются	7,5–8
XI. Колеи сильно отклоняются, подземные трубопроводы выходят полностью из строя	8–8,5
XII. Почти полное разрушение строений, движение больших масс скальных пород, различные предметы летают в воздухе	9

Главным условием возникновения селей является появление завалов из камней, щебня и кусков льда или снежных плотин в горных ущельях. Они, в свою очередь, являются результатом каменных обвалов, снежных лавин или последовательной серии камнепадов. При быстром таянии ледников или снега на вершинах перед такими препятствиями накапливается вода, которая, не находя выхода, образует водохранилище, или озеро. Такие горные озёра у естественных запруд из морены – отложений твёрдых пород, мелкой щебёнки, песка, глины, крупных валунов, а также льда и снега – называют моренными озёрами. Запруды из моренного материала, подобно набухшей губке, пропитаны водой. Под напором всё прибывающей сверху талой воды они в какой-то момент внезапно «взрываются» и устремляются по склону ущелья вниз. Поток с рёвом катится вниз, вбирая в себя всё новые массы камней, грязи, срезая поверхность склонов ущелья, выкорчёвывая деревья, сдирая почву, осыпая горы. Поначалу высота потока составляет десятки метров, но, вырываясь из ущелья в долину, он растекается, высота и скорость его движения постепенно уменьшаются и наконец у какого-либо препятствия он останавливается совсем.

Вулкан в любой момент может проснуться...

Если на пути селя окажется населённый пункт, как это было в 1921 году в Алма-Ате, то последствия могут быть катастрофическими, с человеческими жертвами и огромными материальными потерями. Тогда на спящий город ночью обрушился один миллион двести тысяч кубометров принесённого селом материала.

Однако эти природные катастрофы достаточно предсказуемы и их довольно легко избежать. Для этого просто не надо путешествовать долинами быстрых рек в окрестностях ледников в период таяния снегов. В общем-то, пути обхода селевых потоков обычно показывают звериные тропы и тропы местных жителей. Ну и, естественно, прокладывать маршрут весной в высокогорье надо не по долинам рек, а по склонам и высотам.

Камнепады

Камнепады в горах представляют одну из самых крупных неприятностей, которую может себе представить человек. Недаром выражение «камни с неба падают» является синонимом чего-то совершенно ужасного, того, чего в принципе быть не может, но произошло.

Так вот, камнепад и есть в чистом виде «камни сверху».

Лабаз, подмытый наводнением.

Наиболее губительными, естественно, являются камнепады на высоких горах. Дело в том, что это явление на длинном крутом разрушенном склоне нарастает лавинообразно – срывается один кусок скалы, который на своём пути увлекает сотни других камней – и вот уже полукилометром ниже по склону несутся десятки тонн больших и малых камней и щебня.

В высокогорье такая катастрофа обычно случается в утренние часы, когда солнце разогревает снег, на котором лежат или который сцепляет каменные глыбы. Тогда достаточно совершенно незначительного сотрясения или просто изменения хода процесса таяния, чтобы какой-нибудь обломок под собственной тяжестью начал скользить вниз. Естественно, при таких условиях вероятность камнепада меньше всего в тёмное время суток, когда мороз не даёт глыбам сдвинуться с места.

Однако, как говорит В. Г. Волович⁴, и поздно вечером следует ожидать неприятностей, поскольку вода, находящаяся в трещинах скал, замерзает и, расширяясь, может сместить глыбу или отколоть её часть. Ночью камнепад иногда возникает при внезапном потеплении или дожде.

Камнепады, причём иногда очень серьёзные, могут начаться и летом, причём в довольно сухом климате и безо всяких видимых причин. Мне лично пришлось быть свидетелем грандиозного камнепада в каньоне реки Энмываам в июле 1993 года.

Каньон реки Энмываам на Чукотке никак нельзя отнести к высокогорным образованиям. Это средний каньон, имеющий высоту стенок не более ста пятидесяти метров на отдельных участках, пропиленный рекой в северной части Анадырского нагорья. Однако вследствие сурового климата Заполярья борта каньона сильно разрушились и легко осыпаются и без какого-либо воздействия.

...Я шёл вниз по реке на надувной лодке ЛАС-5. Впереди река делала два резких поворота подряд, и глазам путешественника открывалась красивая система иззубренных гребней. Был полдень, нещадно палило солнце. Неожиданно я увидел, как с одного из дальних гребней поднимается пыль. Через мгновение пылью курился весь гребень на протяжении двухсот мет-

⁴ Волович В. Г. С природой один на один. М.: Воениздат, 1989.

ров, и стало понятно, что значительная часть осыпи под ним устремляется вниз. Ещё через две секунды с места камнепада поднимался на несколько десятков метров вверх столб пыли, как дым при извержении вулкана. Мгновение спустя до меня донёлся грохот десятков тонн рухнувшей вниз породы. Лодка вздрогнула из-за того, что течение на несколько секунд замедлилось, и вода окрасилась пылью, несмотря на то, что я находился в километре вверх по течению быстрой горной реки...

Однако, несмотря на разрушительный характер этого явления, камнепады тоже довольно предсказуемые катастрофы.

Наличие внизу груд камней со свежими сколами или лежащих поверх снега обломков скал указывает на камнепадную опасность этого места и... Что делает в таком случае путешественник?

Правильно, обходит их стороной...

Лавины

Снежные лавины – ещё одна опасность, встречающаяся исключительно в горах. Как и большинство из них, они случаются на первый взгляд «вдруг», то есть для их инициации достаточно какого-нибудь крохотного, иногда не очевидного ни для кого из наблюдателей внешнего толчка. Хрестоматийными считаются случаи, когда лавины срываются от крика или выстрела.

Мне приходилось самому быть свидетелем схода лавины в Колымском нагорье в мае 1990 года. Тогда мы с охотоведом Э. Бочкиным двигались по притоку реки Ола, среди крутосклонного низкогорья, после катастрофического снегопада, пришедшегося прямо на майские праздники. Мы шли рядом на лыжах по насту и увидели сидящего впереди на лиственнице глухаря. Я попросил Эдуарда остановиться, положил ему на плечо карабин, прицелился и выстрелил. Глухарь благополучно улетел, но тут мы оба услышали свистящий странный звук, перешедший в шипение, которое наполнило всё вокруг. Целый многосотметровый снежный склон кру той сопки в полукилометре от нас пришёл в движение и за несколько секунд «стёк» вниз, образовав огромный, дымящийся снежной пылью сугроб. Высота его была не менее десяти метров – половина пятиэтажного дома. Мы застыли, покрываясь искорками снега, который заполнил весь воздух вокруг нас. Эдуард до сих пор считает, что эту лавину сорвал звук моего выстрела.

Как бы то ни было, лавины обладают совершенно невероятным разрушительным потенциалом, и не зря это слово является одним из синонимов чего-то неизмеримо мощного и неукротимого.

Ревущий поток.

Специалисты объясняют возникновение лавин следующим образом: после длительных и обильных снегопадов снег на склоне горы постепенно уплотняется, образуя так называемую доску. Температура внутри пластов постепенно повышается. В результате часть воды возгоняется и снег как бы высыхает. Этому способствует сильный ветер, который словно высасывает воздух из сугробов. Кристаллики снега укрупняются, уплотняются, превращаясь в зёрна, образуя мощный, очень тяжёлый пласт, в толще которого резко повышается давление. В то же время самые глубокие слои разрыхляются, и эта прослойка становится как бы смазкой между «свежей доской» и старым плотным основанием.

Такая многосоттонная снежная «доска», находящаяся на скользком неподвижном основании, при повышении температуры только и ждёт малейшей причины для того, чтобы сдвинуться с места. Лавины срываются вниз по самым незначительным поводам и с совершенно безумной скоростью – от ста двадцати до двухсот километров в час, а иногда и быстрее. Хрестоматийным является пример с лавиной в ущелье Терскол на Северном Кавказе, которая снесла двухсот летний лес на площади в несколько сот квадратных километров. Ударная мощь большой лавины составляет около ста тонн на квадратный метр.

Следует остерегаться лавин, если крутизна склона превышает двадцать градусов и он лишён растительности, естественных поднятий, валунов и крупных скал, которые могут задерживать ход лавины.

Весной и летом наиболее опасными в лавинном отношении считаются часы с десяти утра до захода солнца. Хотя лично я неоднократно слышал и про ночные сходы лавин.

Естественно, я рекомендую преодолевать лавиноопасные склоны, попросту обходя их стороной. Это вполне реально, если вы работаете не в горах Южной Сибири, Средней Азии или Кавказа, а в низкогорье Восточной Сибири. Там можно обойти стороной практически любой сомнительный участок.

Цунами

Цунами – катастрофа ещё более редкая, чем землетрясение, тем более что она локализована только на очень ограниченном участке российского побережья – в южной части Японского моря, на океанском берегу Сахалина и на Курильских островах. Помнить о её возможности надлежит всем путешествующим в этих местах, однако избежать этой напасти довольно легко – просто надо устанавливать лагерь за пределами воздействия потенциального подъёма волны (который, к слову сказать, на российских берегах не так-то и велик – не более пяти метров) и внимательно следить за линией морского берега, проходя по его кромке. Дело в том, что цунами отнюдь не обрушивается на берег неожиданно – приходу волны предшествует мощный отлив воды от берега, и за этот период вполне можно успеть покинуть опасную зону.

Конечно, путешественнику можно провести всю свою жизнь в пустыне и джунглях и никогда не встретить «на тропе» ни землетрясения, ни цунами, ни торнадо или тайфуна. Но это не значит, что ему не надо быть готовым к отражению любых возможных неприятностей в каждую секунду пути.

Часть II

Вещмешок и груз. Снаряжение

Глава 14

Вещмешок

Рюкзак – всему голова

Для путешественника, особенно для человека, странствующего пешком, предельно важен не только его груз, но и то, как и во что этот груз упакован. Самым же распространённым средством переноса груза для странствующего люда является заплечный мешок – он же рюкзак. И от того, какой у вас будет этот самый рюкзак, зависит и ваше физическое состояние, и настроение на маршруте, и вообще всё ваше путешествие. В принципе я лично только к двум предметам снаряжения отношусь так же трогательно, как к рюкзаку: к палатке и к спальному мешку.

В первых же словах этой главы я сразу указываю на то, что рюкзак прежде всего подбирается в зависимости как от характера маршрута, так и от имеющегося или подбираемого под маршрут снаряжения. Я не берусь давать рекомендации по объёму и качеству рюкзаков для всего многообразия типов путешествий по нашей стране, но хочу сразу сказать: прежде чем покупать рюкзак, задумайтесь на секунду – может быть, вы обойдётесь сумкой?

Одно из основных качеств рюкзака, на которое я рекомендую обратить самое пристальное внимание, – это его вес. Современные конструкторы рюкзаков всё больше и больше совершенствуют этот простой когда-то предмет, и он становится сложнее, удобнее, но и, к сожалению, тяжелее. При этом надо помнить, что требования к рюкзаку, в который вы упаковываете снаряжение, передвигаясь от кемпинга к кемпингу, будут несколько иными, чем к мешку, с которым вам предстоит пройти двести километров автономного маршрута по северо-восточной Якутии.

Кроме того, надо помнить, что рюкзак – это не только ёмкость для переноса тяжестей, но ещё и модуль вашего лагерного оборудования, деталь ночлега, подстилка, наконец.

И я рекомендую учесть всё это при приобретении рюкзака, которому вы собираетесь вверить на длительное время ваше имущество. Ведь на маршруте рюкзак – всему голова.

Первые мешки

Считается, что первые рюкзаки, то есть мешки с пришитыми клапаном и лямками, начали появляться только в самом начале XX столетия. С непривычки их даже так и писали в русской путешественнической литературе – rucksack (дословно – спинной мешок). Якобы до того граждане вполне обходились заплечным мешком, у которого свободная, пришитая к днищу верёвка с помощью узла захлёстывалась вокруг горловины, образуя лямки. Люди постарше хорошо помнят этот предмет, именуемый сидором.

Однако рюкзак – отнюдь не немецкое изобретение. В лесной полосе России испокон веков существовали плетёные из лыка наспинные сумки – «крошни» («крошны»),

«Ребята очень заинтересовались плетёным из лыка предметом, который хозяин назвал крошнями. В крошни он положил топор, мешочек с хлебом, рукавицы и тёплые чулки, после чего, закрыв подвижные половинки, завязал тесёмкой и надел это подобие рюкзака на плечи. Плетёный из лыка рюкзак – какая старина! Крошни в глазах мальчиков воскрешали охотничье снаряжение давно минувших времён, когда не были известны ружья, когда оленей били копьями, а бобры строили свои плотины на всех лесных речках».

А. Формозов. Среди природы

Эти крошни, как можно судить по сделанному автором рисунку, представляли собой раму, которой служила изогнутая ивовая ветка. Рама эта заплеталась лыком, к ней приспособлялось дно, а снаружи этот «проторюкзак» закрывался двумя плетёными дверцами.

Рюкзаки старого образца.

Подробное описание изготовления «крошен» («крошней») более современного образца оставил нам и С. Обручев в «Справочнике путешественника и краеведа».

«При отсутствии рюкзака груз можно носить на крошнях („понята", „рогульки") – твёрдых или гибких станках с лямками. Они могут быть сделаны:

- в виде двух дуг из свежих черёмуховых, берёзовых или рябиновых веток, толщиной от 1,5 до 3,5 см, соединённых под прямым углом. Высота крошен от 65 до 80 см, ширина – 45–55 см.

Верхняя высокая дуга обтягивается материей или берестой и лежит на спине, нижняя выступает сзади в виде полочки для груза. Края бересты или материи загибаются вокруг дуги и пришиваются шпагатом; лямка – ремень шириной 5–7 см – прикрепляется серединой к изгибу большой дуги, а на концах делается несколько дыр или петель, которые надеваются на выступающие вниз концы большой дуги. Материя и береста натягиваются со стороны спины. Нижняя дуга прикрепляется к большой любым способом. В бересте вдоль ветвей большой дуги делают несколько круглых дырок, через которые проходит верёвка для привёртывания груза. Для изгибания веток места сгиба нагревают у огня и гнут ветку вокруг бревна;

- из двух длинных и узких рогулек, одна из которых кладётся на спину развилком вниз, на неё помещается груз и затем вторая рогулька; сверху рогульки скрепляются одной верёвкой (ремнём), внизу двумя. Верёвки эти придерживают груз. Лямки прикрепляются к трём концам первой рогульки...

Груз на всех крошнях несут в мешке, ящике или корзинке, плотно привязанных к станку. Груз может быть прикрыт от дождя куском клеёнки или пропитанной материи».

С. Обручев. Справочник путешественника и краеведа

Кроме этих разнообразных вариантов, в которых мы легко угадываем прообраз рюкзака с внутренней рамой, существует ещё большое семейство сибирских «поняг», которые представляют собой жёсткое основание для переноски мешка, к которому крепятся топор и пила, иногда – двуручная. «Понягу» делали просто: брали обпиленный кусок фанеры и прикрепляли к нему лямки, а иногда она представляла собой довольно сложный каркас из веток. Интересно, что сибирские промысловики каркасные рюкзаки сразу начали называть «понягами». Зачастую они их легко и просто совершенствовали – снимали с рамы фабричный мешок и навешивали на него обычный брезентовый, с завязывающейся горловиной.

Дальневосточные народности – удэгейцы и нанайцы использовали вместо «поняги» так называемую сину – в отличие от «поняги» основой её выступала рогулина из крепкого дерева, а мешок навешивался уже на неё.

Солдатские ранцы

После войны в СССР появилось большое количество трофейных солдатских ранцев. Многие из них, такие как ранцы финских егерей, были вполне приемлемы для дальних походов и хорошо послужили многочисленному бродящему люду. И сейчас нет-нет да и отыщется такой раритет то ли в кладовке, то ли в чулане. Кроме того, магазины подержанного армейского снаряжения сегодня продают много таких ранцев-рюкзаков шведского и швейцарского производства.

В принципе основных недостатков у солдатских ранцев было всего два. Первый – традиционно малый объём. Ранцев ёмкостью более 60 литров я, пожалуй, даже и не встречал. Второй недостаток присущ всем без исключения армейским рюкзакам вообще. Это большой собственный вес. С другой стороны, армейские ранцы и армейские рюкзаки очень рационально спроектированы по форме. На них совсем немного всяких выступающих частей, петелек и завязок, которые имеют пренеприятнейшее свойство цепляться за ветки.

Рюкзаки и кустарники

Мелкий дубняк, леспедеца, орешник, ольховый и кедровый стланики – это кусты, которые во многом определяют тип вашего снаряжения. Поэтому, выбирая рюкзак для лесной зоны,

рекомендую подумать: а) насколько выдержит натиск ветвей сама ткань и б) за что эти ветки могут на нём зацепиться. Очень грешат против кустарника мягкие тонкие капроны. В то же время плащ-палаточная ткань, авизент, брезент и кордура весьма «кустоустойчивы».

Старайтесь избегать так называемых модульных конструкций, когда на рюкзак навешиваются всякие сумочки, карманчики, бутылки, мешочки и рюкзаки поменьше.

Всякие висящие на лямочках карманы и чехлы представляют собой очень лёгкую добычу для кустарника.

«Обычные» рюкзаки

Разговор о рюкзаках мы начнём со старых плащ-палаточных и парусиновых мешков с затягивающейся горловиной, с клапаном и пришитыми к спине лямками на пряжках. Прошу любить и жаловать – старый rucksack, рюкзак в чистом виде, рюкзак геолога, среднего туриста и охотника. А ещё в нём картошку с дачи возят...

Несмотря на свой устаревший и не очень презентабельный вид, этот «ветеран» ещё хорошо послужит: он – лёгкий, быстро сохнет и при правильной загрузке вполне удобен на маршруте. В конце концов, именно с такими рюкзаками была проведена вся полевая геологическая и геодезическая съёмка бывшего Советского Союза – одной шестой части земной суши! Только за это одно старик достоин уважения.

Самый обыкновенный рюкзак.

Рюкзаки со шнуровкой, которые считались высшим шиком бродячей братии в семидесятых-восемидесятых годах, очень удобны и лучше держат форму, чем обычные рюкзаки, пошитые «мешком».

Размер рюкзака, безусловно, очень важен, но прежде всего надо помнить, для каких целей вы его подбираете. Его объём традиционно измеряется в литрах: на короткий маршрут (два-три дня) обычно предпочитают рюкзаки ёмкостью не более семидесяти литров, для более длительных походов, как правило, используются мешки побольше (около девяноста литров).

Выбирая рюкзак старого образца, следует обращать внимание на лямки и застёжки. Часто в рюкзаках классического типа обе лямки цеплялись на одно кольцо, что было не вполне удобно. Застёжки с убогими металлическими пряжками держат плохо, часто расстёгиваются, к тому же постоянно брякают, а это отвлекает внимание и раздражает. Лучше, конечно, капроновые лямочки, затягивающиеся на два кольца, но на таком типе рюкзаков это редкость.

Рюкзак-тяжеловоз.

В классических рюкзаках последних двадцати лет было принято делать дно из дерматина – дещать, не промокает. Но этот самый дерматин легко трескается и ломается, особенно на морозе. Потому предпочтительнее выбрать рюкзак с двуслойным дном: дерматин плюс плащ-палаточная ткань, при необходимости это можно сделать и самому.

Каркасные рюкзаки

Рюкзаки на каркасе в виде жёсткой рамы с закреплённой на ней подвеской и подвязанным мешком очень практичны и приспособлены для переноски тяжестей, особенно различного негабаритного груза. В мешок укладываются всякие мягкие и требующие бережного отношения вещи, а на сам рюкзак навешиваются разнообразные стойки, палки, тюки и увязки. Если необходимо – мешок с каркаса можно снять, а сам каркас использовать для переноски больших кусков мяса, лосиных ног, упакованных в тюки шкур, а также трофейных рогов.

Кстати, в местах, где обширных кустов нет или их очень мало, как, например, в среднеазиатских горах или чукотской тундре, станковый рюкзак поистине незаменим. Также это относится к местам, где ваш путь всё время проходит по хорошо протоптанным тропам (человеческим) и лесовозным и конным дорогам.

С другой стороны, при обилии на маршруте стланика пользоваться станковым рюкзаком, несмотря на все остальные превосходные характеристики последнего, почти невозможно. (Кстати, о станковых рюкзаках – ко всему прочему, они ещё и не сочетаются с оружием – царапают приклад и гремят о металлические детали. У американцев есть специальное приспособ-

ление – кронштейн, с помощью которого винтовка намертво крепится сбоку от станка, но – опять же – на радость цепким ветвям деревьев и кустарников. Кроме того, вынесенный вбок довольно значительный груз – около четырёх килограммов – требует специальных усилий по его уравниванию.)

Анатомические рюкзаки с внутренней рамой и мягкой подвеской

Рюкзаки с внутренней рамой и мягкой спинкой сегодня пользуются наибольшей популярностью среди путешественников. Это сложные, комплексные конструкции, изготовленные из самых современных материалов, над их несущими качествами и внешним видом работают специально обученные конструкторы и дизайнеры. Анатомическая конструкция включает в себя грузовой пояс, спинные опоры и профилированные лямки. По сравнению со стариком «геологическим» и с каркасным «Ермаком» такой рюкзак выглядит, словно гоночный болид «Формулы-1» рядом с «Жигулями» шестой модели. Моделей их несть числа, к их достоинствам мы относим и способность держать форму при небрежной загрузке (хотя никакая мягкая спинка и внутренний станок не исправят неграмотной центровки – но об этом позже).

Маршрутный рюкзак средних размеров.

Грузовой пояс – сегодня практически обязательная деталь анатомического рюкзака, которая перераспределяет вес груза вдоль тела.

«Хороший пояс позволяет перенести на бёдра до половины веса вещмешка, частично разгружая плечо и позвоночник. Он также позволяет опустить точку крепления лямок примерно до уровня середины лопатки, при этом самая широкая часть лямки будет более эффективно распределять груз по плечу. Кроме того, пояс чётко фиксирует рюкзак на спине, не давая ему раскачиваться, что очень важно, особенно на сложном рельефе. Всё это вместе даёт возможность либо резко увеличить объём рюкзака, увеличив его высоту, либо при том же объёме сделать его более плоским и приблизить центр тяжести к спине. ТОЛЬКО наличие эффективно работающего грузового пояса позволяет получить современный узкий высокий рюкзак!»

Е. Авласович, конструктор рюкзаков

Пояс особенно хорошо помогает при спусках по крутым склонам, и он же позволяет мгновенно сбросить мешок на землю – манёвр отнюдь не редкий во время охоты или на сложных маршрутах.

При выборе рюкзака рекомендуется обращать особое внимание на спинные опоры – они должны быть изготовлены из материалов, отводящих влагу от одежды, – именно этими местами анатомический рюкзак соприкасается с вашим телом, и эти опоры очень быстро промокают от пота.

Ещё я предпочитаю анатомические рюкзаки с широкой мягкой спинкой – тогда их можно использовать в качестве сиденья и подстилки во время привала. Тут, правда, надо помнить, что алюминиевые полосы, вставленные в спинку для поддержания формы, – так называемые латы – легко гнутся: посидев на таком рюкзаке, вам придётся выправлять ему спинку.

К тому же – и это самое главное – такой рюкзак можно сделать предельно гладкой формы, так что он будет по минимуму цепляться за кусты.

Но по большому счёту все конструкторские ухищрения, используемые при изготовлении современных рюкзаков стиля «хай-тек», направлены на одно: сделать рюкзак таким, чтобы любой недоумок мог насыпать в него снаряжение, совершенно не задумываясь об укладке.

Отечественное или импортное?

Сегодня в магазинах мы видим огромное количество рюкзаков мелкосерийного изготовления, выпускаемых кустарными мастерскими и цехами Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга и пр. Они привлекательно выглядят и в большинстве своём копируют известные зарубежные образцы.

Тем не менее как-то раз у меня была возможность сравнить рюкзак безымянной тайваньской фирмы с петербургским рюкзаком под названием «Чегет-элит». Рюкзаки были практически идентичны – ёмкостью по семьдесят литров, предельно гладкой формы, с мягкой спинкой, внутренней рамой, поясом, тремя карманами. Тот «Чегет-элит» прошёл по относительно неплохой дороге сто восемьдесят километров, после чего равномерно расплозся по швам. К тому же в нём была нарушена центровка (внутренний каркас не был вшит ровно), но не настолько, чтобы это можно было легко заметить при покупке; кривизна сразу давала о себе знать, стоило загрузить туда хотя бы пятнадцать килограммов.

И, что характерно для подавляющего большинства российских рюкзаков, концы швов на них не заделываются, и после минимальных нагрузок такой мешок имел вышеупомянутое свойство распадаться на части.

Второй же рюкзак, неизвестной тайваньской фирмы, купленный в США за семьдесят долларов, прошёл то же расстояние и ещё, вероятно, десять раз по столько в самых неблагоприятных условиях.

Ниже мы ещё вернёмся к этим двум рюкзакам.

Карманы

Карманов на дельном рюкзаке должно быть относительно немного – в принципе хватает трёх на самом мешке и одного – в верхнем клапане. Лично мне нравится система с двумя обширными карманами по бокам и одним совсем большим – на спине рюкзака. Традиционно по боковым карманам распихивают ту мелочь (и не совсем мелочь), которой путешественник часто и регулярно пользуется, как-то: фотоаппарат, кружка, котелок, расходные продукты, используемые на привалах, спички, фонарик, плащ-пончо, запасные носки в водонепроницаемой упаковке, верёвочки-растяжки, мини-спиннинг и многое другое. Спинной карман в моём рюкзаке соответствует по размерам полутораместной палатке. Там же я ношу обычно сырое мясо для готовки. Вообще, так же как и при выборе конструкции самого мешка, мне представляется рациональным отдавать предпочтение небольшому количеству обширных ёмкостей, чем большому количеству маленьких.

Карман в поясе.

Более того, я даже рискну сказать, что единый большой мешок гораздо прочнее и удобнее системы сшитых друг с другом ёмкостей, которые представляют собой почти все современные рюкзаки.

Недавно я столкнулся с интересной схемой размещения карманов внутри грузового пояса. Идея сама мне очень понравилась (по крайней мере, внутри пояса они никому не мешают), но вот что положить туда – я так и не придумал.

На что стоит обращать внимание при выборе рюкзака?

Как это ни банально звучит, я сразу ориентируюсь на цену и бренд, то есть на компанию-изготовителя. Нет, это совсем не значит, что хорошие вещи не могут стоить дешево – но это будет касаться, прежде всего, или подержанного армейского снаряжения, или изделий начинающих мастеров-штучников, которые не могут держать высокие цены и вынуждены набивать себе имя, поддерживая достаточно высокое качество изделий⁵. Но в целом изделия известных зарубежных производителей обычно отличает добротная подгонка деталей, качественные материалы и грамотный баланс при загрузке.

⁵ К сожалению, первичный этап наработки имени с высоким качеством и низкими ценами занимает у таких мастеров всего года примерно четыре. Затем цены производитель поднимает, а качество его изделий, в подавляющем большинстве случаев, – падает.

При выборе рюкзака обратите внимание на такую чрезвычайно полезную деталь, как дождевая накидка из капрона: она предохраняет содержимое рюкзака не только от дождя, но и от тонкой дорожной пыли, которая проникает через малейшие отверстия и оседает на личных вещах внутри мешка.

Ткань рюкзака – один из самых важных факторов, которые влияют практически на все качества вашего «походного спутника» – вес, прочность, долговечность. На сегодняшний день лучшим материалом для рюкзаков, рассчитанных на длительные и тяжёлые переходы, считается кордура. (Следует заметить, что значительная часть материалов, именуемых «кордурой» и поступающих в Россию, кор душой не является.) Есть несколько способов отличить кор дуру настоящую от поддельной: во-первых, лёгкий ворс поверх ткани; во-вторых, волокнистая структура, которую всегда можно разглядеть на внутренней поверхности ткани, пропитанной водостойкими составами. Ткани, выполненные «под кордуру», коим несть числа, имеют обычно внутреннюю поверхность, на первый взгляд будто залитую какой-то плёнкой. Эта «какая-то» плёнка имеет свойство ломаться на самом минимальном холоде (даже не на морозе), и вообще, эти «эрзац-кордуры» предназначены изначально для школьных типов рюкзаков. Кроме того, кордура не намокает на поверхности – капли воды с неё скатываются или лежат шариками, поэтому отличить её от остальных тканей можно, попросту побрызгав водичкой. В то же время у «эрзац-вариантов» намокает тканый слой, а дальше этому препятствует пресловутая плёнка-заливка.

Но тем не менее кордура – материал хотя и прочный, но достаточно тяжёлый. Поэтому, если у вас впереди очень долгий переход и всё снаряжение предстоит нести с собой, не полагаясь ни на какую поддержку со стороны, я бы посоветовал простые рюкзаки, пошитые из авиазента.

Очень важной деталью рюкзака является верхний клапан. На подавляющем большинстве моделей большого объёма он делается полностью съёмным и крепится к основному мешку на лямках, регулируемых пряжками.

С моей точки зрения, более предпочтительным является вариант, когда клапан тыльной стороной пришит к мешку – это упрочняет конструкцию. Так как на верхний клапан во время движения по лесу и кустам постоянно сыплется мусор и капает роса с ветвей, то желательно, чтобы он был непромокаемым. Тем более что зачастую путешественник носит в нём фотоаппарат и записную книжку – если позволяет его объём.

Тут я должен заметить, что для путешествий в принципе не годятся рюкзаки, закрывающиеся сверху на молнию. Как бы то ни было, молния – самая уязвимая деталь рюкзака, и доверять ей целостность содержимого основного мешка явно не стоит. Сверху рюкзак должен заканчиваться мягкой затягивающейся горловиной с клапаном, прикрывающим её полностью.

Верхний клапан должен пристёгиваться к мешку двумя регулируемыми пряжками. Собственно говоря, ленты, которые притягивают клапан к основному мешку, обычно пришиты к дну и составляют одну из значительных деталей конструкции рюкзака в полностью собранном виде.

Что касается фурнитуры рюкзаков, то здесь соперничество может быть лишь между высококачественным зарубежным пластиком и металлом. Считается, что полиамидные пряжки при температуре ниже -15 °С теряют прочность и становятся хрупкими, то же самое происходит через месяц их пребывания под ультрафиолетовым излучением на больших высотах. Ну а железо – оно просто ржавеет, а так – целёхонько. Лично я предпочитаю железо...

Сам мешок должен быть единым, то есть перегородки в нём могут присутствовать, но открываться и закрываться они должны по вашему желанию.

Хорошо, если у рюкзака имеется нижний изолированный отсек, отделяющийся от основного мешка непромокаемой горловиной или перегородкой на шнуровке или на молнии.

Некоторые профессионалы считают отдельный вход в нижний отсек ненужной деталью. Я с этим не согласен. Во-первых, набивать рюкзак удобно по частям – и начинать именно с плотно зашнурованного (то есть изолированного от основного объёма) нижнего отсека. Это даёт возможность более плотно уложить снаряжение.

Так как наиболее распространёнными сегодня являются рюкзаки с внутренним, то есть «вшитым» каркасом, надо обращать очень тщательное внимание на его симметричность. К сожалению, погрешности в симметрии каркаса не всегда можно обнаружить в магазине, зачастую они всплывают лишь после нескольких километров пути под грузом. Я не рекомендую доверять рюкзакам с так называемой плавающей подвеской, или «американкой». Эта система характеризуется «точечным» креплением всей ляточной конструкции – она садится на две большие прочные липучки. Ну и соответственно это значит, что во время путешествия вы будете полностью зависеть от этих двух липучек, на которые прикреплён солидно загруженный мешок.

При осмотре сложной конструкции, которую сегодня принято называть «спинкой» рюкзака, я стараюсь обращать внимание на опорные валики для плеч и крестца – они должны быть сделаны из вспененной пластмассы (типа пенополиуретана), а не из поролона – и на узел крепления лямок. Сами лямки (точнее, их форма), с моей точки зрения, не столь принципиальны, чтобы посчитать тот или иной рюкзак удачной или неудачной моделью. Но! Самая лучшая система крепления лямок – это лямки, пришитые по всей ширине к поперечной полосе строительной ткани. Почему-то я уже давно не встречаю этой системы среди рюкзаков, находящихся в продаже, поэтому скрепя сердце вынужден рекомендовать самый распространённый на сегодняшний день узел, когда верхние концы лямок скреплены между собой и регулируются по высоте на специальном элементе каркаса или скользят по «латам».

Самодельный рюкзак российского образца.

Очень важной деталью рюкзака путешественника являются застёжки-молнии. Ну, излишне говорить, что молнии должны хорошо и плавно застёгиваться и расстёгиваться, не иметь перекосов (в таких местах они просто неминуемо разойдутся), зацепы должны быть ни чрезмерно крупными, ни чересчур мелкими. Кроме того, для молнии, так же как и для рюкзака, важен бренд – фирма-производитель. Естественно, в цехах Хэйлунцзяна и Дзилина китайские мастеровые способны проставить на молниях практически любую маркировку, но старое привычное обозначение «УКК» всё-таки успокаивает.

Все молнии должны быть в обязательном порядке прикрыты складками рюкзачной ткани – для защиты от воды и влаги.

По большому счёту рюкзак, спроектированный для настоящего экстрима, молний не должен иметь вообще – все крепления на нём должны быть или лямочные, или затяжные. Ну и пряжки железные, естественно.

Как на старом «Алтае»...

Рюкзаки и оружие

Путешественник на востоке России обычно вооружён. Он или добывает пищу в пути, или опасается нападения хищного зверя – чаще всего медведя.

Тяжело нагруженный рюкзак и оружие – вещи совместимые. Но не очень. Должен сказать, что ничто так не раздражает путешественника на маршруте, как висящий на плече или на шее карабин вкупе с двадцатипятикилограммовым рюкзаком за плечами. Я уже упоминал, что практически несовместим с оружием рюкзак, имеющий внешний жёсткий каркас. На рюкзаки анатомического типа можно пришить две лямки с липучками, которые будут удерживать ваше ружьё на одном из боков вашего вещмешка. Но! Во-первых, эта система подвески оружия не очень надёжна – особенно в кустах. Во-вторых, в любом случае по-ковбойски мгновенно выхватить «пушку» из подвески ЛЮБОЙ системы практически не получается. Должен сказать, я с некоторым злорадством отметил тот факт, что решить проблему «рюкзак и оружие» не получилось и у зарубежных конструкторов армейского снаряжения. Конечно, существует система всё тех же липучек, удерживающих оружие на груди, принятая в бундесвере для пистолета-пулемёта Н&К МР-5, но то пистолет-пулемёт, а не, скажем, СКС или карабин Мосина, которые будут торчать по тридцать сантиметров от груди в каждую сторону.

Строение спинки рюкзака с внутренним каркасом.

В конечном счёте я пришёл к выводу, что если вы не двигаетесь по ну уж о-очень медвежьим местам и не провожаете голодным взглядом каждого взлетевшего рябчика, то лучшее место для ружья – в рюкзаке. Причём это место там ещё нужно найти. Охоту оставить лучше для привалов и днёвок.

А коли без ружья не ступить и шагу – как, например, на Охотском побережье или Камчатке, – то уж не взыщите – носите его на плече.

Но идею найти быструю и удобную подвеску для оружия прямо на рюкзаке я так и не оставил. Кто придумает – с меня причитается...

Лучшие рюкзаки

Несколько слов мне бы хотелось сказать о «рюкзаках мечты» – импортных высококачественных мешках за триста долларов и выше. Лучший из рюкзаков, какой мне приходилось видеть, имел торговую марку «Скопа» (Osprey), был он объёмом около девяноста литров при шести «зализанных» карманах и на прекрасно сбалансированной подвеске. Имел он, естественно, внутреннюю раму.

Ткань – кордура, несколько расстёгивающихся внутренних перегородок. Нижний отсек – непромокаемый, и не в теории, а реально. ибо застёгивался он на непромокаемую специальную молнию, выдерживающую не только дождь, но и погружение под воду на десять метров. Таким же выполнен и один из внешних карманов – для карт и документов.

Другой «рюкзак мечты» – это LoweAlpine Pro и его военные аналоги: рюкзак лёгкого пехотинца США и рюкзак команды «котиков». Ни одно из отечественных изделий пока поставить рядом с ними просто нельзя.

Личные предпочтения

Естественно, говоря о снаряжении, я не буду скрывать существование некоторых личных предпочтений. Предпочтение для небольших (не более пяти дней) маршрутов и охоты, там, где не надо таскать очень большие тяжести (или где после добычи зверя всё равно приходится делать несколько ходок), я отдаю семидесятилитровому рюкзаку из кордуры с внутренним анатомическим каркасом. В случае если итогом моего выхода в тайгу или тундру может явиться необходимость таскать мясо или шкуру, а сам выход намечается на короткое время, я беру швейцарский горный ранец. А для длительных горных походов мне больше всего нравится альпинистский рюкзак «Алтай». Однако он лишён мягкой спинки и внутренней рамы, поэтому укладывать его надо особо тщательно.

И это дело, то бишь укладка, и есть то самое главное, что определяет удобство пользования рюкзаком. Но это уже совсем другая история.

Напоследок я расскажу о нескольких рюкзаках, с которыми мне приходилось путешествовать последние пятнадцать лет.

Армейский рюкзак лёгкой пехоты США

«Есть на свете городок, плоский как блин.
И называется он, конечно, „Вершины"».

Эта цитата из О. Генри мне вспоминалась всегда, когда я приезжал в Фэрбенкс – небольшой городок на Аляске, половину населения которого составляют студенты. Рядом с этим плоским как блин городишком располагается военная база, которая, как ни странно, называется «Северный Полюс». На этой базе квартирует дивизия лёгкой пехоты США.

Армейский рюкзак США.

Так как лёгкие пехотинцы, по идее, должны быть готовы действовать в любых условиях – от Арктики до тропиков, где-то раз в полгода у них происходит ротация личного состава – половина его улетает продолжать тренировки в Нью-Мексико.

Эта ротация сопровождается огромными распродажами армейского имущества.

Причём в неё попадают не только подержанные шмотки, но и вполне полноценные вещи даже не за полцены, а где-то процентов за десять-двадцать.

Поэтому я не очень удивился, увидев кучу рюкзаков GI Combat Pack в фабричной упаковке по пятьдесят восемь долларов каждый.

Должен сказать, что уже с полгода я поглядывал на эти рюкзаки как в каталогах US Cavalry, так и в магазинах. Рюкзак мне очень нравился общей своей продуманностью, крепостью узлов, соединений, железными пряжками и могучими молниями. Два обстоятельства портили это общее впечатление. Это были его цена – триста пятьдесят долларов в розницу и вес – четыре килограмма «всухую».

Подвеска американского армейского рюкзака.

Но встретив его за пятьдесят восемь баксов, я сомневался недолго.

Самой сильной стороной этого рюкзака было то, что он как-то исключительно удачно распределял груз по всему торсу. В очередной раз я подивился, как американцы хорошо конструируют своё армейское снаряжение – в первый раз я столкнулся с этим, имея дело с НАТОвской униформой.

Этот рюкзак был сделан с внутренним каркасом и свободной подвеской. Но, в отличие от подавляющего большинства «американок», внутренняя подвеска здесь крепилась на два шестимиллиметровых болта, фиксировавших верхний узел, за который крепились лямки, в алюминиевом полозе. Узел этот сам по себе тоже был выполнен из металла. Двигая этот узел вверх и вниз, вы можете подгонять подвеску рюкзака по своему росту. Но, естественно, такое крепление возможно только в конструкции, где на вес вы не обращаете никакого внимания.

Нижний отсек был сделан из самого «дубового» брезента, сбоку располагались три кармана общим объёмом около пятнадцати литров, лямки для крепления снегоступов и оружия, в качестве второго клапана присутствовал разгрузочный ранец с тремя отделениями общей ёмкостью тоже литров двадцать. Объём самого мешка без тубуса был обозначен как девяносто литров.

Этот рюкзак у меня во время трофейных охот отпахал и в хвост и в гриву. Таскал я в нём и мясо, и шкуры добытых клиентами зверей. Самым большим подвигом для него стала моя попытка засунуть туда полностью разделанного самца снежного барана, со шкурой и головой с рогами – где-то около пятидесяти пяти килограммов.

В тот момент я особенно почувствовал, что не хочу быть американским лёгким пехотинцем – с его объявленной походной выкладкой в шестьдесят кило!

Однако в какой-то момент я начал ощущать, что этот рюкзак провоцирует меня на поступки сомнительные, если даже не сказать – нехорошие.

Я понял, что начинаю брать с собой лишние вещи. Ну ладно, жестяная кружка у меня постепенно заменилась керамической – пить из неё всё же приятнее: в дополнение к котелку

прочно прописался чайник: в придачу к суконной куртке неизменно подкладывался свитер: возникли запасные штаны и лишняя пара носков. Но добил меня носимый запас продуктов!

В тот момент, когда я с унынием поставил себе диагноз – «рюкзачная болезнь, первая стадия», – я как раз оценил свой комплект питания (традиционно укладываемый на пять дней).

Он увеличился более чем в два раза!

И я снова вернулся к семидесятилитровому рюкзаку – он был легче, удобнее и не провоцировал на излишества.

Швейцарский армейский ранец

Эти ранцы появились у нас вместе с небогатыми охотниками-спортсменами из Прибалтики и стран Восточной Европы в середине девяностых годов. На фоне ярких и аляповатых туристских рюкзаков они смотрелись как полевая десантная рота после тренировок, случайно затесавшаяся в кремлёвский полк. Сделаны были они из странной клеёночато́й ткани, более всего напоминавшей толстый кордовый капрон с двусторонним ПВХ-покрытием (так называемую ткань «Совтранс-авто»), пряжки на них были выполнены сплошь из оцинкованного металла, дно и ляжки пошиты из толстенной бычьей кожи. Каркас у них был внутренний, с широкой кожаной перекладной, которая опиралась на поясницу. Тонкого капрона на этих рюкзаках не было вообще! Сразу же пошли слухи, что это немецкие егерские рюкзаки, оставшиеся ещё чуть ли не с 1942 года на складах вермахта. Это оказалось не так. Ранцы эти являлись швейцарскими армейскими и продавались как излишки военного снаряжения.

Первое впечатление, которое посещало человека, бравшего такой рюкзак в руки первый раз, – это «ну и тяжесть!»

Однако, надев этот ранец на спину, вы понимали, что это чертовски удобный модуль для переноски тяжёлого груза, причём конструкция его такова, что, несмотря на практическое отсутствие наружных петель и крючков, его очень легко обвешать всяким нетяжёлым снаряжением – курткой, одеялом, ковриком. При этом для него практически не существовало проблемы центровки – несмотря на отсутствие пояса, он фиксировался на спине в одном и том же положении при практически любой разумной загрузке.

Словом, ранец этот прижился у меня как рюкзак для выхода на один-три дня и мешок для переноски мяса и шкур. Одним из главных его качеств была полнейшая герметичность. Он позволял забрать с собой минимальное лагерное снаряжение – спальный мешок, тент, куртку, минимум продуктов и костровой набор, а всё, что удавалось добыть, – грязное и кровоточащее – можно было привязать сверху и по бокам. Впрочем, можно и наоборот – уложить внутрь, скажем, мясо снежного барана или медвежью шкуру, а личные вещи связать в узел и повесить снаружи. Дома или в лагере рюкзак просто моется струёй воды, и никаких следов надругательства над ним не остаётся. Кроме того, я беру его практически на все сплавы, а также на зимние охотничьи выезды. Своим существованием он наглядно опровергает туристскую максиму: «непромокаемый рюкзак – это всегда мокрый рюкзак».

К минусам этого ранца я продолжаю относить большой вес и то, что при движении в чашобе прорезиненная ткань шуршит под ветками. Объём его я оцениваю в сорок литров плюс пятилитровый карман.

Рюкзак «Алтай»

Этот рюкзак, приобретённый в 1989 году, был по-спартански прост и где-то, я бы сказал, суров. Это был кондовый альпинистский колбасообразный рюкзак, лишённый каких бы то ни было излишеств. У него отсутствовала даже мягкая спинка, ляжки были безо всяких изгибов (я по сию пору не знаю, зачем им этот S-образный изгиб – но, так, видимо, положено в наше

нелёгкое время), зато присутствовал очень добротный спинной пояс с функционально изготовленным упором на крестец. Самосброс на спинном поясе был стальной.

Швейцарский армейский ранец

С боков могучее тело рюкзака страховали шесть стяжных лент на металлических пряжках – по три с каждой стороны. При перевозке в пустом виде рюкзак без особых усилий можно было вывернуть наизнанку и засунуть в его же собственный спинной карман.

Ёмкость «Алтая» была девяносто литров с одним десятилитровым карманом соответственно. Изготавливался он из прочного авизента, очень устойчивого к истиранию. Наряду с простотой этот рюкзак отличался к тому же очень малым весом – кроме веса самой тряпки ему добавляли массы только пояс и боковые утяжки.

Потребовалось четыре года путешествий с самыми разными рюкзаками, чтобы понять, что именно в этой простоте и лёгкости, как выражался незабвенный Васисуалий Лоханкин, и заключена великая рюкзачная сермяжная правда. В него влезал весь лагерный скарб практически ЛЮБОГО бивака одиночного путешественника. В нём можно было носить резиновую лодку с вёслами (и туда же помещалось ещё и ружьё). Он мгновенно высыхал на палящем азиатском солнце и легко отряхивался от снега в мороз, а при помощи утяжек принимал любой разумный объём вплоть до сорока литров.

Другое дело, что, как и всякий универсальный предмет, он требовал повышенного внимания при обращении. Иными словами – его надо было не просто тщательно укладывать, но ещё и уметь это делать...

Мой старый рюкзак без имени

В середине 1993 года мне нужно было отправиться на нефтяные промыслы Прюдобей, а оттуда пройти пешком вверх по Колвиллу до предгорий хребта Брукса.

В США я сразу же столкнулся с характерной особенностью – очень высоким качеством рюкзаков и очень высокой ценой на них же (хорошие рюкзаки здесь стоили двести пятьдесят, а то и триста долларов). Последнее обстоятельство меня тормозило – денег было немного. Но относился я к цене с пониманием – давно зная, как трудно сконструировать и сшить по-настоящему хороший рюкзак.

Мой старый рюкзак без имени...

И вот, уже отчаявшись (точнее – подготовившись платить много денег), я в самом что ни на есть ширпотребовском универмаге Cart's увидел рюкзаки, стыдливо сброшенные в «могучую кучку» в углу универсама.

На рюкзаках не было никаких ярких лейблов, нигде не светился горделивый бренд, на подшитом куске капрона значилось «Made in China/Taiwan».

На первый взгляд рюкзак производил довольно благоприятное впечатление – грамотная подвеска, внутренний каркас, вентилируемая спинка, кордура, наличие перегородок, дождевик и даже съёмный карман, выполненный в виде маленького ранца – «рюкзака одного дня». Объём был близок к оптимальному для меня – около семидесяти литров.

Из очевидных недостатков можно было заметить два – клапан закрывался на одну (правда, очень широкую) лямку, пришитую посередине, и молнии были с мелким зубом, пластиковые и без названия производителя.

Сразу же скажу, что наличие лишь одной широкой лямки искупалось размерами верхнего клапана – он был очень велик и прикрывал не только горловину, но и полрюкзака. Молния же на «однодневном рюкзаке» полетела сравнительно быстро – года через три активной эксплуатации.

Этот рюкзак стал моей основной экипировкой почти на десять лет.

В те моменты, когда мне предстоял ответственный переход, при котором можно было обойтись небольшим грузом, я однозначно предпочитал его. Так же я предпочитал его в одиноких походах – всё моё личное снаряжение он позволял носить с лёгкостью.

Настоящим для него испытанием стал переход на сто восемьдесят километров от залива Бабушкина до Магадана в 1996 году.

Сам «рюкзак без имени» я тогда отдал из-за его удобства жене, а себе на этот переход взял купленный зимой в Петербурге казённый «Чегет-элит», очень похожий по конструкции и примерно того же объёма.

Дорога проходила по хребтам вдоль побережья Охотского моря, через заросли кедрового стланика, по каменным россыпям.

«Чегет-элит» за время этого перехода развалился на части – позволила ему дойти до места лишь предусмотрительно взятая катушка капроновых ниток.

После этого «рюкзак без имени» снова побывал на Аляске, на Чукотке, в Средней Азии, прошёл со мной по Охотскому побережью и верховьям Колымы всё-таки не одну тысячу километров.

Я его предпочитал всем остальным рюкзакам для путешествий в «стране кедрового стланика» – его «зализанный» силуэт не давал никакой пищи жадным веткам этого цепляющего растения.

За всё время его работы кордура на нём ни разу не порвалась. И даже когда я пошёл вниз по крутому склону и неожиданно увидел под ногами пятнадцатиметровый обрыв, то использовал «рюкзак без имени» в качестве тормоза, и он, по крайней мере внешне, не потерпел никакого ущерба (при этом спас мне как минимум кости).

Довольно точно могу сказать, чего я с ним никогда не делал – я не носил в нём мяса и медвежьих шкур, короче, переносил только лагерные и личные вещи.

Для переноски тяжёлого и объёмного груза я всё-таки старался использовать рюкзак американского лёгкого пехотинца. Когда предполагался выстрел по зверю, я обычно давал его пустым клиенту, который собирался стрелять, а вещи клиента и свои тащил в «рюкзаке без имени». Потом мы, естественно, менялись.

Конечно, мой рюкзак нёс потери. Сперва потерялась пенополиуретановая вставка в спинку, затем алюминиевый каркас. При этом, что характерно, чего рюкзак не терял – так это форму, держась сугубо на спинке и карманах. Затем, во время какой-то ночёвки, я прожёл в спинке несколько дырок.

И наконец, начали ломаться пряжки и протираться материал пояса и лямок.

Сегодня он, грустный и пустой, лежит в углу моей комнаты. Рядом, сверкая пряжками, страпами и лейблами гордо стоит новенький Ferrino Transalp TRK 75.

И всё равно мне кажется, что, когда мне придётся снова идти в далёкий и сложный маршрут, я подниму из угла тёмно-зелёный рюкзак, не упоминающий о своём происхождении, и снова вверю ему имущество, временный дом и самого себя. А ведь я до сих пор не знаю, как его зовут.

Глава 15

Малые рюкзаки

Мы завершили краткий очерк о больших рюкзаках путешественников. Однако попробуйте вспомнить, как давно вам приходилось ходить на большие расстояния и переносить тяжёлые грузы? Всё-таки большая часть народа рассматривает рюкзак как средство взять с собой что-нибудь на один, максимум на два дня.

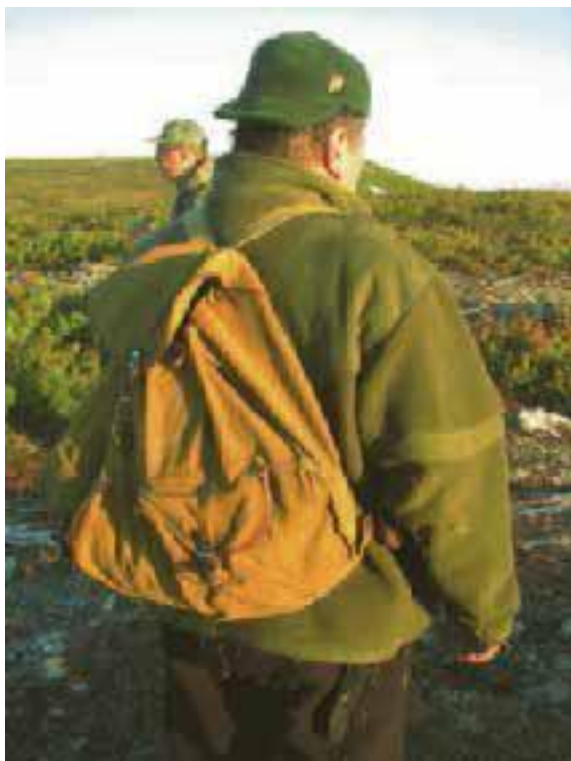

Современный рюкзак однодневного выхода.

То же и охотник. Большой груз он привозит на свою базу лодкой, вездеходом, трактором или вертолётom. А вот разнести по первопутку приманку, взять с собой «тормозок», тёплую куртку, «чифирьбак» – здесь как раз и нужен маленький рюкзачок – рюкзак «маршрута выходного дня». В англоязычном варианте он же называется гораздо более правильно – one day pack, дословно – «рюкзак однодневного выхода».

«Пионерский» рюкзак

До середины восьмидесятых годов у массового потребителя не было особенного выбора – в продаже существовал только один рюкзак, подходивший под данную категорию. Это так называемый пионерский рюкзак – рюкзачок из плащ-палаточной ткани с брезентовыми ляжками и проволоочными застёжками. Ёмкость у него была где-то пятнадцать-двадцать литров. Ругали их все. И эти же все с ними ходили. Так что, несмотря на ярко выраженные недостатки, эти рюкзаки выполняли свою основную функцию – быть спутниками на коротких маршрутах. Существует множество способов повысить их эффективность – например, заменить пряжки на лямках или попросту после последней регулировки замотать их тянущейся изолентой.

Пионерский» рюкзак.

Конечно, будучи уложен как попало, он форму не держал, но тем не менее лямки у него были прикреплены под нормальным углом – раз. пристроены широким куском натуральной кожи – два. и вообще, если абстрагироваться от крайне непрезентабельного внешнего вида, сшит он был крайне прочно – как говорится, «трактором не растащишь».

Экспедиционные умельцы из числа всяких нетрадиционных специалистов (ботаники, герпетологи, студенты полевых практикумов и др.) на базе пионерского рюкзака делали всякие многочисленные усовершенствования – пришивали к бокам два больших кармана, в результате чего объём увеличивался вдвое, переделывали верхний клапан, вшивая в него две лямки на затяжках. Но все эти «приспособы» не меняли главного недостатка – малого объёма самого мешка. Или это уже получался совершенно другой рюкзак.

Малый каркасный рюкзак

Старшим братом пионерского рюкзака был так называемый малый каркасный рюкзак. Объёмом он был больше двадцати литров, а к карману на задней стенке добавился ещё один на металлической молнии в клапане. Форму ему помогал держать очень удачный каркас из нержавеющей стали, с которого мешок можно было легко снять и постирать. Объявить его близким к идеальному мне мешает только то обстоятельство, что, как бы ни был сглажен его остов, он всё равно тёр и царапал приклад ружья.

Рюкзаки побольше

Геологические рюкзаки из плащ-палаточной ткани традиционной формы средних размеров (объёмом около тридцати литров) в большей степени отвечали требованиям «коротких маршрутов». Такие рюкзаки и поныне являются очень рациональными для этих типов походов, выгодно отличаясь от более современных моделей простотой и лёгкостью. Внешние карманы у них или уже были, или не составляло никакого труда в дополнение к одному добавить ещё пару.

И вновь о карманах

Карманы – тема бесконечных дискуссий любого «рюкзачника». Пользуясь авторским правом, пропагандирую свою точку зрения (я её уже озвучивал в предыдущей главе): лучше один большой карман, нежели восемь маленьких. Тут же объясняю: в большой карман можно засунуть какую-нибудь крупную вещь – тент, ветровку, а на дно его – ещё десяток маленьких. В маленьком же кармане ничего, кроме одной-двух маленьких вещей, не поместится. Таким образом, на знаменитом многофункциональном рюкзаке «Егерь», где карманов около десяти, в реальной жизни пустует две трети от их объёма. Потом маленькие вещи, нужные обычно на стоянке, имеют замечательное свойство объединяться с другими вещами – побольше. (К примеру, котелок: в нём – кружка, ложка, сахар, чай. Фотоаппарат – под клапаном, завёрнут в куртку.) Что до жизненно важных мелочей, то они прекрасно распахиваются по карманам штанов и куртки.

Фигурная спинка современного рюкзака однодневного выхода.

Так что оптимальным количеством карманов для рюкзака «однодневного выхода» является, с моей точки зрения, три: один – сзади, два – по бокам. Знаю, знаю, на большинстве современных рюкзаков этого типа присутствует ещё один рюкзачок – в клапане. Но реально им пользуешься редко-редко (впрочем, это может быть личной привычкой). Поэтому у меня там лежат предметы, которые вроде как положено иметь, но бывают они нужны раз в год, а то и реже, – тонкий фал и неприкосновенный аварийный запас – НАЗ).

Рюкзаки «городские» и «школьные»

С появлением огромного количества маленьких и средних рюкзачков городского типа многим, в том числе и мне, показалось, что проблема «маленького рюкзака» реально решена. Однако это не так. Дело в том, что городские рюкзаки, продающиеся сегодня, например, в Магадане, имеют ряд особенностей, не дающих использовать их в полевых условиях. Первое – это, как правило, ломкий и недолговечный материал. Второе – низкокачественные молнии, на которых держится до восьмидесяти процентов всего застёгивающегося периметра. Они расходятся не только от дождя, но даже и просто от тумана. И больше уже не сходятся. Третье –

огромное количество всяких лямочек, брелочков и прочих «дураковок». Тех самых, которых на тропе с таким нетерпением ожидают жадные ветки кустарников.

«Рабочие» рюкзаки

Продолжаю оставаться в убеждении, что даже для однодневного маршрута необходим рюкзак основным объёмом не менее двадцати пяти литров. Карманов, как я уже сообщал выше, желательно иметь три. но коль уж четвёртый вам так или иначе конструктор всучивает в нагрузку – то и пёс с ним. Пусть будет. Может, вы окажетесь изобретательнее меня и найдёте что в него положить. Горловина должна затягиваться на верёвку без труда, а для этого она должна быть выполнена отдельно от основного мешка из более мягкого материала и пришита. Клапан лучше всего иметь пришитым единым куском со стороны спинки, застёгиваться он должен на две застёжки. Основной карман на тыльной стороне. как я уже писал, желательно иметь размерами побольше и тоже на верёвочной затяжке. На боковых карманах можно смириться с молниями, только а) надо удостовериться в их надёжности (известная фирма, крупный зуб. металл – но это уже из области нирваны) и б) следить за их состоянием. Спинка полужёсткая – практически обязательна, лучше с внутренним каркасом. Пояс – вопрос спорный. Если вы не собираетесь таскать в вашем рюкзачке золото или мясо, то он вам, пожалуй, и не нужен. А что можно (и нужно) таскать в рюкзаке помимо вышеупомянутых предметов. мы обсудим в дальнейшем.

Рюкзак фотографа.

А пока, резюмируя «рюкзачную тему», объявляю лозунг: «Попроше, покрепче и полегче!».

Именно в этой последовательности. Попроше. Покрепче. Полегче.

Профессиональный фоторюкзак.

Глава 16

Раскладка путешественника

Итак, мы подошли к самому главному: какова выкладка пешего путешественника, который планирует пробыть в походе семь-девять дней в одиночку или с малой группой, и что в эту выкладку входит.

Средний вес носимого снаряжения большинство путешественников определяют в диапазоне от двенадцати до двадцати двух килограммов, оптимально – пятнадцать-восемнадцать килограммов. Напоминаю – вес снаряжения прежде всего зависит от времени года и климатических условий местности. Большая часть приводимых мной рекомендаций относится к весенне-зимнему периоду районов с умеренным климатом, в той части, где проходит граница с субарктическими областями. Это северная тайга и лесотундра с невысокими холмами.

Всё снаряжение путника путешествует, как правило, в его рюкзаке.

Кроме того, большинство странников стараются путешествовать в краях, где можно опереться на внешние источники топлива – дрова, мелкий кустарничек, кизяк. Поэтому в разбираемой нами выкладке не учитывается наличие горелки (примуса) и топлива для неё.

В таблице на следующей странице представлен список снаряжения, составленный с максимальными допусками по весу. Однако практика показывает, что, как бы вы ни старались уменьшить носимый вес рюкзака, это получается, мягко говоря, с некоторым трудом.

Я рекомендую поступать так.

Выкладываем в стопку А вещи, запланированные к походу.

Вытаскиваем из этой стопки предметы, которые в той или иной степени дублируют своё назначение (пример – котелок и чайник, в некоторой степени – кружка), и складываем их отдельно – в стопку Б.

Теперь из стопки А вытаскиваем жизненно необходимые предметы снаряжения и также складываем их отдельно – в стопку В.

Затем берём стопку В (жизненно необходимое) и добавляем к ней «среднее арифметическое» из того, что осталось в стопке А (очень уж необязательное) и в стопке Б (умеренной важности) снаряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.